

ЩЕНКИ

МЕДВЕЖАТНИКИ

ВИТАЛИЙ ЕРЁМИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Ерёмин

Щенки-медвежатники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67621842

SelfPub; 2022

Аннотация

У нас крайне мало беллетристики для подростков. То есть книг, где главные герои – подростки. Поэтому «Щенки» могут отчасти заделать эту прореху. Хотя надо сразу оговориться, что в этой книге действуют подростки 60-х годов прошлого века, то есть 60-летней давности. Но время не властно над психологией прекрасного возраста. Подросток всегда подросток, в любом веке. Когда резвятся щенки-детеныши разных зверей – глаз не оторвать. А уж «щенки» из этой повести «резвятся» напрапалую. Героям этой книги так же, как и некоторым сегодняшним ребятам, катастрофически не везет с родителями и учителями, с учебой и шпаной из соседнего враждебного района. Их одолевает тяга к большим деньгам и риску. В результате они попадают в предельно опасные ситуации, совершают умопомрачительные по сложности преступления.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Заход	4
Белый танец	12
Искушение	60
Медвежатники	133
Нары	197
Жара	248
Десант блатных	289
Алмаз	334
Гастроль	372
Кончита	396

Виталий Ерёмин

Щенки-медвежатники

Заход

Гипотенуза, пересохшая дева с воротником по самые уши, перебирала глазами учеников: кого бы вызвать к доске? Кто-то тянул руку, а кто-то вжимал голову в плечи.

Андрей придавил ногу Мишке и прошептал:

– Ну, чего тянешь?

Мишка громко спросил:

– Можно выйти?

– В чем дело, Левитин? – прогундела Гипотенуза.

– Приспичило, – со смешком пояснил Андрей.

Мишка пихнул его локтем. Андрей врезал ему по шее.

Гипотенуза треснула ладонью по столу.

– А ну, встали и вышли. И чтобы я вас больше не видела!

Лоботрясы чертовы!

Давясь от смеха, приятели выскочили из класса.

Они вышли из школы, сели на скамейку возле жилого пятиэтажного дома. Закурили. Пригревало апрельское солнце. Уже можно было загорать и не париться в этой чертовой школе.

– Домой надо, – сказал Мишка, – но так неохота.

– Чего тебе-то дома делать? – поинтересовался Андрей.

– В аптеку надо бы сбегать.

Андрей вздохнул.

– Меня тоже задание ждет. В письменном виде.

Андрей знал, что говорил. На кухонном столе лежала записка. Мать по пунктам расписала, что надо сделать. 1. Купить хлеба и молока. 2. Вытереть пыль. 3. Помыть полы. 4. Сдать бутылки.

Андрей поставил пластинку Владимира Трошина и начал прибирать квартиру.

Когда пластинка кончилась, Андрей поставил Гелену Великанову.

– Ландыши, ландыши, светлого мая привет, – пела Великанова.

Пришла мать. Она, как сержант в казарме, провела рукой под диваном, посмотрела на пальцы. Были видны следы пыли.

– Сейчас, небось, на кино будешь просить. Не заслуживаешь, – проворчала мать.

Андрей мигом вытер пыль там, где схалтурил. Мать открыла кошелек, отсчитала мелочь.

– Эти пятьдесят копеек ты даешь мне уже лет десять, – с досадой сказал Андрей.

– А что, цены на кино выросли? – ехидно отозвалась мать.

– Я вырос.

Мать поняла намек.

– Нечего баловать. Пусть на свои ходят.

– Я все-таки мужчина...

– Какой ты мужчина? Лучше бы об учебе думал. Сдай бутылки – будет тебе рубль.

– Мама, сдавать бутылки – такая стыдуха.

– Ничего, с тебя не убудет, – отрезала мать.

Хрустальщик был гад. Это у него на роже было написано. Каждого, кто подходил к нему с авоськой, полной пустых бутылок, он окидывал пакостным взглядом: мол, я тут царь и бог, захочу – все приму, а захочу – все забракую.

Очередь покорно молчала. Потом одна женщина не выдержала:

– Каждый день новые правила. То темные бутылки не принимают! То светлые, то большие, то маленькие! То они тут работают! То не работают. Мало того, что идем сюда, стеклом звеним, еще и здесь унижение терпим.

Женщину поддержала бойкая бабулька:

– Принимает на копейку, а богатеет на тысячу. Видали, уже на «Москвиче» разъезжает.

Хрустальщик огрел очередь тяжелым взглядом.

– Бабы, еще одно слово – вообще ни у кого ничего не приму.

Очередь примолкла. Подошел черед Андрея. Хрустальщик осмотрел его бутылки, пощупал горлышки и отставил в сторону не меньше пяти. Почти половину.

– В чем дело? Нормальные бутылки, – возмутился Ан-

дрей.

– Где нормальные? Со сколом, – прорычал приемщик.

Андрей повысил голос:

– Где хоть один скол? Покажи!

– Будешь тут еще командовать? – рявкнул хрустальщик. –

А ну, вали отсюда!

Андрей сложил все свои бутылки обратно в сумку. Его трясло. Он так надеялся на навар. Можно было сказать матери, что не приняли пять бутылок, а деньги зажилить.

Андрей был уже у выхода, когда хрустальщик крикнул вслед:

– Чтоб я тебя больше здесь не видел!

Андрей с размаху жахнул сумкой по стенке подвала. Вытряхнул битое стекло и со всей силы хлопнул за собой дверь.

– Ну, погоди, сволочь такая! Ты мне еще попадешься! – вопил хрустальщик.

Андрей подошел к своему дому. Генка и Мишка ждали у подъезда.

– Что-то случилось? – спросил Мишка.

– Убил бы гада, – с ненавистью выдохнул Андрей.

Генка протянул ему сигарету.

– Я говорю, давайте возьмем магазин, – подал голос Мишка.

– Закрылся б ты, Мишаня, – проворчал Генка.

Помолчали. Поплевали на тротуар. Потом Генка сказал:

– Андрюха, у меня идея. Давай купим сто лотерейных билетов. Вдруг выиграем?

– Купим... – передразнил Андрей. – На какие шиши?

Генка с гордым видом вынул из кармана деньги.

– Продал сегодня Крюку выкидушку и два кастета. Давай я покупаю билеты, а ты приносишь лотерейную таблицу. Завтра, ага?

– Глупо, – обронил Мишка.

– Что глупо? – спросил Генка.

– Играть с государством в азартные игры глупо.

– Лучше украсть?

– Представь себе. Шансов разжиться куда больше.

Андрею на вельветовую курточку села божья коровка.

Мишка осторожно снял ее и сказал:

– Андрюха, загадай три желания.

– Загадал, – отозвался Андрей.

– Ну, говори.

– Хочу свободы и денег.

– Деньги и свобода – одно и то же, – сказал Мишка.

– Значит, много денег.

– Ладно, давай еще два желания.

– Хочу кого-нибудь поиметь, – признался Андрей.

– Ну, это само собой. А третье?

– Чтобы слободские и центровые не мешали жить.

– Много хочешь, – вставил Генка.

– А я с Андрюхой согласен, – сказал Мишка.

Снова помолчали.

– Мы всем еще покажем, – запальчиво произнес Андрей.

Генка и Мишка промолчали; видно, они не разделяли этой уверенности.

Ребята еще немного посидели и разошлись по домам.

– А где деньги? – спросила мать, когда Андрей вернулся.

– Нет денег.

– То есть как?

– Так. Завтра отдам. Заработаю и отдам.

Удивительно, но мать не стала ничего выяснять.

Андрей ушел в свою комнату, взял книгу Льва Шейнина «Старый знакомый», лег на диван и стал читать про благородных грабителей и удачливых медвежатников.

Послышались осторожные шаги матери. Андрей взял учебник химии и прикрыл им книгу Льва Шейнина.

– Что читаешь? – поинтересовалась мать.

– Как видишь, химию.

– Покажи-ка дневник, химик.

Андрей протянул дневник. Мать полистала, вздохнула:

– Сплошные тройки.

– Ну почему? – возразил Андрей. – И пятерки есть, и четверки. По истории, по географии, по литературе, по физкультуре.

– А где двойки? Тебе что, двойки не ставят?

– Хорошо, получу двойки, если так хочешь, – согласился

Андрей.

– Не верю я тебе, – сказала мать.

«В кого же мне быть лучше?» – подумал Андрей.

Мать пошла на кухню. Андрей проводил ее взглядом и начал соображать, как бы отомстить хрустальщику. Ничего путного в голову не приходило. Откуда Андрею было знать, что судьба уже распорядилась.

Когда очередь к хрустальщику иссякла, к приемному пункту подошли четверо пацанов лет четырнадцати-пятнадцати. Один остался стоять на стреме. Трое спустились в подвал. Один встал в дверях. Двое самых старших и крепких подошли к хрустальщику.

Тот сидел на стуле среди ящиков с бутылками, которые громоздились под самый потолок.

– Гони монету! – приказал пацан.

– Чего? – набычился хрустальщик. – Салага, ты на кого тянешь?

Другой пацан сказал твердо:

– С тобой люди говорили? Говорили. Тебя предупредили?

Предупредили. Плати, урод!

Хрустальщик поднялся с шоферской монтировкой в руках.

– Сейчас заплачу.

Но он не успел даже толком замахнуться. Пацаны толкнули на него ящики. Бутылки с грохотом посыпались вниз. Хрустальщик упал, порезал руки об осколки, но тут же вскочил и бросился на пацанов.

Те кинулись к двери. Они готовы были сбежать, но на пороге выросли двое постарше с ножами, какими обычно режут свиней.

Они проткнули хрустальщика с двух сторон. Мужик издал стон, похожий на рев животного, и стал оседать на пол.

Один из старших обвел глазами пацанов:

– Ну чего стоите? Делайте!

Пацаны вытащили отточенные велосипедные спицы и принялись тыкать неподвижное тело хрустальщика.

Белый танец

Отец вошел в комнату, врубил на полную катушку радио и начал копаться в шкафах. Каждое утро он что-то искал, не находил, психовал, мешал спать. Есть такая болезнь – ангедония. Плохое настроение по утрам.

Диктор сказал сначала по-русски, а потом по-казахски, что время семь часов десять минут утра. И предложил послушать музыку Брусиловского. Из динамика полились звуки домбры.

«Какого черта этот Брусиловский сочиняет казахскую музыку?» – подумал Андрей и разлепил глаза. Рядом сопел на раскладушке девятилетний Славик. В кресле-кровати спал младший брат Валерка. Счастливый пукеныш, он еще не учился.

Андрей натянул одеяло на голову. Отец тут же сдернул.
– Вставай, хватит нежиться.

Славика, любимчика своего, пока не будил. Давал до-спать.

В ванной Андрей продрал глаза. Глядя в зеркало, выпятил челюсть. Так он себе больше нравился, выглядел мужественней. Почистил зубы, поскреб отцовской бритвой щеки и подбородок. Эта чертова борода никак не хотела расти.

Отец распахнул дверь в ванную.

– Хватит рисоваться. Марш завтракать.

Андрей скорчил в зеркало рожу и дурашливо отдал честь.

Отец метал котлеты с картофельным пюре и шмыгал носом. У него было хроническое воспаление носоглотки. Мать ела, не поднимая глаз. Значит, уже поссорились.

– Почему композитор Брусиловский пишет казахскую музыку? – спросил Андрей.

– Нравится, вот и пишет, – сказала мать.

Отец поднял глаза.

– Видишь, что у него на уме вместо учебы? Следишь за ним? Дневник проверяешь?

– Проверяю, – отозвалась мать.

К дому подкатил автобус, отвозивший служащих на стройку. Отец торопливо допил компот и приказал матери:

– Глаз с него не спускай! – Тихо добавил, обращаясь к Андрею: – Завалишь экзамены – пеняй на себя. Снова на железку пойдешь шпалы ворочать.

Андрей перестал есть. Его мутило. Ну почему все вздрючки обязательно устраивать за едой?

Дверь за отцом захлопнулась. Стало легче дышать.

– Не превращай мою жизнь в ад, – с пафосом сказала мать.

– Для меня ад – школа, – ответил Андрей.

– Что ты себе внушил! – воскликнула мать. – Ты в такой школе еще не учился.

Кто спорит, новая пятиэтажная школа с высокими потолками, широкими лестничными маршами, большими классами была что надо. Только это ли главное?

Андрей подошел к окну. Вне дома отец был совсем другим: разговорчивым и добродушным. Вот и сейчас он стоял с мужиками у автобуса и, судя по их веселым лицам, рассказывал анекдот.

Рядом была стройплощадка, огороженная высоким забором с колючей проволокой. По углам на вышках уже топтались вертухаи, в основном «урюки».

Наконец-то, с большим опозданием, на машинах с высокими бортами привезли эков. Лаяли овчарки, покрикивали конвойные. Люди шли мимо, никто не удивлялся. Зэки в городе были такой же частью жизни, как пыль или грязь.

В дверь позвонили. Пришла соседка Зойка Щукина. Глянула в зеркало в прихожей, вздохнула:

– Что-то я сегодня плохо выгляжу.

Поделилась последней новостью:

– Слышали? Хрустальщика убили.

– Кого? – не поняла мать.

– Приемщика стеклотары.

«Вот это да!» – удивился Андрей.

Мать всплеснула руками.

– Господи, что же это делается! За что его?

– Какое это имеет значение? – равнодушно обронила Зойка и вполголоса спросила Андрея: – У тебя сегодня снова гуляш по коридору?

Андрей почесал в голове.

– Хочешь, я тебя заложу? – прошептала Зойка.

– Валяй, – насмешливо отозвался Андрей.

– О чем шепчетесь? – спросила из кухни мать.

– Анна Сергеевна, – сообщила Зойка, – завтра 22 апреля, день рождения Ленина. А стенгазета не готова. Классная наша, Гипотенуза, рвет и мечет.

Мать появилась в прихожей.

– Не поняла юмора. Газета готова, Андрей вчера нарисовал.

– Покажи, – потребовала Зойка.

Андрей развернул лист ватмана. Зойка прыснула.

– Псих, ты зачем так Ленина изобразил? Он же у тебя на директора похож!

«И, правда, зачем я это сделал?» – подумал Андрей.

– Ты точно псих, – подытожила Зойка. – Сам неси свою мазню Гипотенузе.

Андрей вышел из дома и сделал вид, что идет в школу. На самом деле вошел в другой подъезд и поднялся на крышу.

С пятого этажа было видно полгорода. Мазанки, халупы, старые купеческие особняки. Только вокруг стояли такие же пятиэтажные дома. Это был единственный в городе современный квартал. И звали его Новостройка.

Небо было чистое, солнце ласковое. Андрей закурил сигарету и лег, положив под голову школьную сумку. Перед глазами была крыша соседнего строящегося дома. Вертухай на вышке дремал. Зэки в поте морды укладывали рубероид и заливали щели битумом. Тот, что помоложе, свистнул:

- Эй, фраерок, кинь пачечку чая.
- Откуда у меня? – лениво отозвался Андрей.
- Сгоняй домой.
- Мать не даст.
- Стырь.
- Я дома не ворую.
- А вообще тыришь?

Зэк развлекался. Но Андрею было не до шуток. Он огрызнулся:

- Ты кто такой, чтобы меня исповедовать?

В сторонке от работавших зэков сидел еще один. Как и Андрей, просто грелся на солнышке. И выделялся особенными татуировками. На груди – пасть тигра, на ключицах – звезды, на спине – крест с распятой женщиной. «Блатной», – определил Андрей.

Вертухай навел на Андрея винтовку.

- А ну, мотай с крыши. Мотай, кому сказал!
- Щас, разогнался, – процедил Андрей
- Правильно, пацан, не бойся его, – подал голос блатной. –

Это он так, для порядка шумит. Он сам чифир любит.

Вертухай заткнулся и стал смотреть в другую сторону.

– Эй, дружок, тебя как зовут? Кликуха есть? – спросил блатной.

– Корень.

– Будем знакомы, Корень, – сказал блатной.

Голос у него был густой, властный. Себя он не назвал. Лег

и прикрыл глаза зэковской кепочкой. Вроде задремал. «Расписной», – подумал Андрей. Так в городе называли зэков с наколками на всем теле.

Из чердачного окна вылез Генка Сорокин. В зубах у него торчала спичка. Генка увлекался английским, почти непрерывно учил слова. Спичка помогала отрабатывать правильное произношение.

– Хай! – поздоровался Генка.

Андрей презрительно посмотрел на приятеля. Белобрый, сероглазый, вылитый фриц. Ну и учил бы немецкий.

– Хайль, – передразнил Андрей. – Нафиг тебе этот инглиш? Что ты с ним будешь делать? С кем разговаривать?

– С иностранцами.

– Где?

– За границей.

– Размечтался. Кто тебя туда пустит?

– Сбегу. Перейду границу. Попрошу политического убежища.

Андрей сплюнул.

– Зачем тебе это нужно?

Генка вздохнул:

– Надоело жить в дерьме. Вся наша жизнь, Андрюха, дерьмо. Старшеклассники в США ездят в школу на своих машинах. А ты, для того чтобы сходить в кино или на танцы, сдаешь бутылки. А я делаю ножи для чеченцев, которыми они потом режут русских.

Глядя на интеллигентную физиономию Генки, трудно было подумать, что он работает на механическом заводе простым токарем.

– С чего ты взял, что американские пацаны ездят на своих машинах? – спросил Андрей.

– Читал в журнале «Америка». Отец выписывал.

«Странно, вроде друг, а ничего не рассказывает о своих родителях. Значит, не друг, а так, кент», – подумал Андрей.

– Ну что, начнем? – предложил Генка.

– Давай, – согласился Андрей.

Генка достал из кармана пачку лотерейных билетов, Андрей развернул газетную таблицу. Стали проверять номера. Расписной наблюдал за ними.

– Что такое не везет и как с ним бороться? – возмутился Генка, отбрасывая в сторону один билет за другим.

Наконец, стало ясно, что не выиграл ни один из целой сотни билетов.

– Эх, надо было купить пачку, где номера идут подряд, – простонал Генка.

Он сгреб билеты и швырнул их с крыши. Они полетели, как листовки.

– Что, Корень, чахотка замучила? – насмешливо спросил Расписной.

Друзья переглянулись. Они петрили по фене, знали немало жаргонных слов. Но тут было что-то новенькое.

– Карманная чахотка, говорю, замучила? – переспросил

Расписной. – Не морщи попу, Корень. Это дело поправимое. Сгоняй за коньяком.

Точным движением зэк перебросил груз с деньгами. Андрей подобрал, пересчитал деньги.

– Купи два пузыря, грелку, ну что тебе объяснять? – оживился Расписной.

Андрей пошел в магазин. Вообще-то спиртное продавали только после одиннадцати. Но за два рубля сверху продавщица без разговора полезла под прилавок.

В соседней аптеке Андрей купил грелку, влил в нее коньяк и поднялся на крышу.

– А ты нормальный пацан, – похвалил Расписной.

Андрей подмигнул Генке.

– С тальком будет пить.

Это их слегка развеселило.

Было девять утра. Пришло время спускаться с крыши.

Перед тем как войти в квартиру, Андрей на всякий случай позвонил. Тишина. Все нормально. Матери нет, отвела Валерку в детский сад и пошла по магазинам.

Андрей начал угощать друга.

– Хорошо тем, у кого есть дом, – со вздохом отметил Генка.

И набросился на котлеты. Он метал в рот, как в топку, будто его держали впроголодь. Отчасти, наверно, так и было. Генка что-то натворил на Брянщине и сбежал сюда, в Казахстан. Жил в семье родной тетки, а там хватало своих ртов.

Потом они закурили и стали обсуждать убийство хрустальщика. Генка уже знал кое-какие подробности. Оказывается, смертельные удары были нанесены длинным ножом. Но на теле оказалось еще множество мелких колотых ран. Значит, скорее всего, дело рук чехов. Так здесь называли чеченцев. Только они носили похожие на кинжалы длинные ножи. И только они, по слухам, давали потыкать тела убитых своим мальчикам.

– Если это чехи, то получается, что они сами себя выдали, – недоумевал Генка. – Нет, не такие они дураки. Вообще тут что-то не так.

Андрей молча курил. Он был того же мнения.

– А если не чехи, то кто? – рассуждал Генка. – Только слободские, больше никому.

В городе было шесть районов и столько же группировок: вокзальные, затонские, абаевские (казахи), Гусинка (район компактного проживания чеченцев), центровые (смешанная кодла, поскольку русские и чеченцы жили в центре впере-мешку) и слободские.

Самыми авторитетными были центровые. Их сила была в чеченцах, которые в любой момент могли призвать на помощь Гусинку. В сущности, Центр и Гусинка были одной группировкой. Но авторитет центровых держался еще и на умении держать фасон. Многие из них уже носили узкие брюки, твидовые пиджаки и яркие галстуки, отращивали длинные волосы. А отсталые слободские ходили в фуфайках,

носили кирзовые сапоги с отворотами и стриглись наголо, под зону.

И вообще Слободка была полной оторвановкой. В последнее время там происходили жуткие вещи. Начали травиться и вешаться школьники разных классов. Даже те, кто не мотались, не входили в группировку. Чуть ли не каждый месяц мимо Новостройки шли на кладбище траурные процессии.

Родители били тревогу, утверждали, что это не простые самоубийства. Однако расследования ничего не давали. Что-то знал Костик Громов, партнер Андрея по баскетболу. До девятого класса он проучился в слободской школе, а потом почему-то перевелся в новостроевскую и бросил бокс. Но Костик не хотел говорить на эту тему.

Генке нужно было на работу. Андрею – на берег Иртыша. Им было по пути. Шли и обсуждали положение.

– Неважно, кто убил хрустальщика, чехи или слободские. Главное, что между ними вот-вот начнется война, – говорил Андрей.

– Первый бой может быть сегодня, – согласился Генка.

В Новостройке только что был построен широкоэкранный кинотеатр «Ударник». Значит, и держать его, по законам улицы, должны были новостроевские. Но они не были шпаной. Почти все – дети служащих строящегося тракторного завода. Они приехали из разных концов страны, только недавно познакомились. Их ничто не связывало друг с другом. Центровые и слободские считали их маменькиными

сынками и дружно презирали.

Центровые держали парк с таблеткой – круглой танцплощадкой – и драмтеатр. У слободских был свой топтодром в зачуханном бараке под названием Дунькин клуб. Поэтому, по праву обделенных, они считали, что современный кинотеатр должен отойти к ним.

Сегодня вечером должно было состояться торжественное открытие «Ударника» и первый танцевальный вечер. В том, что придут слободские, никто не сомневался. Но было неясно, как поведут себя центровые.

– Зван так расставит своих троглодитов – не проскочишь, – сказал Генка.

Игорь Названов по прозвищу Зван был королем слободских.

– Пустить нас сегодня, – развивал свою мысль Генка, – значит, показать, что они не против, чтобы мы ходили в «Ударник».

– А если придут центровые? – спросил Андрей.

– Ну что, махаловка будет. Без боя слободские «Ударник» не уступят.

Они вышли на высокий берег Иртыша. Внизу, на песчаной косе, распластались первые загорающие. Перевозчики на двух лодках переправляли на другой берег людей с лопатами и тяпками. Там были огороды.

– Ты-то что решил? – спросил Генка.

– Лично я иду, – ответил Андрей. – Сейчас только под-

рублю бабок.

– Один пойдешь, что ли? – обиделся Генка.

– Если никто на надумает, то один.

– Ну да, ты ж у нас кибальчиш.

– Геныч, где наша не пропадала.

– Ладно, до вечера, – сухо бросил Генка.

Андрей спустился по склону вниз, взял у знакомого парня лодку, весла и начал перевозить через Иртыш огородников. Рубль с человека – туда, рубль – обратно. К обеду его карман был набит мятыми деньгами.

В приподнятом настроении он окунулся в Иртыш. Вода была еще холодная, но Андрей не мог нарушить свою традицию: первый раз купаться в апреле.

Он зашел в столовку, обменял мелочь на бумажные деньги, пообедал и пошагал домой. По пути купил пачку сигарет и бутылку водки.

Дома развернул ватманский лист, всмотрелся. Великий вождь действительно получился похожим на директора школы.

«Но это его проблемы, Карпыча нашего, темную бы ему устроить», – подумал Андрей. Он свернул газету в трубку, взял сумку с кедами и спортивной формой и пошел в школу.

Во второй половине дня занимались только младшие классы. Коридоры были пусты. Андрей поднялся на третий этаж, повесил газету на стену и спустился в спортзал.

Там уже стучали мячи. В пропахшей потом раздевалке на-

ходился один Костик. Похоже, он был не в духе. Молча протянул руку, даже «здравствуй» не сказал. Андрей искоса по-смастривал на него, не переставая удивляться, до чего ж здоров его приятель. Просто верзила.

Молчание затягивалось, и Андрей не выдержал, сказал про убийство хрустальщика.

– Я знаю, чья это работа, – буркнул Костик. Он хотел что-то добавить и осекся. В раздевалку входил Жорик.

– Привет! – жизнерадостно поздоровался Жорик.

Андрей и Костик ответили, хотя и не так приветливо. Они не любили Жорика. Вместо того чтобы отдать пас, он обычно норовил сам забросить мяч в кольцо и постоянно мазал. И вообще был скользкий тип. Но пацаны его терпели, он всегда был при деньгах, легко мог одолжить рубль-другой, угощал хорошими сигаретами. Никто не знал, что Жорик покупал хорошее к себе отношение очень просто – потихоньку тасил денежки из родительского кошелька. Папаша у него был шишкой на строящемся тракторном заводе.

Игра у Костика сегодня не клеилась. Мяч выпадал из рук и не летел в кольцо. Но тренер и бровью не вел. Он уважал Костика. Все-таки местная знаменитость, чемпион области по боксу.

Пришла Ленка, девчонка Костика. Стоя в дверях спортзала, она наблюдала за игрой. Ленка закончила восемь классов, выучилась на парикмахера, хорошо зарабатывала, стильно одевалась. И вообще была девочка хоть куда.

После тренировки они втроем пошли по «Бродвею». Так громко называлась среди ребят единственная улица в Новостройке, покрытая асфальтом. Костик был все так же угрюм. Он сказал Андрею:

– Хочу, чтобы ты знал: слободские совсем оборзели. Гнут своих, опробовали эту систему и вот-вот начнут гнуть вас, новостроевских. Всем заправляют Зван, Жгучий и Волдырь.

Андрей спросил:

– Если ты знаешь, кто убил хрустальщика, почему не скажешь?

Костик скривился.

– Кому? Мусорам, что ли? – Добавил после паузы: – Я знаю, почему могли его убить и кто на это способен. Но конкретных доказательств у меня нет.

– Жорик, по-моему, слышал наш разговор, – напомнил Андрей.

Костик нервно рассмеялся.

– Поэтому у меня и игра не шла. Помнишь, прошлым летом слободские громили вашу танцплощадку? Всем тогда досталось, а Жорика почему-то не тронули.

Андрей кивнул. Он помнил. Только, как и все, думал, что Жорик просто вовремя сделал ноги.

Спросил:

– Так вы идете сегодня в «Ударник»?

Костик переглянулся с Ленкой и пожал плечами.

– Еще не решили. Вообще-то – никакого настроения.

Андрей стоял и смотрел им вслед. На душе скребли кошки. Что-то будет сегодня вечером...

Дома Андрей поставил пластинку с 1-м концертом Чайковского. Слушал и гладил брюки, готовился к вечеру. И думал, что теперь, после убийства хрустальщика, он останется без мелкого заработка.

Покончив с брюками, Андрей почистил «гады», так назывались туфли с толстой подошвой, и начал гладить заработанные деньги. Он мечтал о хрустящих деньгах, а эти были будто жеваные. Гладил и смеялся, понимая, как смешно это выглядит со стороны.

Потом вспомнил свои первые заработанные деньги. Соседский пацан научил его грести и дал лодку. Андрей перевозил огородников целый день, пока не стер в кровь ладони. К вечеру карманы были полны денег. Сбывалась мечта купить большой набор акварельных красок. Но соседский пацан сказал, что с него, Андрея, причитается. Пришлось купить пол-литра водки и пачку папирос «Беломор». Тогда он впервые в жизни напился.

Андрей надел плавки. Подумал – и надел вторые. Так будет надежнее. Чего греха таить, у него не было благоговейного отношения к девушкам. Во время танца он крепко прижимал их к себе. Одним нравилось чувствовать его возбуждение, другие отстранялись и больше не хотели с ним танцевать.

Захотелось курить. Андрей зажег сигарету и начал дымить

у форточки. Братьев не было. Доложить матери о том, что он курил, некому. Но все равно – береженого бог бережет.

Он любил быть дома один. Наверно, все уличные – вполне домашние пацаны. В кухню налетели первые мухи. Андрей начал их бить. Он обычно бил не мухобойкой, а ладонью. Мухи не успевали взлетать.

Потом лег на диван и стал смотреть на вбитый в стену гвоздь. Андрей где-то прочел, что, если подолгу смотреть в шляпку гвоздя, можно выработать тяжелый взгляд. Пригодится в уличной жизни.

Гвоздь торчал под фотографиями родителей. Было видно, что отец в молодости – вылитый Андрей. «Почему же он меня так не любит? – подумал Андрей. – Почему он больше любит Славика, который похож на мать?» У матери волосы в молодости были еще светлее, чем сейчас. Андрей слышал где-то, будто брюнетки – опасные женщины, а блондинки – мягкие и добрые. «Наверное, я тоже, как и отец, женюсь на блондинке», – подумал он.

В углу комнаты один на другом стояли чемоданы, покрытые скатертью и похожие на комод. «Только вот ездить по стране, как родители, я не буду, не дай бог», – подумал Андрей.

И как-то незаметно вернулись мысли о сегодняшнем вечере.

Андрей позвонил Димке Кульбакину. Вот с кем надо обсудить ситуацию. Димка сказал, что это не телефонный раз-

говор, и позвал к себе.

– Подгребай, покумекаем.

Димка был старше Андрея на семь лет. Он работал в ресторане пианистом. Год назад вернулся с родителями из Маньчжурии, куда его дед и бабушка эмигрировали после революции. Первое время жизнь в Казахстане казалась Димке несусветной дикостью. Но он быстро освоился. Приехал тощий, похожий на скелет в кабинете физиологии, но на ресторанных бифштексах и водочке с пивом быстро отъелся и даже отрастил брюшко.

Димка жил в соседнем доме. Через минуту Андрей уже был перед его дверью.

– Входи, мальчуган. Ну как? Бабки копишь? – Димка облизнул тонкие губы быстрым движением языка.

– Коплю, – подтвердил Андрей.

– Садись, закуривай.

Андрей с наслаждением погрузился в мягкое кресло. Он любил бывать у Димки. Здесь всегда можно было полистать изданные в Маньчжурии порнографические журналы и вообще почувствовать себя человеком. У большинства ребят в квартирах, кроме кроватей, столов и стульев, не было никакой мебели. А тут она была массивная, из темного дерева, похожая на ту, что стояла раньше в домах аристократов. Один недостаток – пахла старой, слежавшейся морской травой.

Димка открыл бар, достал бутылку коньяка, сел напротив,

плеснул в рюмки и торжественно произнес:

– Мальчуган, я договорился с Любашей. Она согласна лишить тебя невинности. Но хочет, чтобы все было красиво. Ресторан, цветы и все такое прочее.

– Она всем дает? Или через одного? – деловито поинтересовался Андрей.

Димка снова облизнул губы змеиным движением языка.

– Не бойся, Любаша – девушка чистая. Официанток проверяют регулярно.

– Спроси, какие она любит духи.

– Я и так знаю. Она душится «Пиковой дамой».

Любашу Андрей видел не раз. Грудастая, с толстыми ляжками, правда, старая. Лет тридцати, не меньше.

– Мальчуган, самое лучшее соитие – жадное, неистовое, грубое, особенно в твоём возрасте, – просвещал Димка. – С красивой бабой это не получается. Красота парализует. Тебе нужен станок, на котором ты всему научишься. Потом будешь заводить себе красивых.

– Сколько нужно бабок? – спросил Андрей.

Димка усмехнулся.

– Пары червонцев за глаза хватит.

Теперь Андрей мог спросить о главном.

– Как считаешь, что сегодня будет в «Ударнике»? Как поведут себя центровые?

То, что Андрей только интуичил, Димка легко раскладывал по полочкам.

– Мальчуган, чехи застолбили «Ударник». Слободским не видать его как своих ушей.

Димка люто ненавидел слободских. Прошлым летом, когда новостроевские организовали на баскетбольной площадке свои танцы, слободские пришли огромной кодлой и устроили экзекуцию. Первым делом разбили проигрыватель. Димка бросился защищать свою собственность. Ему дали арматуриной по рукам и сломали палец. Многим новостроевским тогда досталось, но Димка пострадал больше других. Лишился проигрывателя и почти полгода не мог играть на пианино.

– Ты больше меня живешь в Казахстане, – сказал Димка. – Пора бы изучить чехов. Если им что-то плывет в руки, они своего не упустят. Считают, что им все разрешено.

– То, что центровые застолбили «Ударник», и ежу понятно, – важно сказал Андрей. – Но ты не учиываешь одну простую вещь: слободские – звери. У них головного мозга нет, только спинной. Совершенно отмороженные. Они из чехов окрошку сделают.

Димка покачал головой.

– Знаешь, почему чеченцы после сорока носят папахи? Каждый считает себя генералом. Помяни мое слово, Андрюха, чехи что-нибудь придумают. Слободка для них – не противник.

Димка поставил пластинку из рентгеновской пленки. Запел Вертинский. Послушали. На следующей такой же пла-

стинке был рок-н-ролл. Врубили музон погромче и дергались, пока не взмокли.

Потом Димка принял душ, намазал волосы бриолином и зачесал их на прямой пробор. Предложил мазь Андрею, но тот отказался. Появиться на танцах в узких брюках еще куда ни шло, хотя и за это можно схлопотать от слободских. Но если еще и волосы намазать...

– Димыч, почему композитор Брусиловский пишет казахскую музыку? – спросил Андрей.

– Приспособился, – коротко ответил Димка. – А почему это тебя интересует.

– Ну он же не казах.

– Правильно, он еврей, – сказал Димка. – А евреи умеют приспособливаться. Я не еврей, но, как видишь, тоже приспособился. Все должны приспособливаться. Иначе не проживешь.

– К родителям тоже?

– К ним – прежде всего.

Андрей поднялся.

– Ладно, мне пора.

– Мальчуган, будь сегодня осторожен. Много не пей, – посоветовал Димка.

Андрей усмехнулся.

– Больше ста граммов не пью. Мы ж на эти танцы – как в бой ходим.

Андрей взбежал по лестнице на свой второй этаж и столк-

нулся с Зойкой. Эта коза необученная была не одна. Рядом стояла незнакомая девчонка. Андрей взглянул на нее, и у него перехватило дыхание. Такого явления природы ему еще не встречалось. Но он сделал вид, что твердо стоит на ногах и никакие женские прелести не могут вывести его из равновесия.

– Знаешь, что сказала Гипотенуза? – проблеяла Зойка. – Тебя не допустят до экзаменов.

Андрею словно поддых ударили. Но он отмахнулся, сделал вид, что ему все по фигу.

А Зойка продолжала:

– Гипотенуза сказала, что трижды делала записи у тебя в дневнике, вызывала Анну Сергеевну в школу. И трижды твоя мама не пришла. Может, ты завел второй дневник?

Так и было. Андрей мастерски ставил оценки и расписывался за учителей.

Зойка скривилась.

– Кого обманываешь, Корнев? Себя обманываешь!

Она была похожа на свою мать. Просто копия. Узкая нижняя челюсть, мелкие зубы, а когда улыбается, показывает десны. Вылитая коза.

И все же она была права. Получалось, что он действительно обманул самого себя.

– Отвяжись, – пробормотал Андрей, ворочая ключом в скважине замка.

Он скрылся за дверью квартиры. И только тогда понял,

что вел себя глупо. Мог познакомиться с девчонкой, произвести на нее совсем другое впечатление. А его, как всегда, замкнуло.

Он поставил свою любимую пластинку, оперетту Кальмана «Мистер Икс», и начал подпевать Георгу Отсу:

Устал я греться у чужого огня,
Так где же сердце, что полюбит меня?
Живу без ласки, боль свою затая,
Всегда быть в маске – судьба моя.

Ему в самом деле было жаль себя. «Ну, не даются мне точные предметы, поэтому и не тянет в школу, кому охота выглядеть идиотом? – думал он. – Ну и что? Подумаешь, трагедия. Мало ли выдающихся людей плохо учились. А хоть одного не допустили до выпускных экзаменов? Не было такого. Не додумались. Права такого, наверное, не имели. Стоп, – сказал себе Андрей, – наши тоже не имеют права. Просто пугают».

Он набрал телефон Димки и поделился скверной новостью.

– Думаю, тебя берут на понт, – сказал Димка. – Но, старик, как бы то ни было, это последний звонок. Делай выводы. Остаться на второй год – знаешь, такой геморрой!

Пришла мать со Славиком. Пацан пыхтел, не смотрел в глаза. Мать с порога обрушилась на Андрея:

– Ты чему учишь брата? Зачем его портишь?

Андрей заорал в ответ:

– Что за манера?! Может, сначала скажешь, что произошло?

– Кто надоумил его завести второй дневник?! – кричала мать.

Андрей зашипел на брата:

– Паршивец, я тебе советовал?

– Я говорю маме, что сам придумал, она не верит, – оправдывался Славик.

– Почему я должен отвечать за него? – возмутился Андрей. – У него своя голова на плечах.

– Потому что порча идет от тебя. Я была в школе. Ты что натворил? Ты зачем вместо Ленина директора нарисовал? Как ты мог, в твоём положении? Ты же и без того на волоске! Знаешь, что тебе грозит?

– Знаю, – буркнул Андрей. – Они на это права не имеют.

– Они на все имеют право. Ты их достал. Пощады уже не будет. Смысла нет делать тебе снисхождение. Все равно не сдашь экзамены. Директор сказал, что уже согласовал с гороно.

Сердце у Андрея заныло.

– Что согласовал?

– Тебя не допустят до экзаменов. До тебя доходит, что это такое?

Могла бы не разжевывать. Андрею казалось, что земля уходит из-под ног.

Мать легла на диван и прикрыла глаза рукой.

– Накапай мне корвалолу семнадцать капель. И разбавь водой.

Андрей подал лекарство. Мать выпила. Андрею стало жаль ее. Хотя он догадывался, что это всего лишь маленький спектакль в воспитательных целях. Он присел на краешек дивана.

– Мама, я думаю, все можно поправить. Я возьмусь за учебу.

– Не верю я ни одному твоему слову, – слабым голосом проговорила мать. – Если бы ты только знал, как я от тебя устала. Идет по улице хулиганье, думаю: вдруг ты в этой куче? Подъезжает к дому милицейская машина, сердце сжимается: вдруг за тобой? Вижу у дома чью-то кровь – думаю: не твоя ли? Ты меня вымотал. У меня уже сердце не выдерживает. Правильно говорит Зинаида Гордеевна: либо с тобой что-нибудь случится, либо ты сам что-нибудь совершишь.

Зинаида Щукина была мать Зойки. Очень известная в городе судыха. Партнерша родителей по субботним карточным играм.

– Сегодня вечером из дома – ни шагу, – приказала мать.

– Я сегодня – на танцы, – решительно произнес Андрей.

– Какие могут быть в твоем положении танцы? – возмутилась мать. – Ты же только что говорил, что возьмешься за учебу!

Андрей взвился:

– Ну да. Прямо сейчас кинулся терзать букварь.

– Вот ты себя и показал. Одни развлечения на уме. Но ничего. Не хочешь по-хорошему, отец придет – все ему доложу, он из тебя выбьет дурь.

– Спасибо, дорогая мамочка, что предупредила. Ласковая ты моя, а уж какая добрая! Добрее просто не бывает! – паясничая, Андрей скрылся за дверью комнаты.

– Попробуй только самовольно уйти, – пригрозила мать.

До прихода отца оставались считанные минуты. Но у Андрея все было на мази. Он шустро переоделся и выглянул в прихожую. Мать тихонько закрыла входную дверь на ключ и стояла, как часовой, готовая помешать ему выйти из дома. Андрей усмехнулся, подошел к окну, открыл его и вылез наружу.

Он вылез и замер. К дому подходил отец. Блин, вот невезуха!

Отец был навеселе. В их строительном управлении была традиция: выпивать в конце рабочего дня по сто пятьдесят и кружке пива и закусывать двумя бутербродами. И потом только идти домой ужинать.

Андрей спускался по пожарной лестнице, а отец ждал. От его веселого настроения не осталось и следа. Отец прошипел, когда Андрей спрыгнул на тротуар:

– А ну, марш домой!

– Мне надо, – пробормотал Андрей.

Отец задохнулся от гнева:

– Куда тебе надо?

– В одно место.

– Зачем?

– По одному делу.

Отец скрипнул зубами.

– Марш домой. Быстро!

– Мне надо, – упрямо повторил Андрей.

Он знал, что возвращаться нельзя. Отец намнет хобот, велит раздеться, а мать спрячет манатки в своей комнате. Такое уже бывало.

– Ладно, потом поговорим, – примирительно сказал Андрей.

– Ты еще будешь диктовать, когда мне с тобой говорить? – снова прошипел отец. Не мог же он орать возле подъезда на виду у соседей. – Последний раз говорю: иди домой.

– Я тоже последний раз говорю: не пойду, – твердо сказал Андрей.

У отца от возмущения задрожали губы. Он протянул руку и потребовал:

– Ключ! Дай сюда ключ!

Отец хотел выглядеть сильным в глазах сына. Он всего лишь стращал его, хотел подтвердить свою власть. Он мысли не допускал, что Андрей может отвергнуть ультиматум. Но нашла коса на камень.

Андрей положил ключ в ладонь отца.

– На.

– Нет у тебя больше дома, – сквозь зубы сказал отец.

– Нет так нет, – ответил Андрей.

Удаляясь от дома, он оглянулся. Отец уже скрылся в подъезде. Он не смотрел вслед сыну. «Ну и ладно, – подумал Андрей. – Я тоже не буду шибко горевать».

Андрей пошел в соседний дом к своему однокласснику Толе Хоменко. Родители Толяна работали где-то на Севере, в лесной колонии. А он жил в просто обставленной трехкомнатной квартире один.

Ребята были уже в сборе и развлекались быстрыми шахматами. Пытались выиграть у какого-то мужика.

– Это майор Храмцов Петр Палыч, – шепнул Толян. – Работал с моим отцом. Сейчас на пенсии. Приехал, хочет здесь осесть.

Андрей с интересом рассматривал Петра Палыча. Невзрачный баклажан. Старый, лет пятидесяти, не меньше. Много курит, заплывшие глаза. Сразу видно, поддатик. А как лихо играет. Ас.

Жорик, судак мороженный, конечно, проиграл и уступил место Генке. Но Петр Палыч в два счета разделался и с ним. Сменивший Генку Толян не продержался и минуты. В бой включился Мишка Левитин. Он играл посильнее других, но упал и его флажок.

– У вас какой разряд? – поинтересовался Мишка.

– Мастер спирта, – икая, ответил Петр Палыч. – Кто следующий?

Толян предложил Андрею:

– Сыграешь?

Андрей покачал головой. Ему было не до того. В голове стучало: где теперь жить, что есть?

– Ну, тогда я пошел непобежденный! – Петр Палыч скрылся за дверью. «Решил добавить», – догадался Андрей.

Пацанам тоже пришла пора слегка вмазать и что-нибудь пожевать. Такова была традиция. Толян открыл банку с солеными огурцами, нарезал хлеба и кусок вареной колбасы. Андрей поставил на стол бутылку водки.

– Ну, жопа всем, – сказал свой обычный тост Жорик. – Желаю Обществу Приятного Аппетита.

Вертлявый Жорик считал своим долгом развлекать компанию. Если бы ребята стояли в подъезде, он бы мог на спор издать любое количество пуков.

Толян и Мишка выпили по рюмочке. Чисто символически, чтобы поддержать компанию. Генка и Жорик выпили по большой рюмке. Генка поморщился и крякнул, Жорик начал икать. Андрей выпил мелкими глотками большой стопарь, у него не дрогнул ни один мускул.

– Чтоб ты так учился, как пьешь, – проворчал Толян.

Он давно уже был сам себе и мамой и папой. И по-серьезному, чуть свысока относился к приятелям.

– Меня тоже не допускают к экзаменам, – сказал Андрею Мишка.

У Мишки Левитина были печальные выпуклые глаза. Говорят, признак хорошей памяти. Как и Андрей, он до девяти-

того класса учился неплохо. А потом стали мешать фантазии. Мишка мечтал разом разбогатеть. Сбежав с уроков, он ходил по городу и высматривал, где бы совершить крупную кражу. Сделав выбор, строил план, разочаровывался в нем и начинал высматривать заново. Мишка хотел украсть так, чтобы не погореть.

Конечно, он тоже был огорчен решением директора. Но не показывал этого. По-своему был даже рад, что в этом несчастье оказался не один. Вдвоем легче пережить удар.

– У вас еще не все потеряно, – проговорил Толян, уминая бутерброд с колбасой. – Оставлять сразу двоих Карпычу не с руки. Над ним тоже есть начальство. Скажут, плохо воспитывает. Сходили бы к нему.

– Пошел он, – выругался Мишка.

Генка предложил:

– Давайте еще по одной. Должна быть полная анестезия.

Пацаны вопросительно смотрели на него.

– Лично у меня после этих танцев-обжиманцев болит кое-где, – признался Генка.

Все дурашливо заржали.

– От этих целок всегда болит, – продолжал Генка. – И вообще должен вам сказать, кто в нашем возрасте много обжимается, тот может умереть от простатита.

– Что это? – заинтересовался Жорик.

– Железа такая, второе сердце мужчины, – с важным видом объяснил Генка. И повторил: – Ну что? Еще по одной?

– Надо знать меру, – сказал Жорик. – Ну выпил одну, выпил другую, ну литр, ну два. Но зачем же напиваться?

Пацаны снова заржали, чокнулись и выпили.

Генка взглянул на часы.

– Однако пора, орлы.

– Сегодня нам точно помнут перья, – проворчал Толян.

– Приглашайте тех жучек, которые не пользуются большим спросом. И никто вас не тронет, – посоветовал Мишка.

Генка взглянул на него с презрением.

– Низко летаешь, приятель. Лично у меня принцип: драть – так королев, красть – так миллионы.

– На танцах каждый ведет себя в соответствии со своей внешностью, – философски заметил Мишка.

Возле «Ударника» собралась тьма народа. Шел митинг. Одни взрослые гнали текст, другие говорили без бумажки. Про то, какие они хорошие – построили такой кинотеатр. Как там будет классно детям и молодежи. Все было чинно, благородно. Но после того как разрезали ленточку, слободские рванули ко входу. Хотели, на правах хозяев, встать у дверей и заворачивать чужих. Но их ждал полный облом. Появилась милиция и начала обыск. Слободские в панике попятнулись. В толпе началась давка. А центровые стояли в стороне и посмеивались. Неподалеку белела «Волга» Адама Куцуева, короля центровых. Можно было не сомневаться, что это он устроил шмон через своих мусорув и переиграл Звана.

Андрей огляделся. Вокруг было немало своих, новостро-

евских. И все спокойненько, как в Мавзолей, входили в «Ударник»

Под танцевальный зал был отведен первый этаж. Вдоль стен стоял ряд стульев. На них можно было положить верхнюю одежду.

А в кинотеатр уже входили центровые. Впереди шел младший брат Адама Алихан Куцуев. В его черной шевелюре было полно седых волос. Алихан улыбался ртом, полным золотых коронок. Зубы были сломаны или выбиты в уличных битвах.

Рядом с ним шел Крюк – Ленька Крюков. Про него говорили: шилом бритый. Лицо рябое, с длинным вертикальным шрамом от пореза бритвой.

Алихан был основным чеченской части центровых. За Крюком стояли русские.

Пришли Анжела и Райка Самохины. Анжела, подружка Адама, считалась королевой центровых. Ее сестра Райка, кадра Крюка, работала в парикмахерской вместе с Ленкой, подружкой Костика. Сама Анжела нигде не работала. Ее содержал Адам. Сестры были законодательницами моды: вместо юбок «колокол» носили платья в обтяг.

Центровые продолжали входить в зал. Их было не меньше сотни. Они завалили своими плащами и куртками почти все стулья. «Куда же будут складывать свои фуфайки слободские?» – подумал Андрей.

Подошли Костик с Ленкой. Костик оглядел Андрея.

– Ну и видуха у тебя! Опять надрался? Бледный, как покойник.

– Благородная бледность ему идет, – сказал Генка.

Андрей обратил внимание Костика, что центровые заняли своей одеждой все стулья.

– Слободским это не понравится.

– Не хрена им здесь делать, – отозвался Костик.

– На нас же потом зло сорвут, – сказал Андрей.

– Это точно, – поддакнул выросший как из-под земли Жорик.

Андрей повернулся к нему:

– А ты где пропадал?

– Принес еще горячее. – Жорик протянул бутылец с мутной жидкостью. – Первач. Хлебнешь?

– Давай.

Андрей сделал глоток, хотел еще приложиться, но Костик вырвал у него бутылку и вылил содержимое в кадку с огромным фикусом.

В зал вошли Зойка и та девчонка, на которую Андрей запал сегодня в подъезде своего дома. Черт! На этот раз нельзя было упускать момент.

– Что за чувиха? Кто знает?

– Катька Вебер, – сказал Жорик. – Немка из ссыльных. Работает в больнице, живет одна, снимает комнату в Слободке. Она тебе не пара, Андрюха. Она старше тебя и хочет замуж.

Зойка и Катя встали неподалеку, такие разные: доска –

два соска и рюмочка. Андрей впился глазами в немочку. Теперь он понял, что его удивило в ней. Катя не пользовалась косметикой, но у нее все имело четкий рисунок: серые глаза, тонкие темные брови, яркие губы. А грива темно-русых волос была такой, что невольно хотелось потрогать.

В отличие от других девчонок, Катя не стреляла глазками по сторонам. Только однажды ее взгляд, как показалось Андрею, скользнул по его лицу, и он понял, что она его узнала.

– Я падаю. Держите меня! – дурашливо закатил глаза Андрей.

– Н-да, – признал Генка, отвесив губу. – Птичка что надо. Мишка скривился.

– Чего в ней хорошего?

– Протри глаза, – процедил Генка.

Андрей прошептал ему на ухо:

– Я приглашу эту немочку, а ты Зойку, угу?

Генка фыркнул.

– На фиг мне эта плоскодонка.

Андрей вспомнил где-то слышанное:

– Чем меньше у женщины грудь, тем больше ума.

– Ну и бери эту умницу, – посоветовал Генка. – Смотри, как выпялилась. Сама нарывается. Я бы на твоём месте давно ее поимел.

– Нам не нужны те, кому нужны мы. Нам нужны те, кому мы не нужны, – изрек Мишка.

На сцену поднялся оркестр. Димка Кульбакин сел за пиа-

нино. По его знаку музыканты заиграли вальс. Андрей чертыхнулся: он не умел танцевать этот танец. Но он тут же утешился. Только двое-трое парней оттаптывали своим партнершам ноги. Остальные стояли, как и он, истуканами.

Но через минуту круг был уже полон. Девушки танцевали с девушками. Зойка – с Катей. Надо признать, у них это здорово получалось. Особенно у Зойки.

Танец заканчивался, когда в зал вломились слободские. Они не вошли, а именно вломились и встали у входа большой кучей, не снимая фуфаяк и кепочек. Работницы кинотеатра и милиционеры предлагали им раздеться. Но у них было оправдание: негде положить фуфайки.

Среди слободских выделялся Жгучий – смуглый брюнет с васильковыми глазами. Красивый, но неприятный. Чрезмерно длинные ноги и руки делали его похожим на паука. Рядом с ним стоял Волдырь, пацан с огромной головой и лицом точь-в-точь Нерон из книги Плутарха «Двенадцать цезарей». Оба были года на два старше Андрея.

Танцуя, Катя и Зойка нечаянно налетели на Жгучего. Тот с пьяной улыбкой сгреб обеих. Он тут же выпустил Зойку, но цепко держал Катю. Хотел танцевать с ней следующий танец. Катя с яростью вырывалась. Наконец она все же отбилась от Жгучего.

Неожиданно оркестр издал барабанную дробь и ударил в литавры. В зал, играя четками, вошел Зван, парень лет двадцати пяти с залысынами, в длинном черном кожане, един-

ственный из слободских не в сапогах, а в туфлях, похожий на артиста.

К всеобщему удивлению, следом в зал вошел Адам Куцуев. Его имя произносили с ударением на первом слоге. Он был постарше Звана, только совершенно седой. Седина в сочетании с молодой бело-розовой кожей смотрелась обалденно. К тому же он был в ослепительно белом костюме, а лицом был больше похож на француза, чем на чеченца. Все в городе знали, что Адам – ловкий спекулянт и жестокий бандит, но это не мешало ему учиться в пединституте.

По знаку Димки музыканты заиграли лезгинку. Адам выбросил руки в стороны, изображая кавказского горного орла, прошелся на носках по кругу и снова вернулся к Звану. Они стояли и мирно переговаривались. Показывали, что и центровые, и слободские, и милиционеры могут расслабиться. Кровавой драки, скорее всего, не будет.

Оркестр заиграл какой-то медлячок. Жгучий, не снимая фуфайки, пошел танцевать с одной из слободских чувих, Жанкой. Грубо накрашенная и вусмерть пьяная, Жанка буквально повисла на нем.

Андрей направился к Кате. Он шел и видел, что Зойка смотрит на него с кривой усмешкой. «Эта клизма что-то натрепала обо мне Кате, и та сейчас откажет», – мелькнуло у него.

Но он ошибся. Катя приняла приглашение. И Андрей как-то сразу успокоился. По привычке прижал девушку к себе,

вдавил колено между ног.

Катя резко отодвинулась.

– Эй, полегче!

– Пардон, – извинился Андрей.

Ему бы лучше не раскрывать рта. По лицу Кати пробежала гримаса отвращения.

– Слушай, отведи меня на место. Поставь, где взял, понял?

– Зачем? – глупо спросил Андрей. Глоток самогонки сыграл с ним злую шутку.

– Не зачем, а почему, – отрезала Катя. – От тебя несет.

– Не понял, – едва разлепил губы Андрей.

Катя твердо сказала:

– Еще раз прошу, отведи меня на место. Или я уйду сама.

– Не позорь меня, – попросил Андрей. – Давай уж дотанцуем. Я буду дышать в сторону. Понимаешь, у меня неприятности.

Взгляд Кати немного смягчился.

– У тебя одна серьезная неприятность. Ты еще не вырос.

– Что ты предлагаешь? – спросил Андрей.

Катя округлила глаза.

– Почему я должна что-то предлагать? Ты мне кто? Мы даже незнакомы.

Андрей скривился.

– Что ты дурочку валяешь? Ты знаешь, как меня зовут, я знаю – как тебя.

– Что ты себе позволяешь? – возмутилась Катя.

– А я думал, ты не такая, как все, – разочарованно произнес Андрей.

– Ты ошибся. Я такая, как все, – ответила Катя. – А в отношении тебя только утвердилась в своем мнении. Тебе нужно то же, что и другим.

– А тебе нужно замуж, да?

Катя сбросила с себя руки Андрея и начала протискиваться в толпе к своему месту. Андрей, покачиваясь, пошел следом.

Неожиданно перед Катей вырос Жгучий.

– Он к тебе приставал?

– Отвяжись! – сказала Катя.

Жгучий схватил Андрея за грудки.

– Не приставал он ко мне, – сказала Катя.

– Я не слепой, – процедил Жгучий.

К месту скандала уже протискивались милицейские кокарды.

– В чем дело? – спросил сержант.

Жгучий успокаивающе поднял ладони.

– Начальник, я слова плохого не сказал.

– Я тоже, – заплетающимся языком проговорил Андрей.

Сержант ухватил его за рукав.

– Это мой братуха, – сказал Костик.

Если бы он не подошел, Андрея б точно повязали.

– Веди его под холодную воду, – посоветовал сержант Ко-

стику.

– Что происходит? – послышался голос Адама. – Новострой хулиганит?

Он подошел не один. Рядом был Зван. Адам обратился к Кате:

– Тебя никто не обидел?

– Никто. – Катя повернулась, чтобы уйти.

Адам движением руки остановил ее.

– Подожди. Мы должны разобраться.

Зван что-то сказал Адаму. Адам жестом подозвал Андрея.

– Новостроевский?

– Ну.

– Не нукай, – процедил Адам.

– Это он с перепугу, – сказал Зван, играя четками.

– Он бухой в ноль, – медленно произнес Адам. – Ну-ка, скажи мяу, – приказал он Андрею.

Андрей смотрел на Адама в упор, с трудом выдерживая тяжелый взгляд чеченца, и чувствовал, что трезвеет.

– Хороший кинотеатр, правда? – спросил Адам, окидывая взглядом зал.

– Ну, – отозвался Андрей.

– Но он никогда не будет вашим, – внушительно произнес Адам.

Он говорил по-русски чисто, но с характерным чеченским акцентом, а Зван молча кивал, ошупывая глазами Андрея.

– «Ударник» будет нашим: центровых и слободских. Мы

так решили, – отчеканил Адам.

Зван с ухмылкой кивнул.

– А это, между прочим, уже беспредел, – сказал Костик.

– Разве тебя это касается? – спросил Адам. – Ты слободской. И в центре ходишь – никто тебя не трогает.

Костик громко, с расстановкой произнес:

– Сюда будут ходить все, кто захочет.

Адам поморщился.

– Ну что ты шумишь, как женщина? Смотри, обижусь и зарежу. Следи за помелом, знай свое место.

На лице Звана играла нехорошая улыбка, но он почему-то молчал.

– У вас ничего не получится, – сказал Костик.

– Правда? – деланно удивился Адам. – Зазнался махала, – проговорил он, обращаясь к Звану. – Зря вы дали ему отшиться.

Зван молчал, продолжая играть четками.

– Знаешь, как называют таких, как ты? – спросил Адам Костика.

– Не говори того, о чем потом будешь жалеть, – посоветовал Костик. Кажется, он здорово разозлился.

– Кто? Я буду жалеть? – удивился Адам. Глаза у него стали одного цвета с сединой.

Они стояли лицо в лицо, глаза в глаза. Все вокруг замерло: что-то будет! Все-таки Костик был на полголовы выше Адама и раза в полтора шире. Но и чеченец уже держал руку

в кармане, нащупывая нож.

Новостроевские, сбившись в кучу, обсуждали положение. Одни считали, что пора, пока не поздно, сваливать. Другие уже направлялись к выходу. Но большинство ждало, что будет дальше.

Ленка оттащила Костика от Адама. И стала говорить, что настроение все равно испорчено. Чего тянуть, надо уходить. Но как уйти? Завтра все будут говорить, что лучший боксер города испугался Адама.

– Мы остаемся, – решил Костик.

Новостроевские, которые раньше других решили уйти, неожиданно вернулись. Оказывается, вестибюль забит слободскими. Пройти сквозь строй целыми наверняка не удастся.

Жгучий поймал взгляд Андрея и жестом приказал ему подойти. Андрей не сдвинулся с места. Тогда Волдырь сам подкатил к нему.

– Собери со своих по рублю, тогда не тронем.

Андрей усмехнулся.

– А хуху не хохо?

Волдыря перекосило.

– В рот компот. Ты че, Корень, не врубаешься?

– Ребят жалко. Может, все-таки соберем? – шепнул Андрею Жорик.

– Собирай, – ледяным тоном ответил Андрей.

У Жорика забегали глаза.

– Почему я?

– А почему я? – процедил Андрей.

– Потому, что все из-за тебя. Из-за вас, – сказал Жорик, переводя взгляд на Костика.

– А ты-то чего трясешься? – спросил Костик. – Тебе, по моему, ничего не грозит.

– Думайте быстрее, – поторопил Волдырь.

– Вы за этот беспредел ответите, – сказал Костик.

Волдырь набычился:

– Перед кем?

Он был прав. Слободские (впрочем, и центровые тоже) чувствовали полную безнаказанность. От их террора и гнета можно было защититься только силой. Закон в их отношении бездействовал.

А новостроевские уже шептались, рылись в карманах. Кто-то уже заныл: мол, он бы откупился, но нет денег.

– Лады, сдадите завтра, – объявил Волдырь, будто дарил жизнь приговоренным. – И вообще учтите: будете теперь сдавать взносы каждый месяц по рублю с рыла. Кто не сдаст, в рот компот, того на счетчик. За вход в «Ударник», в кино или на танцы, плата будет отдельной. По полтиннику. Будем доить вас, чуханов! – Волдырь загоготал.

Костик сказал вполголоса Андрею:

– Что я тебе говорил?

Андрей с мрачным видом кивнул. Он чувствовал, что совсем протрезвел.

– Не слышу ответа, – задорно произнес Волдырь, обводя глазами ребят и стараясь не смотреть в глаза Костику и Андрею.

– Молчание – знак согласия, – вякнул Жорик.

– Ну вот и ладушки. Можете танцевать. В долг. И домой можете идти спокойно. Вы теперь – наши. А мы своих не трогаем.

Волдырь был доволен собой. Ему поручили морально изнасиловать новостроевских, и он с этим справился. Он смачно сплюнул и блатной походочкой пошел к своим.

Андрей оглянулся на новостроевских и увидел одни спины. Пацанам разрешили унести ноги подобру-поздорову, и они использовали этот шанс. Остались только Толян, Генка, Мишка и Жорик. Если, конечно, считать его своим.

– По-моему, ты не там стоишь, – сказал ему Андрей.

Жорик начал оправдываться:

– Андрюха, я просто не хочу крови. Надо прогнуться. Иначе нам хана.

Андрей повернулся к Толяну.

– А ты как считаешь?

Перворазрядник по вольной борьбе Толя Хоменко мог бы объединиться с боксером-перворазрядником Костей Громым. Плечом к плечу с ними встали бы Андрей с Генкой. Тогда бы, может быть, и другие новостроевские не праздновали труса. Но этот вариант можно было рассматривать только теоретически. Потому что в уличных битвах требуется храб-

рость особого рода.

Прошлой осенью Толян и Андрей пошли в ДОСААФ записываться в парашютный кружок. Толяна приняли, он сдал все документы. А Андрея завернули, директор отказался дать хорошую характеристику. Зимой Толян совершил свой первый прыжок. Узнав об этом, Андрей спрыгнул с четвертого этажа, прямо из окна класса, в глубокий сугроб.

И они, и другие ребята из Новостройки были неробкого десятка. И все же слободским, привыкшим драться не голыми кулаками, а кастетами, ножами и арматуринами, могли противостоять такие же закаленные в уличных боях центровые. Только они, но никак не новостроевские.

Толян сказал в ответ, что со шпаной нужно бороться законными методами. Он, пожалуй, лучше вступит в оперативный отряд, что и другим советует.

Оркестр сделал перерыв. В танцевальный круг вышла женщина, массовик-затейник, и сказала, что теперь можно поиграть в «ручеек». Как ни странно, это развлечение любила даже самая отпетая шпана. Через минуту игра уже шла вовсю.

Андрей видел, как в «ручеек» встали Зойка и Катя. Катю тут же выбрал Жгучий. На лице слободского хулигана проступило выражение счастья. Он держал Катю за руку и не собирался никому ее отдавать. Все, кто пытались потянуть девушку за собой, оставались ни с чем.

Андрей потянул Генку в «ручеек». Через мгновение Ген-

ку выбрала какая-то чухиха. Это и нужно было Андрею. Оставшись без пары, он пошел, согнувшись под сводом рук, искать Катю. Он прошел «ручеек» до самого конца. Кати не было. Неужели он ее не заметил? Андрей в растерянности оглядел зал. Да нет, вот же она! Катя стояла в сторонке и что-то сердито говорила Жгучему. К ним подошел Адам. Похоже, чеченец не упускал девушку из виду. Он сказал Жгучему что-то резкое. Тот ответил сквозь зубы и нехотя отошел.

Оркестр вернулся на эстраду. Димка объявил белый танец. Сестры Самохины были начеку. Они мгновенно оказались рядом с Адамом и Катей. Анжела вертела оттопыренной попкой, пожирая Катю ревнивым взглядом. Кажется, Адам ждал, что Катя пригласит его. Он просто гипнотизировал ее пристальным взглядом.

– Как деньги идут к деньгам, так девки идут к бабнику, – заметил Мишка.

Он переживал за Андрея.

Анжела поняла, что медлить больше нельзя. Она взяла чеченца за руку и потянула в круг.

Андрей не сводил глаз с Кати.

– Скатай губу, – посоветовал Генка. – Она тебя не пригласит.

А Мишка добавил:

– Если и пригласит, ты будешь первым бифштексом с кровью в этом кинотеатре.

Андрей видел, с какой надеждой уставился на Катю Жгу-

чий. А на слободского хулигана уже вешалась Жанка. Жгучий отодвинул ее с брезгливой гримасой.

Катя кого-то искала взглядом. «Неужели меня?» – подумал Андрей. Глаза Кати нашли его и остановились. Теперь она уже ни на кого не смотрела. Но и не шла к нему. Она приглашала его взглядом. Он спросил ее глазами: «Это правда? Мне не показалось?»

Они медленно пошли навстречу друг другу.

Катя сама прильнула к Андрею.

– Что-то меня знобит.

– Тебя уже позвали в ресторан? – спросил Андрей.

Катя усмехнулась:

– Я сказала Адаму, что лучше пригожусь ему в другом качестве.

– В каком же?

– В качестве операционной сестры травматологии.

– Тогда ты согласишься и мне.

– Возможно, – согласилась Катя. – Между прочим, Адам сказал, что в тебе что-то есть. Того же мнения и Зван. Но ты страшно не нравишься Жгучему. По-моему, он тебя сегодня встретит.

– И не один, – с нервным смехом добавил Андрей.

– Ну, естественно. Вот я и думаю: не проводить ли мне тебя?

«Куда? У меня больше нет дома», – подумал Андрей и ответил:

– Хорошая мысль. А потом я тебя.

– Я живу в Слободке, Андрей. Тебе туда нельзя.

– До смерти, думаю, не забьют.

– Со мной, может, нет. А вот когда пойдешь обратно...

– А ты не отпускай меня обратно.

Катя покачала головой.

– Все-таки ты нахал.

– Я ни с кем еще не был таким нахалом, – сказал Андрей. – Я вообще... – Он не мог подобрать подходящего слова. – Не знаю даже, о чем говорить.

– Тогда давай помолчим, – предложила Катя.

– Давай, – согласился Андрей.

Он зарылся лицом в ее волосы. И она уткнулась носом в раскрытый ворот его рубашки. Андрей прикрыл глаза. У него кружилась голова. А Катя все сильнее прижималась к нему всем телом. Он был горячий, как печка. А ей надо было согреться. Хотя она понимала, что этот озноб – от страха.

Предчувствие не обмануло ее. Жгучий с висевшей на нем Жанкой толкнул Андрея плечом.

– Только не кипятись! – Катя потянула Андрея в сторону.

Но Жгучий продолжал наездку. Он снова приблизился и толкнул бедром. Катя что было сил вцепилась в Андрея и развернула его. Теперь она была рядом со Жгучим. Она рассчитывала, что уж ее-то он не тронет. Но она ошиблась. Жгучий демонстративно пихнул Катю своим тощим задом.

Это было уже слишком. У Андрея сорвало башню. Он

врезал Жгучему так, как учил Костик. С поворотом, используя всю силу плеча. Такой тычки Жгучий не ожидал. Он как-то странно всплеснул руками и рухнул на пол. Танцующие шарахнулись в разные стороны. К месту драки не спеша пробирались два милиционера. Но их опередили не меньше десятка слободских. Они отшвырнули в сторону Катю, сбили Андрея с ног и начали пинать.

«Повезло», – подумал Андрей. Он знал: когда бьют ногами, то чаще всего не режут. Но он знал и другую особенность. Когда бьют ногами, то стараются попасть в определенное место. Чтобы взвыл и завился волчком. Поэтому лучше сразу согнуться в бараний рог и закрыть слабое место руками. Но как быть с головой? За то, что не даешь ударить там, начинают бить по голове. От одного точного удара можно выплюнуть сразу половину зубов. Или обнаружить потом, что нет глаза. А от удара в переносицу или в висок можно вообще откинуть кеды.

Глаза Андрея уже ничего не видели. Наполненный кровью нос уже не дышал. От ударов по животу, ребрам и почкам дыхалка почти не работала...

Обычно избиение прекращается, когда жертва перестает увертываться от ударов. Разбросал руки, замер – значит, либо потерял сознание, либо готов. В этом случае милиционеры вяжут того, кто ударил последним. Вот почему никто не хочет быть последним, даже если милиция только на подходе.

Слободские были опытные ребята. Одни били, другие стояли стеной, не давали протиснуться милиционерам. А когда избиение прекратилось, разбежались в разные стороны, смешавшись с основной массой зевак.

Когда Катя подошла к Андрею, она не узнала его. Вместо лица было кровавое месиво. Девушку тут же грубо оттеснили. Подошли милиционеры, привычно взяли избитого за руки и за ноги и потащили к выходу.

Искушение

Милиционеры отвезли Андрея в больницу. Это было недалеко, в двух кварталах от «Ударника». Толян, Генка и Мишка прибежали туда. Но дальше дверей приемного покоя их не пустили.

Андрея осмотрели и сказали, что ему повезло. Сотрясение мозга нетяжелое. Перегородка в носу искривлена на всю жизнь, но это не страшно. Почки повреждены, но, кажется, не очень. Если верить рентгену, ребра, не считая двух трещин, целы. В основном пострадало лицо. Андрею зашили рассеченные брови, хотели дать мазь для сведения синяков, но он не взял.

– Сам до дому дойдешь? – спросила медсестра.

Андрей ничего не ответил, его тошнило. Он сел в предбаннике приемного покоя, чтобы собраться с силами.

– Тебя не положат? – удивился Мишка.

– Мы хулиганов кладем только в крайнем случае, – сказала медсестра.

– Его побили и он же хулиган? – возмутился Толян.

– А кто ж он? – проворчала медсестра.

Генка протянул Андрею зеркальце, с которым не расставался на почве борьбы с прыщами. Андрей не узнал себя. Глаза заплыли, губы выворочены, как у негра.

– Е-мое, это кто? – вырвалось у него.

– Это ты, – без смеха констатировал Генка.

– Нельзя мне в таком виде домой, – сказал Андрей.

Он стеснялся сказать про ссору с отцом.

– Давай ко мне, – предложил Толян.

Ему было неловко, что он, с его маховиками, не бросился на выручку и допустил такое безобразие.

Ребята вышли из приемного покоя и оторопели. У стоявшего неподалеку старого «москвича» их поджидали Зван и его подручный калмык Джага.

– Корень, подойди, базар есть, – сказал Зван, играя четками.

Андрей отделился от ребят и подошел. Несколько секунд Зван молча разглядывал его. Потом сказал:

– Ну, если не положили в больничку, значит, trebuха в порядке, ничего не отбили. А остальное заживет, как на собаке, так?

– Так, – согласился Андрей.

Зван хотел еще что-то сказать, но тут подкатил милицкий «газик». Из него выскочил капитан Досанов, симпатичный казах.

– Названов, ты что тут делаешь?

– Ребят поджидал.

– Зачем?

– Разговор есть.

– И сколько ты здесь?

– Минут сорок.

– И кто тебя видел?

– Вот, ребята, Корень.

– Кто тут Корень? – спросил Досанов.

– Я, – сказал Андрей.

– А фамилия у тебя есть?

– Корнев.

– Кто тебя так, Корнев?

Андрей пожал плечами.

– Не помню.

Досанов завелся с пол-оборота.

– В прошлом году на танцплощадке тебя отделали? Тебя! Тогда ты тоже говорил «не помню». Сколько уже стоишь здесь с Названовым? Отвечай быстро!

– Минут двадцать, – соврал Андрей.

Досанов повернулся к Толян, Генке и Мишке.

– Вы что скажете?

Те подтвердили.

Досанов выругался по-казахски и обратился к Звану:

– А ты чего сюда рванул? Алиби лепишь? Думаешь, слепил?

– Какое алиби, начальник? – лениво процедил Зван. – Я приехал поддержать Корня. Зря его потоптали.

– Через десять минут чтоб был у меня, – строго сказал Досанов, садясь в машину. Он куда-то спешил. Кажется, случилось что-то серьезное.

«Газик» уехал. Зван предложил Андрею сесть в его

«москвич». Угостил дорогой сигаретой и сказал:

– Жгучий, конечно, оборзел. Баба кто? Никто.

Андрей кое-как засунул сигарету в разбитый рот и с наслаждением затянулся.

– Бери всю пачку, – сказал Зван. Он покосился на пацанов и вполголоса добавил: – С кем ты корешишься? Знаешь правило? Водись с теми, кто выше тебя.

Андрей молчал. Зван хлопнул его по колену.

– Ладно, давай сегодня отдыхай. А завтра, если хочешь, устроим расслабон. Оттянемся по полной. Выберешь себе безотказку. Шишка-то небось дымится? По петушкам?

Зван протянул руку. У Андрея кружилась голова, болело тело, он плохо соображал, что происходит. Но он понимал, что сердить такого врага опасно. Он пожал протянутую руку.

«Надо же, как сразу все навалилось, – думал Андрей, когда топали в Новостройку. – Ни один лотерейный билет из ста не выиграл. С отцом разругался. Без аттестата оставляют. От слободских схлопотал. Полная непонятка, как поведут себя слободские. Неужели правда начнут гнобить? Вот скотство!»

Пришли к Толяну. Петр Палыч ел на кухне яичницу. Взглянув на Андрея, не очень удивился, спросил, что произошло. Толян и Генка рассказывали. Петр Палыч задавал вопросы. Ему почему-то было интересно.

Начали решать, как лучше избавиться от синяков. Андрей попросил сырого мяса.

– Хорошее средство, – согласился Петр Палыч. – Откуда знаешь?

– Слышал, – уклончиво ответил Андрей.

Однажды отец хотел дать ему тумака, но промахнулся и угодил кулаком в глаз. Соседка посоветовала наложить сырое мясо. Через два дня глаз открылся, от синяка осталось только желтое пятно, можно было идти в школу.

В холодильнике нашелся кусок замороженного мяса. Нарезали тонкими пластинками, наложили на лицо и почти сплошняком забинтовали. Ребята давились от смеха.

– Прямо как человек-невидимка, – сказал Генка.

Петр Палыч тоже не мог сдержать улыбки. Толян приготавливал постель. Андрей лег и тут же отрубился.

Среди ночи Андрей услышал голос матери. Анна Сергеевна сидела у его постели и разговаривала с Петром Палычем. Тот говорил, что ничего страшного. Мол, оклемается. Мать всхлипывала. Андрей открыл глаза. Петр Палыч вышел. Мать сказала со слезой в голосе:

– Одевайся, пойдем домой.

– Мне и здесь хорошо, – ответил Андрей.

– У тебя есть дом. Не позорь родителей. Пошли.

– Немного позора вам не помешает.

– Надо же, чего желаешь родителям... – В голосе матери прозвучала обида.

Она оглянулась на дверь.

– Кому ты здесь нужен? Что за алкаш мне дверь открыл?

Нашел себе компанию.

– В кого же мне быть лучше? – привычно пошутил Андрей.

– Пошли, – потребовала мать. – Мы не спим. Отцу завтра на работу.

– Я, может, вернусь, но только не сегодня. И не завтра. Так что спите спокойно, – сказал Андрей.

– Значит, в школу больше не пойдешь?

– Зачем?

Мать вздохнула.

– Куда ты катишься?

– А мне по фигу.

– Ну, как знаешь.

Мать ушла. Андрей отвернулся к стене. Слезы были близко, в носу пощипывало. Набрал в грудь побольше воздуха и шумно выдохнул. Стало легче. Послышался голос Петра Палыча:

– Зря ты так. Родителей не переделаешь.

«Мать права, – подумал Андрей, – здесь я никому не нужен. А дома? – спросил он себя. – Разве там я нужен?»

...Андрею вспомнилась первая встреча с отцом. Приехав с войны, отец посадил его, четырехлетнего, на колени. Андрей осторожно потрогал отцовские усы и проговорил:

– Папка колючий.

– Нельзя говорить «папка», – строго произнес отец. – Называй меня «папа».

– Папка, – снова сказал Андрей.

Отец сердитым движением ссадил его с колен и больше не брал на руки...

Петр Палыч подошел к постели.

– Повязка сбилась. Давай поправлю.

Андрей привстал на постели, подставил голову. Петр Палыч начал аккуратно сматывать бинт. Посоветовал:

– Чтобы не пьянеть, нужно за час перед хорошей выпивкой принять граммов пятьдесят-семьдесят. За час!

– Учту, – сказал Андрей. И спросил: – Вы умеете танцевать вальс?

– Хочешь научиться?

– Угу.

– Когда-то этому в военных училищах учили не хуже, чем строевому шагу, – сказал Петр Палыч. – Видели в этом смысл. Учили не только вальсу, всем бальным танцам. Правда, в жизни редко пригодились. Но если уж выпадал случай, мы были на высоте. Немцы в Германии после войны рты разевали. Удивлялись, как танцуют мазурку эти лапотные славяне.

– И повязывать галстук умеете? – спросил Андрей.

Петр Палыч внимательно посмотрел на него.

– И этому научу. Знаешь поговорку? Хорошо завязанный галстук – первый серьезный шаг в жизни.

Лицо майора было совсем близко. Андрей разглядел глубокие вертикальные морщины и кустистые брови. Похоже,

Петр Палыч их стриг.

– Ты кем стать-то хочешь? – спросил майор.

Андрей пожал плечами.

– Я еще не определился. – И опять спросил о своем: – А почему чечены дают своим пацанам потыкать убитого ножами?

– Насчет чеченов не знаю, а воры в законе так делают, – спокойно ответил Петр Палыч. – Тебя интересует, кто убил приемщика стеклотары?

– А кто такие воры в законе?

– Мастера власти, – сказал майор. Похоже, он, как многие взрослые, любил отвечать туманно.

– А у нас в городе есть воры в законе? – спросил Андрей.

Петр Палыч отозвался задумчиво:

– Есть один экземпляр. Ты с темы-то не соскакивай. Я думаю, танцы и галстук – дело нужное. А профессия? Тебе не кажется, что это еще нужней?

Андрей сделал нетерпеливое движение. Кажется, этот старый хмырь взялся его воспитывать.

– Не дергайся, – сказал Петр Палыч, – а то мясо слетит. Я ж не на тарелку накладываю. Лежи и слушай. Неужели не интересно, когда о тебе говорят?

– Так вы ж вопросы задаете.

– Могу и не задавать. На тебе и так все написано. Как говорил один вор в законе, я вижу цвет твоей печени.

– Все считают меня пропащим, – сказал Андрей. – А вы,

по-моему, специально достаёте, чтобы я поскорее слинял.

– Бог с тобой, – искренне запротестовал Петр Палыч. – Я, наоборот, рад, все-таки есть с кем поговорить. А ты, говорят, еще и в шахматы хорошо играешь. Кстати, мать принесла кое-какую еду, мясо. Так что ты тут ничего не должен.

Он закончил перевязку и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. «Странный тип», – подумал Андрей. И провалился в сон.

Утром его разбудил Генка. Сегодня он был свободен до пяти вечера. Он вообще часто работал во вторую смену, когда начальства, считай, нет и можно вытачивать на станках что-то свое. Генка принес последние новости.

– С тобой хочет поговорить Крюк.

«Что делается? – подумал Андрей. – Вчера подкатил Зван, сегодня Крюк. К чему бы это?»

– Центровым понравилось, что ты первый вмазал Жгучему, – сказал Генка.

Андрей усмехнулся.

– А что понравилось Звану?

– Может быть, то же самое. Говорят, он со Жгучим часто цапается.

– Но центровые и слободские не могут хотеть одного и того же.

– Ну почему же? – тонко улыбнулся Генка. – Еще как могут. И тем и другим нужно, чтобы мы, новостроевские, сколотили свою контору.

– Зачем?

– Не въезжаешь? Рано или поздно это все равно произойдет. Так чего тянуть? Разница в том, что и те и другие хотят, чтобы наша контора была только на их стороне.

Откинувшись на спинку стула, Генка курил сигарету, сбрасывая пепел в полураскрытую коробку спичек, и всем своим видом изображал дипломата, искушенного в хитро-сплетениях чужой политики.

– Что еще? – спросил Андрей.

– Костик в больнице. Его продырявили.

Андрей вскочил в постели.

– Как продырявили? Чем?

Генка пожал плечами.

– Его прошили велосипедными спицами, – послышался голос Димки.

Димка только что вошел и стоял на пороге. Он вынул из спортивной сумки бутылку кефира и печенье.

– Где Костик? В какой больнице? – спросил у него Андрей.

– В центральной. В реанимации.

«Там Катя, мне надо туда», – мелькнуло у Андрея. Он стал одеваться.

– Куда ты в таком виде? – воскликнул Генка.

Андрей пошел в ванную, посмотрел на себя в зеркало. Действительно, как можно идти по улицам с такими финглами?

– Не обязательно идти. Можно позвонить, – предложил Димка.

Он набрал справочную, потом реанимацию.

– Кто вы Громову? – спросил женский голос на другом конце провода.

– Брат, – сказал Димка. – Родной брат.

– Мы таких справок не даем, – ответил голос.

На другом конце провода положили трубку.

Ребята пошли на кухню пить чай.

– Ну что? Как дальше жить будем? – спросил Андрей.

– Я думаю, нужно сделать пушку, – предложил Генка. – Иначе нам хана.

– Делай, – одобрил Андрей. – Пусть слободские знают, что у нас есть пушка.

– Вы чем думаете? Ведь они тоже вооружатся огнестрелом, – сказал Димка.

Андрей глазами сказал Генке: делай!

– Сделаю, – пообещал Генка. – Но не быстро. Работа сложная.

– Кто же проткнул Костика? – задумался Андрей.

Генка и Димка переглянулись.

– Он вроде Адаму нахамил, – сказал Димка.

Андрей тоже подумал на чехов. Перед его глазами стояла картинка двухлетней давности. Только приехав в этот город, он пошел в кино. Отец дал на билет и мороженое пятьдесят копеек. Стоя в очереди в кассу, держал мелочь в за-

жато кулаке. Неожиданно подошел чернявый пацан и попросил отойти в сторонку. Пацан был года на три младше. Не чувствуя опасности, Андрей отошел от кассы. Его тут же окружили несколько таких же чернявых пацанов и потребовали деньги.

Андрей засунул руку с мелочью поглубже в карман.

– Еще чего?

– Давай, русак, по-хорошему, – угрожающе зашипели чеченские пацаны.

Что-то больно кольнуло Андрея в живот и спину. Это были остро заточенные велосипедные спицы. Ощущение не из приятных. Но у Андрея почему-то не было страха, что его проткнут.

– Вы что, охренели? – с удивлением спросил он.

– Давай без разговоров, – сказали ему.

Чеченские привыкли, что их все боятся. Тем и удивил их Андрей. На его лице не было страха.

Но и ему бы пришлось туго, если бы не Руслан.

Подошел паренек одного возраста с Андреем, сказал что-то по-чеченски. Пацаны мигом испарились. Паренек с широкой улыбкой протянул руку:

– Я видел, как разгружали машину с вашими вещами. Больше тебя никто не тронет. А если начнут приставать, скажи, что живешь рядом с Русланом.

...«Неужели это чеченские шнурки продырявили Костика? – думал теперь Андрей. – А почему нет? На танцах их

бывает немало. Как и слободских шнурков».

Андрей решил сменить тему. Спросил у Димки:

– Как считаешь, на чем они спелись, Адам и Зван?

Димка облизнул тонкие губы и с важным видом объяснил:

– Наверно, Адам в обмен на мир предложил Звану совместный контроль над «Ударником». Адам на этом ничего не теряет. А Зван... Что он имел? Дунькин клуб. А теперь он с Адамом почти на равных. Без всякого пролития крови.

– Но ты говорил, что чехи не любят делиться тем, что плывет им в руки, – напомнил Андрей.

Димка поморщился.

– Мальчуган, уверяю тебя, это временно. Значит, сегодня так надо Адаму.

В дверь громко постучали.

– Кто там?! – крикнул Андрей.

– Милиция, – послышался за дверью голос капитана Досанова.

– Дверь открыта!

Войдя в квартиру, Досанов с уважением осмотрел старинную мебель, а потом ощупал ребят своими острыми узкими глазами.

– Обсуждаете ситуацию?

Андрей и Генка пожали плечами. Димка ответил философски:

– Жить вообще сложно, а в нашем городе особенно.

– Никто вас сюда не звал и не держит, – сухо отозвался

Досанов.

Отчасти он был прав. Казахи точно не звали. Позвала партия. На освоение целинных и залежных земель. До 1944 года город жил тихо. Двери домов не закрывались. На окнах магазинов не было решеток. Замки висели больше для вида.

Но ссыльным с Кавказа разрешили взять с собой одни узлы и чемоданы. К тому же чеченцы привыкли жить в своих домах. Снимать жилье было не в их характере. И они начали добывать на строительство своих домов деньги. Взрослые среди ночи опустошали магазины и склады. А молодежь и подростки раздевали местных чуть ли не среди бела дня.

– Нам уйти? – спросил Димка.

Досанов отмахнулся: мол, оставайтесь.

Он сел на стул и обратился Андрею:

– Ты, конечно, не запомнил кто тебя отделал?

– Они все на одно лицо.

– Знаешь, что случилось со Грозовым?

Андрей кивнул.

– Ты был при его разговоре с Адамом?

Андрей снова кивнул.

– Грозов действительно оскорбил Адама?

– Костик просто посоветовал ему не гоношиться. Он не сказал ни одного грубого слова.

– Но Адама это обозлило?

– Само собой, он же король. Ему слова не скажи.

– Понятно, – сказал Досанов.

Андрей усмехнулся.

– А мне непонятно.

– Что тебе непонятно? – насторожился Досанов.

– Непонятно, почему вам все понятно.

Странно, но капитан Досанов не обиделся. Он сказал:

– Если не поможете следствию, с вами может произойти то же самое, что и с Грозовым. А может, и похуже. Так что пошарьте по мозгам. Может, что-то вспомните. Курите. – Капитан открыл пачку хороших болгарских сигарет.

Ребята взяли по сигарете. Но разговор не клеился. Милиция действительно могла сделать их жизнь более безопасной. Но для этого нужно было стать стукачами. Кто ж на это пойдет?

Однако Досанов не терял надежды. Он вынул блокнот, написал на трех листках номер своего телефона, дал каждому и попросил звонить, если вдруг станет известно что-то важное.

В дверях он обернулся.

– Одного не понимаю. Зачем вы прикрыли Звана?

– Неужели вы думаете, что он своими руками проткнул Костика? – сказал Андрей.

Ничего не ответив, Досанов скрылся за дверью. Андрей ритуально сжег над пепельницей листок с номером телефона. Ребята сделали то же самое.

Андрей снял с лица повязку, надвинул на глаза кепку, взглянул в зеркало.

Генка подошел к нему.

– Все-таки решил идти к Костику?

– Надо.

– Держи, – послышался голос Петра Палыча.

Он возник в дверях, как привидение, протягивая солнцезащитные очки. Они были как нельзя кстати.

Генка проводил Андрея до больницы. По пути они еще раз обсудили предложение Крюка о встрече.

– Скажи, что я готов. В любое время, в любом месте, – сказал Андрей.

– Здравствуй, – сказал Андрей.

– Здравствуй, – ответила Катя.

Они стояли у входа в реанимационное отделение. Сновали медсестры. Кого-то везли на каталке. Обычная больничная суета. Катя в белом халатике казалась старше. А может быть, как раз выглядела на свои годы.

В больничном дворике под большой ивой стояла скамейка. Там они и сели. Катя вынула из кармана плитку шоколада.

– Ешь. Кто ест шоколад, тот веселее смотрит на жизнь.

– Да? – тупо спросил Андрей, разглядывая Катю.

Под халатиком у нее, кроме нижнего белья, ничего не было. Создавалось ощущение, что она голая.

– Не лезь своими глазами, куда не просят, дикарь, – посоветовала Катя.

– А как ты видишь? – удивился Андрей.

– Кожей чувствую.

– Как Костик? – спросил Андрей.

– Ранение специфическое. Кровь текла внутрь. Хорошо хоть «скорая» приехала быстро. Может, выкарабкается.

– Можно поговорить с ним?

Катя покачала головой.

– Это исключено.

– Даже вечером или ночью?

– Даже.

Андрей нервно спросил:

– Не можешь или не хочешь?

– Не хочу, чтобы ты узнавал, кто его проткнул. Не хочу, чтобы сводил счеты. Ты и так зашел слишком далеко.

– И поэтому ты пропала?

– Мы почти не знаем друг друга. Пусть так и останется, – твердо сказала Катя.

– Да, водиться со мной опасно, – усмехнулся Андрей.

Катя поднялась.

– Ладно, мне пора. Будь осторожней. Не заигрывайся.

– Милиция уже допрашивала Костика? – спросил Андрей.

– Приходил какой-то казах.

– Дай мне на всякий случай твой телефон, – попросил Андрей.

– Нам можно звонить только по делу, – предупредила Катя.

– Я не собираюсь названивать тебе. Прошу на всякий по-

жарный.

Катя назвала номер. Неожиданно Андрей схватил ее за плечи, притянул к себе, хотел поцеловать в губы, но девушка увернулась.

– Запомни, дикарь: это у меня только для еды.

– Что? – удивленно спросил Андрей.

– Рот у меня только для еды, – объяснила Катя и скрылась в дверях реанимационной.

Андрей открыл дверь в квартиру Толяна и услышал голоса. Петр Палыч разговаривал на кухне с какой-то девахой.

– Надолго вы к нам? – спрашивала деваха.

– Отпуск у меня почти двухмесячный, – зачем-то врал майор. – Да еще один, не использованный в прошлом году. Да еще один за позапрошлый год.

– Надо же, целых полгода! – воскликнула деваха. – Что ж вы тут делаете? На море ехайте, в Гагры.

– Поехали, – предложил Петр Палыч.

Деваха залилась смехом.

– Я свой отпуск уже отгуляла. Ремонт в своей хибаре сделала.

– Без тебя не поеду, – сказал Петр Палыч. – Кому я там нужен, старый пень?

– Вы, может, и пень, но еще не старый. Вы зрелый.

– Это как же определила?

– У меня глаз – алмаз.

– Так проверить надо, – игриво сказал майор.

Деваха снова заливисто рассмеялась.

– Кого? Вас или меня?

– Меня, – смиренно уточнил Петр Палыч.

– А что? – озорно отозвалась деваха. – Проверим, коли очень хочется. Почему не проверить, если человек хороший?

– У тебя всегда так просто? – спросил Петр Палыч.

– Хотите сказать, со всеми или не со всеми? Это уж вы сами сообразите. Вы человек образованный, не чета нам. Хотя можете и не сообразить.

– Это почему же? – удивился майор.

– А вы бабами не испорченный.

– По глазам определила?

– Кто испорчен, тот глазками ощупывает, раздевает. А вы глазки отводите.

– Но все же посматриваю, – чистосердечно признался Петр Палыч.

– Так ведь украдочкой. – уточнила деваха. – И это правильно. А у вас, по-моему, тараканов нет. Не видно, чтобы бегали.

– Бегают по углам, – осевшим голосом проговорил Петр Палыч. – А ты отравы оставь. Я сам посыплю. Зачем нам сейчас этим заниматься?

Андрей тихонько отступил на лестничную площадку и закрыл дверь. «Вот это да! Ай да Палыч!» – подумал он. Как все пацаны его возраста, Андрей был уверен, что пятидесятилетние – ни на что не годные старики.

Он поднялся на крышу своего дома. Напротив копошились те же эки. Но Расписного, вчерашнего блатного, что-то не было видно.

Андрей лег и задремал. Ему снилось, как он въезжал в этот город. Его вез на своей «победе» приятель отца. Ехали по тряской грунтовой дороге целый день. Нещадно пекло солнце. Андрея укачало и рвало. К вечеру приятель отца успокоил: «Потерпи, уже подъезжаем». Андрей увидел на горизонте огромное желтое облако. «Это пыльная буря, – услышал Андрей. – Ничего страшного, привыкнешь».

Элеватор на окраине города казался в песчаной мгле фантастической громадой. Песок скрипел на зубах, забивал нос, глаза, уши. Только две-три центральные улицы в городе были покрыты асфальтом, но и они были занесены песком. Песок забивался в носки, в нем утопала любая обувь. «Как здесь живут люди?» – думал Андрей.

– Андрюха! Что не позвонил? – послышался сквозь сон знакомый голос. – У меня идея – зашибись.

Это был Мишка.

– На миллион рублей? – насмешливо спросил Андрей.

Мишка был не из обидчивых. Он сунул Андрею бутерброд со шпротным паштетом и сказал:

– Мы добудем аттестаты зрелости безо всяких экзаменов.

– Как это? – вытаращился Андрей, откусывая сразу пол-бутерброда.

– Очень просто. Я только что был в гороно, все высмот-

рел. Решетка только на окне в кабинете зава. Там же единственный сейф. Другого в гороно нет. Соображаешь?

– А сторож? – спросил Андрей, смахивая с рук крошки.

– Нет там никакого сторожа.

– Уверен?

– Я приходил еще раз около десяти вечера. Не было никакого сторожа.

– А какой там сейф?

Мишка нахохлился.

– Сейф просто сволочь. Стенки очень толстые. Честно говоря, я еще не придумал, как его вскрыть.

Андрей потрепал Мишку по загривку.

– Не ломай голову. Мы Геныча привлечем. Он же у нас мастер на все руки. Мы сделаем из него медвежатника.

Мишка смотрел недоверчиво.

– Думаешь, согласится?

Андрей сделал лицо: мол, куда же он денется?

– Он меня не любит, – вздохнул Мишка.

– Полюбит, – пообещал Андрей.

Он отметил про себя, что у него появилась уверенность в себе и желание действовать.

– Сегодня наши, новостроевские, собираются, – сообщил Мишка. – Хотят обсудить, что делать дальше после вчерашнего. Кое-кто уже поделился с родителями.

– Если Волдыря прижмут, он скажет, что насчет взносов просто пошутил.

– Все равно надо решить, что делать, если слободские снова начнут наезжать, – настаивал Мишка.

– Обсуждайте без меня, – отмахнулся Андрей. – Ну как я покажусь в таком виде?

Мишка сказал:

– Между прочим, некоторые считают, что ты сам нарывался и подставил всех. Но большинство за тебя. Короче, сбор в подвале у Сани-морпеха в восемь вечера.

Бывший солдат морской пехоты Саня Стадник выпросил в ЖЭКе комнату в подвале, списанные матрасы и по вечерам бросал пацанов, как котят, учил приемам самбо.

– Ладно, приду, – согласился Андрей. – Хотя, может, опоздаю.

В чердачном окне показался Славик. Опасливо посматривая на Андрея, выбрался на крышу.

– Ты чего? – строго спросил Андрей.

– За тобой, – сообщил Славик. – Мама велела тебя покормить. Пойдем, дома никого, только Валерка.

– Ага, мы придем, закурим, начнем говорить о своем, а ты потом доложишь. Знаю тебя. А ну, мотай отсюда! – прикрикнул Андрей.

– Я больше не буду, – пообещал Славик.

– Домой я больше не приду, – сказал Андрей.

Славик плаксиво пролепетал что-то.

– Кыш отсюда! – цыкнул Андрей.

Славик исчез в чердачном окне.

– Зря ты так, – осуждающе произнес Мишка. – Он же еще ничего не понимает.

– Вот и надо воспитывать, чтобы понимал, – отрезал Андрей.

Мишка покачал головой.

– Буреешь ты, Андрюха.

На крыше строящегося напротив дома появился Расписной. Сказал густым голосом:

– Здравствуй, дружок.

– Я не дружок, – неприязненно отозвался Андрей.

– Извини, забыл, что тебя зовут Корень, – сказал Расписной.

Он повторил вчерашнюю просьбу.

Андрей обратился к Мишке:

– Сгоняешь?

Расписной перебросил через забор грелку и деньги. Мишка исчез.

– Скоро жизнь наладится, – сказал Расписной. – Я – твой счастливый лотерейный билет, Корень.

Сказав это, он растянулся на крыше, прикрыв глаза зэковской кепочкой.

Андрей тоже лег и закрыл глаза. Ему вспомнилось, как мать в годы войны приходила в дом, где он жил с бабкой и дедом, и просила, чтобы ей разрешили повидаться с ним. Они уходили в парк, развлекались на аттракционах и ели пирожные, запивая пирошоном. «Почему ты не живешь со мной?» –

спрашивал маленький Андрей. «Потому, что меня не любит бабушка», – отвечала мать. «А почему тебя не любит бабушка?» – допытывался Андрей. «Подрастешь – узнаешь», – отвечала мать.

Но Андрей не хотел долго ждать и приставал с расспросами к бабушке. «Гулять не надо, когда муж на фронте», – ответила бабушка. «С кем гулять? Со мной?» – спросил Андрей. «Подрастешь – узнаешь», – отвечала бабушка.

Андрюша немного подрос. И папа привез ему после войны другую маму. Так и сказал: «Теперь это будет твоя мама». Вместе с новой мамой Аллой приехала сестренка Леночка. Очень хорошенькая. Андрей ей обрадовался и даже дал поиграть со своим любимым медвежонком.

А настоящая мама Аня не знала, что папа привез другую, и пришла навестить Андрея. «Чтоб ноги твоей здесь больше не было!» – строго сказал папа. «Ты хоть выслушай, – плакала мама Аня. – Никого у меня не было. Просто я не приглянулась твоей матери с самого начала, и ты отлично это знаешь». – «Поздно разбираться», – сказал папа.

Но через год мама Аня все же появилась. И ей разрешили погулять с Андреем. Потому что мама Алла вместе с дочкой вернулись в свой Ленинград.

Но скоро папа привел другую маму, Олю. А маме Ане снова запретил приходить к Андрею. Мама Оля родила братика Васю и требовала от Андрея, чтобы он выносил горшки и качал коляску.

Андрею к тому времени было уже семь лет. Он начал показывать характер. Он не хотел выносить горшки и называть маму Олю мамой. Папа оттащил Андрея за уши. Было очень больно и очень обидно.

Когда Андрею исполнилось девять лет, мама Оля с братиком Васей вернулась к своим родителям. А бабушка стала советовать папе сойтись с первой мамой. Мол, если он с кем-нибудь и уживется, то только с ней. Андрей был доволен. Наконец-то, думал он, мама будет настоящей и родители будут заниматься только им, любить только его. Но через год родился Славик, потом Валерка...

Вернулся Мишка, принес коньяк и грелку. Андрей повторил вчерашний трюк. Вертухай на вышке был другой, но и он смотрел в другую сторону, как бы ничего не видел.

– Ты золотой пацан, Корень, – сказал Расписной.

Мишка притащил пирожки с ливером. Отличный рубон. Ребята управились в считанные секунды. Захотелось пить. Они спустились с крыши. Навстречу шла Зойка. Андрей хотел пройти мимо, но Зойка придержала его за рукав.

– Мама сказала, что все зависит от тебя. Ты должен опознать тех, кто тебя бил. Хоменко, Левитин, Сорокин тоже видели. Пусть они тоже опознают.

Андрей ответил, сдерживая злость:

– Ладно, ты таких вещей не понимаешь. Но твоя мамашка... Она чего хочет? Чтобы по каждому из нас «Школьный вальс» сыграли?

– Что же делать? – растерялась Зойка.

– У мамашки своей спроси.

Зойка обиженно вспыхнула.

– Что ты заладил: мамашка, мамашка? Я Анну Сергеевну, кажется, так не называю.

Андрей виновато кашлянул. Он чувствовал, что не прав.

Ему хотелось узнать, как там в школе. Неужели одноклассникам все равно? Хотя чего тут удивительного? Школа открылась всего два года назад. Каждый знает только себя. И плевать им на Корнева и Левитина.

Зойка выложила, наконец, главную новость.

– Между прочим, Анна Сергеевна была сегодня у директора. Вышла от него в слезах. А через пять минут повесили приказ: не допускать вас к экзаменам. Вся школа сбежалась читать.

– И меня не допускают? – спросил Мишка.

– И тебя, – бросила Зойка, не повернув головы.

Андрей шутливо предложил Мишке:

– Может, линчуем Карпыча?

Зойка приняла всерьез.

– Андрей, ты в своем уме?

– Шутка, – успокоил ее Андрей. – Топай, промокашка.

Мы больше не одноклассники.

– Андрей, вернись домой. Анна Сергеевна места себе не находит, – умоляюще произнесла Зойка.

– Топай, – повторил Андрей.

Зойка скрылась в своем подъезде. А Мишка и Андрей пошли к Толяну.

В квартире стоял дым коромыслом. Толян и Петр Палыч сражались в быстрые шахматы. Андрей присмотрелся к игре майора и понял, что тот берет в основном нахрапом.

– Сядешь? – спросил Толян, проиграв партию.

– Давай, – согласился Андрей.

Когда-то отец показал ему, как ходят шахматные фигуры. Остальные премудрости Андрей почерпнул из специальной литературы. Он поставил Петру Палычу ловушку, тот мгновенно клюнул и в результате остался без фигуры. Остальное было делом техники. Майор начал подолгу задумываться, и у него упал флажок.

Толян и Мишка торжествующе загалдели.

– Давай еще одну! – потребовал реванша Петр Палыч.

У него тряслись руки.

Андрей разыграл рискованный дебют. Пожертвовал одну за другой три пешки. Майор мог безнаказанно съесть только одну. Но он слопал вторую, потом третью. Наказание за пешкоедство было неотвратимым. Теперь нельзя было двинуть без потери ни одну фигуру. Флажок упал.

– Надо усилиться, – пробормотал майор и скрылся в своей комнате.

Петр Палыч вернулся через минуту. От него несло водкой.

– Давай утешительную!

На этот раз он играл собранно, не поддавался ни на ка-

кие уловки. Андрей, наоборот, расслабился, зевнул фигуру. Петр Палыч довел партию до матовой позиции. Он сидел багровый, довольный собой и ласково смотрел на Андрея из-под кустистых бровей.

– Чем интересны шахматы? Не признают возраста. Молодец! Представляю, как ты будешь драть меня, когда у тебя откроются глаза.

Все дружно захохотали.

– Пьем чай, – сказал Петр Палыч, доставая из холодильника кусок торта, оставшийся после свидания с травительницей тараканов.

После чая майор учил Толяна и Мишку танцевать вальс.

– А тобой я займусь, когда поправишься, – пообещал он Андрею. – Ты будешь танцевать у меня, как кавалергард.

...Потом Толян сел за уроки, Мишка отправился по своим делам, а Петр Палыч ушел к себе и, похоже, завалился спать. Андрей тоже прилег. Но сна не было. Из головы не выходила мать. Все-таки она пошла в школу, надеясь уговорить Карпыча. Наверняка сказала, что Андрей каждый новый учебный год начинал в другой школе. Семья постоянно переезжала из города в город. И в каждой школе нужно было начинать с нуля. Новые учителя, новые одноклассники. И он, Андрей, для них новый. Незнакомый и чужой. Но, видно, дирюге плевать на эти тонкости. Для него главное, что Корнев часто пропускал уроки. А почему – не его забота. Карпыч ненавидел нарушителей дисциплины, как личных врагов.

Андрей представил, как будет психовать отец. Но при этом не скажет о дириже ни одного плохого слова. Во всех неприятностях Андрея виноват только он сам. Когда мать говорила, что причина плохой учебы старшего сына – частые переезды из города в город, отец только отмахивался. Мол, везде учатся по одним учебникам и по одной программе. «Но не всех детей родители бьют за плохую учебу, – робко возражала мать. – Как можно бить за то, чего ребенок не понимает?» – «Он не хочет понимать!» – орал отец.

...Новый друг Андрея чеченец Руслан однажды сказал, когда они сидели на уроке:

– А у нас детей не бьют. Боятся, что подрастут и зарежут отца. Бывало, отец убивал одного из сыновей. Тогда братья мстили отцу, убивали его.

– Классные у вас законы, – восхищенно произнес Андрей.

Руслан тоже учился неважно, но не боялся показать дневник с двойками старшему брату. Отец умер в вагоне во время депортации. Руслан почитал старшего брата как отца и боялся огорчить его совсем другим. Например, робостью.

– У нас не бьют детей еще и потому, что боятся сделать их трусами, – объяснял Руслан. – Тем, кому исполнилось пятнадцать лет, раньше разрешали носить кинжалы. Чтобы при случае могли защитить свое достоинство. Холодное оружие уравнивает шансы. Сейчас кинжалы запрещены, поэтому мы носим тесаки.

С этими словами Руслан вынул из-за голенища сапога

длинный нож с наборной рукояткой и положил его на парту.

– Руслан, не балуйся, убери, – ласково попросила красивая полнотелая географичка с бельмом на глазу.

Однажды кто-то из одноклассников дал Андрею затрещину. Тот в ответ только толкнул обидчика. Руслан зашипел на него:

– Сосед, ты чего меня позоришь?

– Отец велит думать о последствиях, – объяснил Андрей.

– Чему он тебя учит? – вскипел Руслан. – Все наоборот!

Если начал думать о последствиях, тебе конец. Будешь жить, но уважать тебя никто не будет. И прежде всего ты сам.

Андрей доучился до десятого класса, но так и не понял, где дальше учиться, кем стать. А Руслан еще тогда, в восьмом классе, твердо знал, что пойдет на юридический и будет прокурором. Так решил старший брат.

– Как же ты будешь сажать своих? Они тебе этого не простят, – удивлялся Андрей.

– Я своих выручать буду, – широко улыбаясь, отвечал Руслан. – А сажать – только чужих.

«Как все просто в жизни у Руслана!» – с завистью подумал Андрей. И вплыл в сон.

Он проснулся спустя два часа. Его кто-то тормозил. Андрей открыл глаза. Перед ним стоял Жорик.

– Тебя ждет Зван.

Зван сидел в своем «москвиче». На заднем сиденье дымила сигаретой Жанка.

– Познакомься. Красючка, правда? Ты ей нравишься, – сказал Зван, указывая Андрею место на переднем сиденье.

Андрей презрительно посмотрел на грубо напомаженную девушку и, ничего не ответив, сел в «москвич».

– Ты стал страшный, это хорошо. – польстил Зван.

У него был бархатный голос. Наверно, он мог бы хорошо петь. Зван включил скорость и тронул с места.

Они приехали на берег Иртыша. Жанка вышла из машины, чтобы не мешать разговору.

Зван достал из-под сиденья две бутылки пива. Одну протянул Андрею. Другую открыл зубами, сделал большой глоток и спросил:

– В карты играешь?

– Играю, но не люблю.

– Дурь куришь?

– Пробовал, не действует.

– Значит, не хочешь, чтобы подействовала. А разрядиться не желаешь? Вон Жанка, хоть сейчас обслужит.

Андрей гордо отказался.

– Бабу я сам возьму.

– Деньги любишь?

– Кто ж их не любит?

Зван залез в карман, вытащил горсть бумажных денег.

– Не надо, – отказался Андрей.

Зван скривился.

– Ладно тебе, бери.

– Нет.

– Запомни, Корень, – поучал Зван, – быть бедным стыднее, чем быть преступником. Это значит, ты ничего не можешь: ни заработать, ни украсть. И значит, ты вдвойне не мужчина. Понял?

Андрей молчал. Зван зажег сигарету, глубоко затянулся, выдохнул дым и сказал:

– Обидульки затаил? Зря. Я ведь не просто так спрашиваю. Настоящим авторитетом может стать только тот, кто способен убить. Ты, может быть, никогда не убивал, но все должны чувствовать, что способен. А знаешь, когда человек может убить? Когда он про себя убьет раз сто. Или десять. Кто как.

Зван сбил пальцем пепел и продолжал:

– То, что травку не куришь и в карты не дуешься, это хорошо. Плохо только, что водяру хлещешь без меры. Но это, как я понимаю, от неприятностей. Я много о вас знаю, Корень. Абвер у меня работает, как часики.

«Жорик – твой абвер», – подумал Андрей.

– Думаешь, не знаю, кто для центровых пики точит? – продолжал Зван. – Кент твой, Сорокин. Ты предупреди его: если центровые порежут кого-нибудь из наших, он ответит. Вообще все ваши новостроевские – уроды. Зря с ними мучается Саня-морпех. Не выйдет из них бойцов. Они на одно только способны – платить за то, чтобы их не трогали. А ты – нормальный пацан. Я за тобой наблюдал. Ты не поблед-

нел, когда говорил с Адамом. Ты покраснел. С тобой можно иметь дело.

Андрей разглядывал Звана. Король слободских, конечно, важничал, но не шибко. И расположить к себе тоже как бы не стремился. Кажется, его голова была занята совсем другими мыслями.

Зван продолжал:

– Жгучий уже парится на нарах. Меня не сегодня-завтра закроют. На сколько – это будет зависеть от Костики. Поговорил бы ты с ним. Он много чего наплел капитану Досанову. Но не поздно еще взять свои слова обратно. Я ж ему ничего плохого не сделал, когда он увел Ленку. Ты, может, не знаешь, он же с нами мотался. И Ленка была с нами. А потом он решил отшиться. У нас это не принято. Но мы ему разрешили. А он взял и Ленку с собой прихватил. Но я и на это закрыл глаза. И после этого он меня еще и сдать хочет! Обвинение мне соорудил, будто я велел хрустальщика грохнуть. Век свободки не видать, не было этого!

Андрей пожал плечами.

– Если не было, значит, и доказать не смогут.

Зван смотрел задумчиво, в одну точку.

– Мусора что угодно докажут.

– Я был сегодня в больнице, – сказал после паузы Андрей. – Меня не пустили к Костику.

– Скажи Катьке, что я просил. Она проведет тебя.

– Ладно, – пообещал Андрей.

– А поехали прямо сейчас.

Зван окликнул Жанку. Та запрыгнула в машину. Зван резко тронул с места.

В больничном скверике сидела Ленка. Зареванная, она не могла говорить. Из реанимации вышла Катя. Андрей передал ей просьбу Звана.

– У Костика начался перитонит и сепсис. Заражение крови, понимаешь? Он уже плохо соображает. Мы его теряем, – упавшим голосом проговорила Катя.

У Андрея голова пошла кругом. Неужели Костик умрет? Тогда все пропало.

– Может, все-таки обойдется? – с надеждой спросил он.

Катя горько усмехнулась.

– Знаешь, как говорят в таких случаях врачи? Мы делаем все возможное, но мы не боги.

Андрей передал Звану слова Кати. Король слободских повеселел. Он усадил Андрея в машину и повез в Слободку. Многозначительно сказал:

– Тебе надо побывать у нас.

Они подъехали к Дунькиному клубу. Внутри было полным-полно. Пахло потом, как в спортзале. Пацаны в обычных зимних рукавицах молотили по самодельным боксерским мешкам.

Зван сказал Андрею:

– Зачем бокс? Зачем самбо? Надо качать мышцы и отрабатывать удар. Нужно валить одним ударом. Тебе повезло,

что первым ударил ты, а не Жгучий.

Зван дал знак Волдырю, тот что-то крикнул пацанам. Те встали в хищные позы.

– Кто чухан? – выкрикнул Волдырь.

– Не человек! – заорали пацаны.

– Кто пацан?

– Человек!

– Кто автор?

– Человек с большой буквы!

– Нужно ли бояться зоны?

– Нет!

– Чего нужно бояться?

– Стать козлом!

– Тебя повязали. Твой ответ на все вопросы?

– Не помню! Не знаю! Не видел! – дружным хором, выпучив глаза, орали стриженные под ноль пацаны.

У Андрея мурашки забегали по затылку. Кажется, этим ублюдкам было до балды, кого грабить, бить, насиловать – лишь бы отвести душу. Зван ухмылялся. Он повел Андрея на сцену, потом за кулисы и открыл дверь в кабинет заведующего клубом. Там стоял накрытый стол, играла радиола, а на диване развалясь сидела Жанка.

– Опохмелишься? – спросил Зван.

Андрей отказался.

– Тогда ешь, – сказал Зван. – Ешь и слушай. В Новостройке сейчас сколько домов? Восемь. А через год будет шестна-

дцать. Еще через год – тридцать два. Об этом в газетах пишут. Считай, новый город вырастет. А у вас полный разброд и никакого порядка. Мы хотим, чтобы ты был основным. Как на это смотришь?

«Это нужно им, а мне-то зачем?» – подумал Андрей. Ему хотелось есть, но кусок не лез в горло.

– У тебя и твоих пацанов будет все: авторитет, бабки, общие телки. Короче, все необходимое для жизни, – продолжал Зван. – Мы все покажем, всему научим. Ну и, конечно, полная свобода. Никто вас пальцем не тронет.

– Но тогда нас начнут гнуть центровые, – заметил Андрей. Зван тонко улыбнулся.

– А разве сейчас не гнут? Разве вы свободно ходите по городу? Ты пойми, Корень, не получится у вас нейтралитета. Рано или поздно придется вступить с кем-то в союз. То ли с центровыми против нас, то ли с нами против центровых. В противном случае и мы будем вас гнуть, и они. Вам оно надо? Я понимаю, там, где вы раньше жили, такого не было. Но знаешь, брат, надо приспособливаться. Иначе труба.

Жанка выпила, быстро захмелела и начала лнуть к Андрею.

– Слышь меня, хочешь, я буду только с тобой?

Андрей отодвинул ее плечом.

– Дай пожрать человеку, – сказал Зван.

– Слышь меня, а ты че такой худой? – хохотала в ухо Андрею Жанка. – Она обратилась к Звану: – Корень будет мо-

им, ладно? Хватит мне быть общей. Ну, Зван, ну скажи, что так будет!

– У Корня любовь, – сообщил Зван.

Жанка скривила грубо накрашенный рот.

– К Катьке Вебер, что ли? Так ведь она старуха для него! И ее любит Жгучий. У Жгучего и так на Корня зуб. Он же выйдет из СИЗО, башку ему оторвет. – Она снова повисла у Андрея на плече. – Слышь меня, Корень, мне тебя жалко.

Пришел и сел за стол Волдырь. От него несло потом. Волдырь выпил и стал чавкать, а Зван негромко читал ему нотацию:

– Не надо обижать потерпевших. Зачем нам лишние неприятности?

– Если не обижать, ничего иметь не будем, – оправдывался Волдырь. – Не нагонишь жути, кто что даст?

Зван обратился к Андрею:

– Поимей в виду: если меня закроют, автор – Волдырь. Его слово – мое слово. Закроют Волдыря – его заменит Джага. Джага! – повысил голос Зван. – Давай сюда общих!

Джага впустил в гримерную несколько напмаженных ватрушек.

– Не нравится Жанка, выбирай любую, – сказал Андрею Зван. – Выбирай и веди. У нас тут есть отдельный кабинет.

– Зван! – возмутилась Жанка.

– Не хватало мне на винт намотать, – проворчал Андрей.

Зван развел руками и сказал пьяным голосом:

– Ну, братан, ты много хочешь. От этого никто не застрахован. Но ты на всякий случай имей в виду: у нас этих общих навалом. И на ваших пацанов хватит. Ну а со временем и какие-то ваши общими станут. Делиться будем, ха-ха!

«Он уже считает меня своим», – подумал Андрей. Его мучило от этой компании.

Волдырь что-то шепнул Звану, тот негромко ответил. Андрей понял, что говорили о нем. Зван повернулся к нему:

– Ну так что? Берешься княжить в Новостройке?

Андрей попытался уйти от прямого ответа.

– Разве это зависит от моего желания?

Зван нехорошо усмехнулся.

– Правильно, это наше желание. Ты можешь только сказать: спасибо за доверие. И больше ничего. Ну, мы ждем.

Жанка толкнула Андрея в плечо.

– Солнце мое, ты че ломаешься?

Зван с напором смотрел в глаза Андрею. Андрей выдержал этот взгляд и сказал:

– Я привык знать только себя.

Волдырь икнул.

– В рот компот, надо отдать его пацанам. Они его в шесть секунд уболтают.

Зван пристально посмотрел на Андрея и повысил голос:

– Я что, зря с тобой сегодня откровенничал?

Неожиданно послышались громкие шаги многих людей. Люди шли в сапогах. Дверь резко распахнулась. В комнату

вошел капитан Досанов и еще несколько милиционеров.

Волдырь начал суетливо собирать со стола и рассовывать по карманам еду. Зван взял вилку, вонзил ее в стол и с ненавистью сказал Досанову:

– Достал ты меня, хозяин страны.

На лице капитана не дрогнул ни один мускул. Он повернулся к Андрею.

– Что-то мы часто стали встречаться, Корнев. Если я спрошу, как ты здесь оказался, что ответишь?

У Андрея стало сухо во рту.

– Долго объяснять, – хрипло ответил он.

– А ты, однако, авантюрист, – медленно проговорил Досанов.

Он кивнул милиционерам на Звана и Волдыря.

– Этих – в «воронок».

Милиционеры хотели было взять под руки и Андрея, но капитан остановил их.

– Этого пока не надо.

Андрей подошел к дому, где Саня-морпех устроил в подвале спортзал. На скамейке возле подъезда, морда тряпкой, сидел Жорик. Слабым голосом сказал:

– Андрюха, поговорить надо.

Андрей остановился.

– Говори.

Жорик посмотрел по сторонам.

– Не здесь.

– Давай завтра с утра на чердаке, – сказал Андрей.
Жорик благодарно кивнул.

В подвале было душно, пахло канализацией и прелью. Одни пацаны сидели на старых матрацах, другие стояли вдоль стен. Всего было человек сорок, самых старших и самых уличных из новостроевских. Огромный Саня-морпех восседал на единственном стуле.

На Андрея смотрели как-то странно. Не так, как всегда. С подозрением и опаской.

– Говорят, ты поладил со слободскими? – начал Саня.
Андрей обвел взглядом ребят.

– Кто сказал?

Все молчали.

– Это не так? – спросил Саня.

– Пусть мне конкретно предъявят, и я конкретно отвечу, – сказал Андрей.

– Тебя видели со Званом, – пояснил Саня.

– Я тоже видел вчера, как кое-кто чесал из «Ударника», – припомнил Андрей.

– Ребята считают, что слободские наехали из-за тебя.

Андрей скривился.

– У каждого додика своя методика.

– Нет, ребята, так дело не пойдет, – с досадой произнес морпех. – Ругаться нам ни к чему. Надо основного выбрать. Мне рулить как-то не с руки. Староват я для этого. Я буду только помогать.

– Я еще раз предлагаю влиться в оперотряд, – настаивал Толян. – За оскорбление члена ОКД есть отдельная статья, повышенная уголовная ответственность.

– А я еще раз тебе отвечу: красные корочки вас не спасут, – отвечал Саня. – И ты посчитай, сколько вас всего. Нельзя вам разделяться. Одним в отряд идти, другим не в отряд. Почему бы тебе не стать основным?

Толян поморщился:

– Поздно мне в эти игрушки играть.

Саня усмехнулся.

– А оперативный отряд – не игрушки?

– Не игрушки. Отряд конкретно борется с преступностью.

А вы хотите создать кодлу.

– Ребята хотят защититься. Только и всего. Или я что-то не так понимаю? – оглядывая всех, спросил Саня.

Пацаны одобрительно загалдели.

– Делайте что хотите, только без меня, – в сердцах бросил Толян.

Он направился к выходу, но остановился у двери рядом с Андреем. Ему хотелось увидеть, чем все кончится.

– Андрюха, может, ты возьмешься? – спросил Саня.

Андрей фыркнул:

– Что я, с дуба рухнул, что ли? Мы тут не на комсомольском собрании. Знаем, кто чего стоит. Куда нам против слободских?

– И поэтому ты решил закорешить со Званом? – ехидно

спросил Герман Дворецкий.

Гера единственный из ребят всегда был в костюме, при галстукe, с бумажником и хорошими сигаретами. Его папа, директор тракторного завода, стоял над отцами ребят, а Гера – над ребятами. Он был авторитетом по признакам материального достатка. Теперь положение круто менялось, но он этого еще не понимал.

Собрание кончилось ничем. Перед тем как уйти, Андрей поддел Дворецкого:

– Гера, если ты принял «додика» на свой счет, то зря. С чего ты взял, что я тебя имел в виду?

Андрей снова пришел в больницу, когда уже начало темнеть. Ленка и Катя сидели на скамейке у входа в реанимационное отделение. От одного их вида у Андрея сжалось сердце. Ленка рыдала, уткнувшись в грудь Кати. Катя гладила Ленку по голове и тоже плакала.

Андрей сел перед ними на корточки и обхватил голову руками. У него было такое чувство, будто он лишился старшего брата.

БОЙНЯ

Когда Андрей поднялся на чердак, Жорик уже был там. Они вылезли на крышу, закурили.

– Джага велел передать – похороны Костика завтра, в час дня, – сообщил Жорик.

Он уже не скрывал, что шестерит у слободских.

Андрей ничего не ответил.

– Жалко Костика, – заполнил паузу Жорик.

– Знаешь, у меня мало времени, – сухо бросил Андрей.

Жорик сказал, запинаясь на каждом слове:

– Андрюха, только ты можешь меня понять. Я боюсь слободских. Они на все способны.

– Это правда, что они гнут даже своих?

– Еще как! – подтвердил Жорик.

Он хотел еще что-то сказать, но не решался.

– Ну, давай, давай, телись! Мне некогда, – поторопил его Андрей.

Жорика прорвало:

– Они все платят взносы. И кто мотается и кто не мотается. Собирают раз в месяц. Есть специальные сборщики. У них целая бухгалтерия. С первого по пятый класс – рубль. С пятого по восьмой – два. С восьмого по десятый – три. Кто не платит, того не пускают в школу. Или ставят на счетчик. Набегают проценты.

– Зачем ты мне это говоришь?

– У тебя соседка – судыха. Объясни ей, что происходит. Пусть она их всех пересажает.

Андрей усмехнулся.

– Ладно, скажу, что ты хочешь с ней поговорить.

Жорик отшатнулся.

– Нет! Я ничего говорить не буду.

– Ты не о ребятах заботишься. Ты просто сволочь и предатель. Держись от меня подальше, – сказал Андрей.

Он, конечно, погорячился. Все-таки Жорик искренне хотел сделать доброе дело. Правда, не сам, а с его, Андрея, помощью. Надо было поддержать Жорика, а он оттолкнул, только нажил себе врага.

Андрей полез обратно в чердачное окно. Жорик с ненавистью смотрел ему в спину.

Через полчаса Андрей уже перевозил через Иртыш огородников. 300 метров до того берега, 300 метров – обратно. Мозоли начали саднить. Решил передохнуть. Подогнал лодку ближе к пляжу, искупался.

Стояла жара. Центровые нежились на пляже. Они появлялись здесь ближе к обеду, отоспавшись после ночных походов. Под одним грибком основные – Алихан, Крюк и другие – играли в карты, курили анашу, принимали добычу, которую приносили карманники и те, кто обворовывал загорающих. Под другим грибком в окружении подружек нежилась Анжела Самохина. «У Адама губа не дура», – подумал Андрей. В купальнике пухленькая, похожая на индийскую танцовщицу Анжела была просто класс. Под остальными грибками и на лестнице, ведущей к пляжу, дежурили атасники. Если вдруг на набережной появлялись милиционеры, они давали знак и основные успевали спрятать наркотики и ворованные вещи.

Солнце сморило Андрея. Ему грезилось, что он едет с Катей на «москвиче», а за рулем сидит Зван. А он командует Звану с заднего сиденья, куда ехать.

Его разбудил Генка.

– Ты где витаешь? Крюк ждет.

Леня Крюк, которого чаще звали ласково Ленчиком, сидел в прибрежном сквере на самой дальней, скрытой от посторонних глаз скамейке. Он был ниже Андрея на целую голову, но даже сидя смотрел как бы сверху вниз. Зубы у него были в шахматном порядке. Целый – стальной – целый – стальной. Невзрачное, скуластое лицо. Бесцветные глаза, рыжеватые волосы. Но по поводу своей внешности Крюк, похоже, не переживал.

Он заложил за губу щепотку табака и сказал:

– Нормально ты примочил Жгучего. А кенты твои – говно.

– Генка Сорокин – нормальный пацан.

Крюк не согласился.

– Токарь он хороший, а боец – никакой.

Пососал табак и продолжил:

– Буду иметь тебя в виду. А пока гуляй. Можешь в парк приходиться. Если кто наедет, поясни: мол, так и так, работаю с Крюком.

– Нас вообще-то трое, – сообщил Андрей.

– Трое так трое, – равнодушно согласился Крюк. – Значит, при случае отработаете втроем.

– Это как? – решил уточнить Андрей.

– Как получится. Свобода, Корень, просто так не дается. А Жгучего бойся. Я его знаю. Кентовались на зоне. Он тебе до конца жизни не простит. Перед ним всегда все виноваты.

– Можешь рассчитывать на нас, не подведем, – заверил Андрей.

Крюк внимательно посмотрел ему в глаза.

– Ладно, чего там, давай пять.

Клешня у него была влажная. Рукопожатие вялое. Пожимая руку, он как бы делал одолжение.

Петр Палыч приготовил борщ. Андрей помог накрыть стол. Сели, не дождавшись Толяна. Борщ был невкусный. Положили по столовой ложке горчицы. Стало нормально.

– Тебя раньше в школе хвалили? – поинтересовался майор.

Андрей даже есть перестал.

– Хвалили, когда мы жили на бывшей оккупированной территории. Там учителя были другие, добрые.

– А родители хвалили?

– Что-то не припомню.

– Зря. Тебя хвалить надо. Всех застенчивых надо чаще хвалить.

– С чего вы взяли, что я застенчивый?

– Это не так уж трудно определить.

– А почему надо чаще хвалить?

– Чтобы было больше уверенности в себе.

Помолчали.

– А о рэкрете ты что-нибудь слышал? – спросил майор, меняя тему.

– Читал об Аль Капоне.

– Один умник перенес рэкет на нашу почву, – сказал Петр Палыч.

– Вы его знаете? – спросил Андрей.

– Умника? Знаю.

– Что ж его не посадят?

– А он сидит. Он сидит, а дело его живет и побеждает.

Майор говорил вслух как бы для приличия. Неудобно есть молча. А на самом деле был погружен в свои мысли. Так, по крайней мере, показалось Андрею.

Он решил поддержать разговор.

– А чего на юг не едете?

– Я почти всю жизнь провел под северным солнцем. Южное мне противопоказано, – объяснил Петр Палыч. – Всю жизнь, считай, на зоне провел. Двадцать пять лет отрубил от звонка до звонка. Теперь не знаю, что делать, как жить. Скучаю по лесной колонии. Хорошо там: рыбалка, охота, грибы. А воздух какой! Хочу вернуться. Только в другом качестве. Убью кое-кого и вернусь.

– Шутите? – вытаращился Андрей.

– Может, и шучу, – пробормотал Петр Палыч.

– Так ведь за убийство расстреливают, – сказал Андрей.

Майор усмехнулся.

– Не во всех случаях. Больше червонца, думаю, мне не дадут.

...После обеда играли в шахматы. Майор мягко проговорил:

– Анна Сергеевна опять приходила. Просила поговорить с тобой. Может, все-таки вернешься?

– Петр Палыч, я хоть сейчас могу уйти, – отозвался Андрей. – Но только не домой.

– А куда?

– Сейчас тепло. Хоть под кустом спи. И на хлеб можно заработать.

– Это как?

– Я людей перевожу через Иртыш.

– То-то я думаю: откуда у тебя деньги? – пробормотал майор. – А ведь это нелегкий хлеб? Покажи-ка ладони.

Андрей показал.

– Мозоли – это красиво, – кивнул Петр Палыч. – Но при всем к тебе уважении, мат тебе, Корень.

Действительно, Андрей в выигрышной позиции прозевал мат. Петр Палыч потирал руки:

– Запомни, мой друг: хоть жизнь на шахматы похожа, но жить – не в шахматы играть.

Петр Палыч завалился спать. Андрей тоже решил вздремнуть. Предстояла бессонная ночь. Надо было побывать возле горono, разведать обстановку. Но сон не шел. Перед глазами стояла Катя.

Андрей где-то читал, что любовь необъяснима. Что она – газ без цвета и запаха. У него было другое мнение. Он считал, что всегда можно понять, за что любишь человека. И только сейчас начал сознавать, что настоящая любовь – все

равно что наваждение или болезнь.

Он совсем не знал Катю как человека. Он только видел ее фигуру, лицо, глаза, волосы, губы. Только к этому его и тянуло. А Кате нужно было выйти замуж, освободиться от приставаний Жгучего и жить в нормальной городской квартире, а не в слободской халупе. Из этого выходило, что Андрей не даст ей того, чего она хочет. И выходит, они друг другу не пара.

Андрей встал, подошел к окну. В соседнем доме снова открылся приемный пункт стеклотары. Жители тянулись с авоськами, полными бутылок и банок.

Андрей вышел из дома, дождался, когда очередь иссякнет, и вошел в приемный пункт. Приемщица испуганно уставилась на его фингалы.

– Вчера уже приходили. Я все заплатила, – прошептала она, нервно потирая руки.

Не говоря ни слова, Андрей повернулся и вышел. Неожиданное открытие поразило его. Выходит, слободские обложили данью не только школьников.

Решив проверить свою догадку, он зашел в соседний гастроном. Мясник заприметил его среди других покупателей. А когда Андрей приблизился к прилавку, негромко сказал:

– Вчера рассчитался. Джаге лично в руки отдал. – И, подмигнув, добавил: – Дать вырезки?

Он шустро завернул в толстую бумагу кусок розового мяса и протянул Андрею. «Как же они боятся после убийства

хрустальщика!» – удивился Андрей.

Он не взял мясо. Мясник с удивлением посмотрел ему вслед.

Потом они встретились втроем на чердаке. Генка пришел с бутылкой вина. Потягивали из горлышка и говорили о смерти Костика, об аресте слободских. Потом начали обсуждать предстоящее дело.

– Я заходил в горно, посмотрел на этот сейф, – сказал Генка. – Точно такой же стоит у начальника нашего цеха. Механизм замка должен быть похожим. Попробую открыть наш. Если получится, откроется и тот.

Мишка высказал свое мнение:

– Если возьмем только три аттестата, нас с ходу вычислят. Поэтому предлагаю взять все. Их можно будет очень выгодно продать.

Генка фыркнул.

– Размечтался, бляха-муха. Как у тебя все просто!

Мишка ответил:

– Геныч, спокойно! Мы возьмем не только аттестаты. В горно всего один сейф, и он стоит в кабинете зава. О чем это говорит? О том, что там могут быть денежки. Или тебе и деньги не нужны?

– Мне хватает, – отрезал Генка.

Андрей передал слова Звана: если центровые порежут хоть одного слободского, то ему, Генке Сорокину, придется за это ответить.

Генка взвился:

– По-твоему, я должен отказаться делать выкидухи? Подскажите, если вы такие умные. А то, что я меж двух огней, я и без вас хорошо знаю.

Андрей и Мишка молчали. Они не знали, что посоветовать.

– А я, между прочим, вас не понимаю, – нервно продолжал Генка. – Ну ладно, выкрадем мы эти аттестаты. А дальше что? Ведь к ним нужны печати. Где вы их возьмете? Легче закончить десятый класс в вечерней школе и получить аттестаты законно.

Мишка хмыкнул.

– Ничего себе, легче – еще целый год ботанику читать! Подумаешь, проблема – печать!

Еще немного, и они бы поссорились. Андрей вмешался:

– Мишаня, скажи честно, тебя сводят с ума не аттестаты, а деньги, так?

– Так, – согласился Мишка. – Там должны быть хорошие деньги. И мы должны научиться взламывать сейфы. Мы должны доказать самим себе, что мы кое-чего стоим. Я не прав?

Даже у Генки не было возражений.

Они решили пойти на пляж. Вышли из дома и наткнулись на Анну Сергеевну. Кажется, она поджидала Андрея.

– Зайди домой, поговорим.

«А чего не зайти? Пора забрать свои вещи», – подумал

Андрей.

– Подождите, – сказал он кентам.

– Сядь, поешь, – предложила мать, когда пришли домой.

– Спасибо, я сыт, – отказался Андрей.

Мать все же завела его на кухню, усадила за стол. Но Андрей не притронулся к еде.

Мать усмехнулась:

– Держишь марку?

– Просто сыт.

– У тебя есть деньги? Откуда?

– Зарабатываю, мама. Ты же знаешь, я умею работать.

После окончания восьмого класса отец определил его в геодезию. Андрей все лето таскал на солнцепеке тяжелые инструменты, изнывая от ненависти к тупой работе. «Не нравится – следующим летом пойдешь путевым рабочим на железную дорогу», – пообещал отец.

Сказано – сделано. Андрей забивал кувалдой костыли, вворачивал шпалы, чувствуя себя, как на каторге. Работать летом, когда все ребята отдыхают, было тяжело.

Андрей встал, нервно прошелся по кухне.

– Сядь, давай поговорим по-хорошему, – предложила мать.

Андрей сел.

– Возвращайся, – примирительно сказала мать. – Отец уже остыл. Он тоже переживает. Не враг же он тебе. Он говорит: пусть идет работать, а десятый класс можно закончить

и в вечерней школе.

– Он сказал, что у меня больше нет дома, – напомнил Андрей.

– Это он сгоряча. Не будь таким злопамятным.

– Не верю я, что он переживает, – сказал Андрей. – Помнишь, что он со мной делал? Валил на пол, зажимал голову между ног, стаскивал штаны и порол. Знаешь, кто так делает?

Мать вздохнула.

– Ну вот такой он. Его уже не переделаешь. То ли от природы жестокий. То ли на войне ожесточился. Но он меняется. Славик и Валерик спрашивают: где Андрей? А он не знает, что сказать. Он теперь за них боится.

– Значит, он хочет, чтобы я вернулся, но не ради меня, а ради них?

– Ну почему? И ради тебя тоже.

Андрей покачал головой. Он не верил.

– Мне надо переодеться, мама.

– Переоденься.

– Я заберу свои вещи, мама.

– Зачем?

– Чтобы одеваться, мама.

– Возвращайся домой и одевайся.

– Домой я не вернусь.

– Значит, и вещей не получишь, – твердо сказала мать.

Андрей не выдержал, повысил голос:

– Мама, почти все свои вещи я сам заработал. Могу я забрать свое?

– Не можешь.

– Почему? – взвился Андрей.

– Потому. Возвращайся и носи на здоровье. А болтаться неизвестно где мы тебе не позволим.

Андрей распахнул отделение шкафа, где лежали его брюки, висели рубашки. Там было пусто.

– Спрятала? – задыхаясь от обиды, спросил он.

– Спрятала.

– Отдай мои вещи, – потребовал Андрей.

– Отец закрыл их в шифоньер на ключ.

– Дай ключ!

– Нет у меня. Отец куда-то спрятал. И прекрати. Сейчас Славик придет. Еще не хватало, чтобы он увидел, как ты устраиваешь мне сцены.

– Это я устраиваю? – тихо спросил Андрей. – Вы хотите, чтобы я вернулся, но не хотите понять, почему я оказался в таком положении. Вы всегда правы. А я – всегда виноват. Тебе не кажется это странным?

– Ты хочешь в чем-то нас обвинить? – спросила мать.

– Не об этом времени надо говорить, мама.

– Ах, вот ты о чем? Я знала, что рано или поздно ты мне припомнишь.

Андрей сказал запальчиво:

– Когда бабка указала тебе на дверь, ты должна была уйти

вместе со мной. Мне было всего несколько месяцев. Как ты могла уйти без меня?

– Бабка тебя не отдавала.

Андрей продолжал лезть в печенки:

– Что значит не отдавала? Ты – мать, разве у тебя не было на меня никаких прав? Признайся, мамочка: просто в тот момент я был для тебя обузой.

– Была война, жилось тяжело, – вздохнула Анна Сергеевна.

– Пусть так, – распалялся Андрей. – Но почему не забрала меня через четыре года, когда отец вернулся с войны, и не один? Тоже тяжело жилось? И почему не забрала еще через два года, от второй мачехи? Скажи уж честно, все эти годы кто-то был тебе ближе, чем я. Я давно это понял. Но ни разу тебя не упрекнул. А теперь вижу: вы хотите всю вину за то, что происходит со мной, взвалить на меня одного. Вы здесь ни при чем?

Анна Сергеевна опустила в кресло, прижала руки к горящим щекам.

– Видно, мать для того и существует, чтобы говорить ей все. Отцу бы ты побоялся это сказать.

– Он просто заткнет мне рот, – согласился Андрей. – Поэтому я скажу тебе. Его дочь Леночка и сын Вася были его ошибками. И он за них расплачивается алиментами. А что достается мне, хотя я тоже – ошибка? Его злость. Он злится, что сошелся с тобой. Злится, что ему нужно платить алимен-

ты. Славику и Валерке повезло больше. Скоро кончит платить и станет добрее. К ним, но не ко мне. Я знал других его жен, других детей. Как можно любить свидетеля?

Мать сокрушенно покачала головой.

– Это тебе бабка говорила? Ее слова повторяешь?

– Я давно уже не ребенок, мама, – сказал Андрей, хотя в глубине души был согласен: бабка действительно страсть как любила открывать ему глаза на родную мать.

Вечером Андрей сказал Толяну и Петру Палычу, что идет на ночную рыбалку. Для убедительности надел все старое и взял удочки.

Здание горono находилось в самом центре города, неподалеку от пляжа. Неказистое, одноэтажное. Окна без решеток.

Андрей перемахнул через палисадник и подобрался к окну заведующего. Старая замазка легко отколупливалась, а внутренняя створка форточки, похоже, вообще не закрывалась. Влезть – раз плюнуть. Андрей посветил фонариком и рассмотрел сейф. У него упало сердце. Е-мое, вот это махина! Неужели Геныч откроет?

Андрей решил на всякий случай понаблюдать и затаился неподалеку от входной двери. Все-таки горono – учреждение, не может такого быть, чтобы его никто не охранял. И если не видно сторожа, то это не значит, что его нет вообще.

Он не зря проявил терпение. Около двух ночи послышались голоса, мужской и женский. То ли сторожиха пришла в сопровождении мужа, то ли сторож в сопровождении жены.

Они проверили замок на наружной двери и ушли. Андрей проследил за ними. Оказывается, пожилая пара жила неподалеку.

Андрей пошел в больницу. У Кати было ночное дежурство. Она сидела возле тяжелобольного и читала книгу. Андрей поскреб по стеклу. Катя распахнула окно.

– Можно к тебе? – спросил Андрей.

– Нельзя, – строго сказала Катя. – Я на посту.

– А выйти можешь?

– Нельзя уходить с поста.

– Завтра похороны. Ты придешь?

– Конечно. А почему ты так одет?

– На рыбалку собрался.

– А где удочка?

Андрей почесал в затылке. Черт, забыл удочки возле гороно!

– У другана. Он ждет на берегу.

Катя смотрела с недоверием, но удачи пожелала.

– Меня к тебе тянет, – вырвалось у Андрея.

– Это пройдет, – отозвалась Катя.

– Ты хочешь, чтобы прошло?

– Я тебе уже говорила. Хочу.

– В самом деле?

– В самом деле.

– Ладно, – как можно равнодушной произнес Андрей.

Расстроенный и злой он вернулся к гороно, забрал удоч-

ки и двинул на Иртыш. Надо же предъявить Петру Палычу и Толяну хоть какой-нибудь улов. В знакомом месте накопал с фонариком червей, закинул удочки. Леска почти тотчас задержалась. А еще через минуту на берегу билась первая стерлядь. К утру кукан был полный. «Когда кругом не везет, а рыба ловится, то это уже кое-что», – подумал Андрей.

Андрей раньше не бывал у Костика. Он знал только, что родители его друга – пожилые люди. Но они оказались совсем старые. Хотя, вероятнее всего, их просто подкосило горе. Они сидели у гроба, как две печальные черные птицы. Рядом стояла женщина, тоже вся в черном, прижимая к губам белый носовой платок. Это была Ленка. Андрей не сразу узнал ее и поразился, как она изменилась.

Было душно, закрытые форточки не пропускали свежий воздух. Пахло валерьянкой, нашатырем и хвоей.

В половине первого слободские подняли гроб на плечи. Процессия тронулась. Пока шли по Слободке, зевак было немного. Основная масса людей собралась в Новостройке, возле школы. Там же стояли центровые. Их было совсем немного, человек двадцать, все русские.

Слободские опустили гроб на табуретки. Директор начал речь. Он говорил о Костике хорошие слова и опасно косился на слободских. Сказал, что удивился, когда Костик перевелся в его школу после девятого класса. Джага поднял на Карпыча мутные глаза. Директор сбился и передал слово кому-то из спортивных деятелей. Деятель был посмелее. Он

вопрошал пространство, куда смотрит милиция и когда кончатся эти странные убийства и самоубийства.

Слушая выступавших вполуха, Андрей наблюдал за слободскими и центровыми. Пытался понять, когда и где начнется разборка. Конечно, не сейчас. И, конечно, не на кладбище. Это было бы уже слишком.

Джага помаячил: подойди. Андрей протиснулся.

– Понесешь гроб? – спросил Джага.

Андрей молча кивнул.

– Тогда стой рядом.

Митинг закончился. Началось прощание с покойным. Мать обхватила голову Костика руками и громко запричитала:

– Деточка моя, кровиночка, сыночек мой ненаглядный, что же ты уходишь раньше нас, на кого нас покидаешь?

Она гладила его волосы, трогала восковые руки. Отец Костика стоял молча, у него все дрожало: губы, руки, все тело. Поникшую Ленку держали под руки Катя и еще какая-то девчонка.

Джага что-то сказал слободским, самым рослым. Те освободили Андрею место возле гроба. Вместе они подняли Костика. Гроб был тяжелый. После бессонной ночи Андрея качало.

Духовой оркестр заиграл «Школьный вальс». В толпе слышался негодующий ропот: «Сами убили – сами хоронят» и что-то еще в том же духе. Слободские делали вид, что не

слышат.

Андрей боялся покойников. Но на кладбище заставил себя рассмотреть друга. Лицо восковое, губы синие, волосы редкие. «И я мог бы вот так же лежать», – подумал Андрей.

Он поднял глаза и увидел в толпе Толяна, а рядом с ним Петра Палыча. Майор стоял нахохлившись, в какой-то курточке. «Его-то зачем сюда принесло? – подумал Андрей. – Надо же, все ему интересно».

Наступил момент прощания с покойным. Родственники целовали Костика в лоб, ребята просто склоняли головы.

Неожиданно толпа пришла в легкое движение. Кто-то протискивался к гробу. Люди расступились. Это был Адам. Он сказал, обращаясь к родителям Костика:

– Уважаемые, все мы знали Костика, все мы уважали его. Он был еще молод, но это был настоящий мужчина, настоящий воин. Его убили по-воровски, исподтишка. Прошу вас, не верьте, что к этому имеют отношение чечены. Это не так. Мы знаем, кто убил Костика и какие для этого были причины. Со всей ответственностью заявляю: кара настигнет этих шакалов.

Адам вручил родителям Костика пухлый конверт с деньгами. Джага и все слободские стояли с отрешенными лицами, глядя прямо перед собой. Адам обвел их ледяным взглядом и отступил в толпу. Гроб стали опускать в могилу. Оркестр снова заиграл «Школьный вальс».

Поминки проходили в ресторане. Слободских и центро-

вых разделяли только массивные колонны. Ничто не мешало крутой разборке. Но милиционеры контролировали ситуацию. Фойе было забито кокардами. Несколько «воронков» стояло наготове у входа в ресторан.

Андрей, Димка, Толян и Генка сели отдельно от всех, за накрытый служебный столик. Все было ясно: что пить, чем закусывать. Но Любаша все же подлетела. Она оперлась рукой о стул, на котором сидел Андрей. Ее грудь чуть не вывалилась ему на тарелку.

– Мальчики, здравствуйте, меня зовут Люба. Может, еще чего принести?

Генка ответил тоном завсегдатая:

– Люба, если что понадобится, мы тебя позовем.

Димка шепнул Любаше, показывая глазами на Андрея:

– Ну как он тебе?

Любаша томно вздохнула. Андрей чувствовал, как наливаются краской.

– Ей уже не нужны подарки, – шепнул Димка. – Она смотрит на тебя, как мужик на юную девственницу.

Любаша сказала Андрею:

– Если хочешь, можешь проводить меня. Мы сегодня закроемся раньше. В половине десятого подходи.

– Ладно, – буркнул Андрей.

Первые полчаса слободские вели себя так, как и подобает на поминках. Но потом забыли, для чего собрались. Стал слышен смех, мат, пьяные выкрики.

Центровые, как по команде, встали и вышли из ресторана.

– Нам тоже пора, – сказал Андрей.

Толян сказал, что Петр Палыч приглашал на стерляжью уху. Друзья пошли в Новостройку. Возле своего дома Андрей увидел младших братьев. Похоже, они его поджидали. Славик, захлебываясь от волнения, сообщил:

– Письмо пришло из Ленинграда. Мы открыли, а там вот что.

Он протянул фотографию. Андрей глянул и обомлел: Леночка! Сомнений быть не могло. Она как две капли воды была похожа на отца. Андрей поскреб в затылке. Ну и дела!

– У нас, оказывается, есть сестренка, – хихикнул Славик, переглядываясь с Валеркой. – А мы и не знали.

– Вообще-то распечатывать чужие письма нехорошо, – строго произнес Андрей.

Мальчишки виновато переглянулись.

– Что думаете делать?

– Мы у тебя хотели спросить, – сказал Славик.

– Заклейте конверт и бросьте в почтовый ящик.

Анна Сергеевна увидела Андрея в окно. Вышла из подъезда.

– Зайди, поешь.

– Я сыт, – отозвался Андрей.

– У нас Зинаида Гордеевна. В кинг играем. Может, составишь компанию?

– Нет, спасибо. Ты же знаешь, я не люблю карты.

– Отец хочет уладить отношения, – сказала мать. – Не отказывайся, это нехорошо.

– Пойдем домой, Андрей, – взмолился Славик.

И Валерка повис на руке.

– Пойдем!

В семье была традиция – весело проводить выходные дни. Отдыхать после трудовой недели на полную катушку. Мать еще со среды начинала что-то готовить, чтобы в субботу стол ломился. Судья Щукина приходила с бутылкой водки, которую ставила перед собой и сама же выпивала. Она сидела с багровым лицом и отвислыми щеками. Гладко зализанные жидкие волосы со следами перхоти сосульками свисали по вискам. Пепел с папиросы падал прямо в тарелку.

Похоже, отец нервничал не меньше Андрея. Подвинул ему портсигар.

– Кури.

«Что делается!» – подумал Андрей.

Он сбился со счета, сколько раз отец порол его за курение. И вот на тебе, амнистия.

– Спасибо. Ты же знаешь, я курю сигареты.

– Можешь взять портсигар. Дарю, – сказал отец.

Портсигар был серебряный, тяжелый. Таскать его в кармане было неудобно. К тому же сигареты в портсигаре не носят.

– В честь чего такая милость?

Отец насупился. Ему не понравилось, что сын кочевря-

жится.

– Надеюсь, что все поймешь, – сказала мать.

– Что я должен понять?

– Что никто тут не желает тебе зла.

Андрей закурил сигарету. Подумал: как бы не поперхнуться. Образовавшуюся паузу заполнила судья Щукина. Спросила, глядя Андрею в переносицу:

– Небось был на похоронах Громова?

– Был.

– Ну и что ты об этом думаешь?

– О чем об этом?

– О его смерти. Помнишь, я тебе говорила – не связывайся с ним?

– Костик был нормальный парень, – мрачно бросил Андрей.

– Ну, это на твой взгляд. А у нас на него другая информация. Твой Костик по кличке Гром был такая же шпана, как и другие слободские.

– Но он же отшился от них, – возразил Андрей.

– Отшился, когда замаячил срок. Даже бокс бросил. А до этого что вытворял? Сколько от него пострадавших, знаешь? Перевелся в вашу школу, как агнец невинный. Мол, в старой школе ему мешали учиться плохие ребята. Он – хороший, остальные – плохие, слышали мы эту песню.

У судьи Щукиной был хриплый, прокуренный голос, желтые от табака зубы и злые глаза одинокой, никем не любимой

женщины. В кино Андрей видел только красивых судей и не понимал, как могут держать такую мымру, как Щукина.

А родители, видно, попросили Зинаиду Гордеевну, как большого психолога, подействовать на их сына.

Щукина закурила очередную папиросу «Беломор» и продолжила воспитательный момент, глядя Андрею в переносицу:

– Ты ж из интеллигентной семьи. Разве не так?

«Себя ты тоже, наверно, интеллигенткой считаешь», – подумал Андрей. И с издевкой поддакнул:

– Так, конечно, так.

Отец мрачно посматривал на мать. Он жалел, что поддался ее уговорам. Не надо было звать этого паршивца, пусть бы еще пошатался, намотал на кулак соплей.

– Воспитание, Юрий Николаевич, – все равно что борьба с противником, – изрекла судыха. – Нужны хитрость и дьявольское терпение. Иногда нужно и самолюбием поступиться.

Мать сказала с вздохом:

– Скорее бы ему в армию.

– Видать, понравилась бездомная жизнь, – вставил отец.

Андрей тихо ответил:

– Я хочу жить своей жизнью, понимаете?

Отец усмехнулся.

– То есть ни перед кем ни за что не отвечать?

Андрей встал из-за стола.

– Пойду я, пожалуй.

Отец сдвинул брови.

– Значит, теперь сам решаешь, когда прийти, когда уйти?

– Будем считать, что я и не приходил, – сказал Андрей.

– Н-да, – протянула судьяха. – Ну и гусь!

В дверь позвонили. Славик влетел в комнату:

– Там милиция. Андрей, тебя спрашивают.

Это был капитан Досанов. Он сказал родителям, что прокатится с Андреем до отделения.

– Зачем? – с тревогой спросила мать.

– Надо поговорить, – ответил капитан.

В прихожую вышла Щукина. Досанов не ожидал увидеть здесь судью. Сразу смягчил тон, пообещал привезти Андрея обратно.

– Первый раз в милиции? – спросил Досанов, когда зашли в его кабинет.

Андрей кивнул.

– Привыкай.

Капитан поставил стул напротив своего стола. Предложил Андрею сесть. Угостил сигаретой.

– Давай выкладывай.

– Что выкладывать? – не понял Андрей

– Когда и где чечены будут бить слободских?

– А я откуда знаю?

Досанов хитро прищурился.

– А если бы знал?

– Наверное, не вспомнил бы.

– Каждый сознательный гражданин считает своим долгом сотрудничать с органами, помогать бороться с преступностью, – назидательно произнес капитан.

Андрей пожал плечами.

– Значит, я несознательный.

– Ты уже усвоил, что стучать нехорошо, запахло. А это уже криминальное, преступное поведение. Ты не с нами, а значит, против нас.

– Я вообще не хочу быть против кого-то или за кого-то, – ответил Андрей. – Я хочу жить спокойно и ни от кого не зависеть.

– Вот-вот, – подхватил Досанов. – Я же говорю: вы хотите, чтобы вас никто не трогал. И при этом не хотите помочь самим себе. Помочь милиции – это и есть помочь себе, понимаешь?

Андрей поморщился.

– Что-то вы меня путаете. Я ничего не знаю и мне нечего сказать.

– Ну ты совсем как слободской. – Досанов поморщился. Помолчав, добавил: – Ладно, сейчас тебя отвезут. Только о нашем разговоре – никому.

Андрей вскочил со стула.

– Не надо меня отвозить. Еще не хватало! Сам дойду.

– Иди, – махнул рукой Досанов.

В Слободке уличные фонари были наперечет. Но в эту

ночь светила полная луна, круглая и белая, сама как фонарь. Лаяли собаки. Возле Дунькиного клуба слышались пьяные голоса пацанов и визг девок. Звучала песенка:

Как у нас, как у нас
Развалился унитаз,
Будем думать и гадать,
Где теперь мы будем срать.

Ладушки, ладушки, будем срать у бабушки.

Любаша занимала половину небольшой хибары рядом с клубом. Андрей ударился лбом о дверной проем и уперся головой в потолок. Огляделся. Небольшая комната была разделена пополам ширмой. Ни ванной, ни теплого туалета. Натуральная лачуга.

– Извини, но музыки у меня нет, – вполголоса сообщила Любаша. – И холодильника нет. Но поесть и выпить я принесла. Я заметила, ты ничего не ел. Ты всегда так пьешь – не закусывая?

Андрей замялся.

– Когда как.

Любаша перешла на полусшепот:

– Извини за беспорядок. Не успеваю прибраться. Поэтому от меня и мужья уходят. Я им говорю: порядок в доме – враг жизни. Они не понимают. Думают, я шучу. А ты бы понял?

Андрей пожал плечами.

Любаша вынула из сумки припасы и мигом накрыла на стол. Потом скрылась за ширмой и вышла оттуда в цвета-

стом халате. Она волновалась, но голос ее звучал покровительственно.

– Ты чего такой неразговорчивый? Почему вино не наливаешь? Поухаживай хоть немного.

Андрей трясущейся рукой налил в стаканы вино. Любаша нервно курила и с улыбкой за ним наблюдала.

– За что пьем? Давай за тебя. Чтобы тебе всегда везло. Чтобы от девок отбоя не было. Чтоб ты чего-нибудь сказал. Что у меня, к примеру, ноги не кривые. Они у меня ничего, правда? Я вообще еще ничего, ага?

Андрей согласно кивнул.

– Молодец, – сказала Любаша. – Правильно себя ведешь. Ждешь, когда добыча сама в руки к тебе прыгнет? Ладно уж, иди сюда.

Не дожидаясь, встала и подошла к Андрею вплотную. Ее грудь оказалась на уровне его губ.

– Ну что же ты? Снимай! Да не спереди, а сзади. Не бойся, не укушу. Вот так, смелее!

Андрей довольно быстро сообразил, как расстегивается лифчик, и справился с ним. Мама родная, сколько всего вывалилось. Андрей уткнулся в большие мягкие груши. Любаша задышала неровно.

– Тебе они нравятся?

Андрей закивал головой.

– Тогда целуй. Да не так, а как будто ешь. Только не надо зубами, откусишь.

Чем больше она распалаялась, тем Андрей становился спокойней. Сердце колотилось все ровней. Любаша потянула его за ширму.

– Иди сюда.

Они упали в постель. Любаша одним движением стащила с Андрея брюки. А он не знал, что делать с ее корсетом. Она сама расстегнула свою сбрую. Ее тело поползло во все стороны, как тесто из кастрюли. Андрей успокоился еще больше. Хотя желание никуда не делось. Он только не знал, как попасть куда следует. Но ему не пришлось тыкаться на ощупь. Любаша взяла все в свои руки. Через какое-то время тело Андрея будто пронзило молнией. Он корчился в судорогах, познавая потрясающее из ощущений. Только радость открытия тут же сменилась слабостью и опустошением. Но Любаша не отпускала его, дразнила развитыми мышцами. И через минуту Андрей снова готов был пронзять ее до позвоночника. Скоро он потерял счет извержениям своего вулкана.

– У тебя будет много баб. Многих ты забудешь. Но меня будешь помнить всю жизнь, – сказала Любаша, когда они совсем упарились и решили передохнуть.

Андрей молчал.

– Ты когда-нибудь купишь мне цветы? – прошептала Любаша. – Все-таки я первая твоя женщина.

– Куплю, – пообещал Андрей, прикуривая сигарету.

Любаша махнула рукой.

– Врешь! Я у тебя на раз. Будешь помогать своей немоч-

ки.

Андрей удивился, как тонко вычисляет его Любаша. Действительно, мстительное чувство к Кате испарилось. Лежа с горой теста, он мечтал сейчас о тонкой фигуре немочки.

– Дай затянуться, – буднично попросила Любаша. Потом сказала: – Мой тебе совет. Будь всегда такой, как сейчас: ленивый и неторопливый. Все бабы будут твои.

– А кто живет за стенкой? – повинувшись внезапной догадке, спросил Андрей.

– Зван с матерью, – спокойно отозвалась Любаша.

– Ты и у него была первой?

– Он меня кайфовочкой звал. А ты что, ревнуешь?

Андрей рассмеялся.

– Оказывается, мы почти родственники.

– А вы правда чем-то похожи, – сказала Любаша. – Только он по натуре начальник. В школе старостой класса был. В самодеятельности выступал, пел. У него ж отец – артист. Приехал сюда на гастроли, заделал его и укатил.

– Зван злится на отца?

– Не то слово. Зван понимает, что у него в каждом городе то ли брат, то ли сестра. Он своего папашку осеменителем зовет. Ну что мы все не о том? Гаси сигарету, иди сюда, – маняще прошептала она.

И вдруг замерла, насторожилась, вскочила с постели, подбежала к окну, посмотрела в щель между шторами и запричитала:

– Батюшки, что делается! Быстро одевайся!

Андрея как ветром сдуло с постели. Но он никак не мог найти свои штаны. Любаша нашла.

– Вот, надевай.

Они выскочили из дома и обомлели: перед Дунькиным клубом при свете фар шла битва. Слободские с матюгами и воплями отражали чей-то натиск. На руках у нападающих были белые повязки. В руках – метровые арматурины. Обычное оружие слободских теперь било по ним самим. Людей в повязках было не меньше сотни, в основном не пацаны, а взрослые мужики.

– Это чечены, – сдавленно проговорила Любаша. – Не выходи из темноты, – предупредила она Андрея.

Показалась белая «Волга». Машина остановилась рядом с домом, где жила Любаша. Из нее вышел Адам. Он что-то говорил своим по-чеченски. Потом вполголоса сказал по-русски:

– Они хотели войны – они ее получили. Война нам только в кайф. Облейте этот гадюшник бензином и сожгите, – приказал он кому-то.

Через несколько минут Дунькин клуб был объят пламенем.

– Давайте по машинам, – скомандовал Адам.

Центровые растворились в темноте. Стали слышны стоны и ругательства слободских. Кто-то вызвал «скорую помощь» и пожарных. Фары высветили место битвы. Одних только ле-

жавших без движения было не меньше полусотни.

Любашу била нервная дрожь. Она сказала сквозь слезы:

– Хоть уезжай из города. Зван выйдет – знаешь что начнется?

Медвежатники

Была теплая июньская ночь. Ребята сидели у костра на берегу Иртыша и, отмахиваясь от комаров, жарили шашлыки из стерляди.

Со времени побоища в Слободке прошло почти два месяца, до вручения аттестатов зрелости оставались считанные дни, а Генка так и не раскрыл секрет сейфа. И теперь оправдывался:

– Я не могу делать одновременно два дела. Что нужнее: пушка или сейф?

Мишка вопросительно глянул на Андрея и выдохнул:

– Конечно, сейф.

– Тебя не спрашивают, – отрезал Генка.

– Сейф, – сказал Андрей, жалея Мишку.

– Сейф мне не по зубам, – признался Генка.

– А пушка? – спросил Андрей.

– Пушка – запростяк, – похвастал Генка. – На днях испытает.

Андрей наелся и лег на спину. Земля была теплая. Где мало леса, всегда земля теплее. На небе желтела молодая луна, мерцали звезды. «Все-таки интересно, где живут существа, с которых все началось на Земле?» – думал Андрей. Он никак не мог смириться, что человек произошел от обезьяны. Родство с мартышкой оскорбляло его достоинство.

В последнее время он все реже думал о Кате. Он заставил себя забыть о ней и гордился этим. Отчасти в этом помогла Любаша. Она утоляла его постоянный голод. Андрей уже приходил к ней, как к себе домой. Слободские его не трогали. В городе вообще царило затишье. Так всегда бывало после убийства или большой кровавой драки. Зван, Жгучий и Волдырь до сих пор парились в СИЗО. Непонятно, на что надеялись следователи. Заставить слободских хоть в чем-то сознаться было невозможно. Все чаще поговаривали, что их выпустят.

После побоища в Слободке не осудили ни одного чеченца. Молва объясняла это тем, что они никого не забили насмерть. Гулял также слух, что чеченцы купили милицию или элементарно запугали следователей. Но говорили также, что чехам все сходит с рук до поры до времени. Рано или поздно эта лафа кончится, как это однажды уже было – то ли в Аркалыке, то ли еще где-то в Казахстане. Там возмущенные аборигены крепко отметели чехов и выгнали в степь. С обеих сторон было много жертв.

Жизнь можно было бы назвать безоблачной, если бы не одна каждодневная неприятность. Отец устроил Андрея чертежником в производственный отдел. Работа непыльная. Хотя оказалось, циркуль и рейсфедер куда противнее лопаты и кувалды. Андрей сидел за кульманом, как раб на цепи. Но хуже всего было то, что мать отбирала в получку все деньги, а потом выдавала, как милостыню, строго на кино и сигареты.

Андрей поднялся, подбросил в огонь сушняка и спросил:

– Мишаня, чем думаешь заниматься?

– Когда отсижу срок? – равнодушно отозвался Мишка.

– Считаешь, нас посадят?

– Конечно. Не за это дело, так за другое, – спокойно ответил Мишка.

– Ты что, в натуре не боишься сесть? – спросил Генка.

– Какая разница: боишься – не боишься. Конечно, не хотелось бы.

– Может, наплюем на эту затею? – осторожно предложил Генка.

– Лично я уважать себя перестану, если откажемся, – твердо сказал Мишка.

– Сейф можно только взломать, – лениво процедил Генка.

– Что ж молчишь? – возмутился Мишка.

– Надо дрелью работать. Это знаешь какой шум? А если сторожа появятся? Убивать их, что ли, из-за ваших долбаных аттестатов? – сказал Генка.

Андрей поднялся.

– Ладно, пошли проверять донки.

Донок было девять, и на каждой била хвостом небольшая стерлядь.

– В тюрьме не порыбачишь, – заметил Андрей.

– Ну, бляха-муха, и ты туда же! – возмутился Генка. – Ну как с таким настроением на дело идти?

Неожиданно земля содрогнулась. Ребята с ужасом пере-

глянулись. Елки-палки, неужели война? Мишка первый пришел в себя.

– Это испытания.

Он был прав. В 240 километрах находился Семипалатинский ядерный полигон.

– Если идти на дело, то завтра, – сказал после паузы Мишка.

– Почему завтра? – спросил Генка.

– Потому что через неделю будут аттестаты вручать. И потому что завтра получка. Может, не всем деньги выдадут, что-то в кассе останется.

Андрей посмотрел на Генку.

– Ты готов?

Генка развел руками. Жест означал: ему это дело не нравится, но ради дружбы он готов.

У Мишки заблестели глаза.

– У нас все получится. Я все продумал до мелочей.

Мимо горно до полуночи шли люди. Потом тьма сгустилась, стало тихо. Но ребята выжидали. В два часа ночи пришли сторожа. Потрогали замок, осмотрели окна и ушли.

– Значит, так, – строго сказал Мишка. – Не курить! Не оставлять окурки и пепел. Не плевать! Слюна тоже может быть доказательством.

– А дышать можно? – ехидно спросил Генка.

– Не оставлять отпечатки пальцев! – предупредил Мишка.

Он заклеил себе кончики пальцев пластырем. То же самое

сделали Андрей и Генка. Теперь можно было начинать.

– С богом, – сказал Андрей.

Он вынул из форточки стекло. Щуплый Мишка влез внутрь и открыл окно. Путь к сейфу был свободен. Андрей чувствовал, что у него подламываются колени. Генка улыбался. Это означало, что он тоже отчаянно дрейфит. Только Мишка был спокоен, как танк.

Генка начал работать дрелью. Мишка помогал. Андрей стоял возле палисадника, посматривая по сторонам и прислушиваясь к ночной тишине.

Прошел час – Генка и Мишка все еще сверлили. Андрей не выдержал, оставил пост. Теперь они мудрили в шесть рук и закончили работу только спустя часа два. А потом Генка еще не меньше часа терпеливо шерудил толстой проволокой в высверленных отверстиях. Он справился с сейфом, когда уже начало светать.

– Оппаньки! – прошептал главный медвежатник, открывая толстую дверцу.

Он осветил фонариком нутро сейфа и начал вынимать деньги, больше рублями. По большому счету, их было не так уж много. Всего около шести тысяч – десятимесячный заработок Андрея.

– Погоди, а где аттестаты? – спросил Андрей.

Генка выгреб из сейфа почетные грамоты, дипломы, еще какие-то бумаги. Аттестатов зрелости не было. Ни одного.

– Хрен с ними, рвем отсюда, – осевшим голосом прогово-

рил Генка.

Мишка тоже не огорчился, что в сейфе не оказалось аттестатов.

– Ну и что? Зато теперь на нас не подумают. А главное, мы провернули это дело!

Неожиданно слышались шаркающие шаги и старческие голоса, мужской и женский. Сторож со сторожихой шли вдоль здания. Они остановились возле открытого окна со снятым стеклом, за которым притаились ребята. Андрей увидел совсем близко голову старика. Мелькнуло: «Что делать, если старик увидит, что стекла нет? Вдруг у него есть ружье? Вдруг он закричит?» Но старик поворочал по сторонам головой и пошел дальше. Пронесло...

Они пришли на берег Иртыша неподалеку от пляжа, посчитали деньги.

– Оденемся с ног до головы, и еще останется! – ликовал Мишка. – Геныч, ты настоящий медвежатник.

Генка молча улыбался. Он чувствовал себя героем.

У них был с собой рюкзак. Они извлекли из него донки и стали ловить рыбу. Поймали несколько плотвичек и уснули прямо у воды.

Андрею снился отец. Родитель возмущался, почему сын не пришел на работу. Андрей говорил, что у него есть дела поважнее. «Какие дела могут быть важнее работы?» – возмущался отец. «Тебе не понять», – отвечал Андрей.

Он проснулся от толчка. Над ним, шурясь от яркого солн-

ца, возвышался Крюк.

– Много поймали?

– Не очень, – сказал Андрей, закуривая сигарету.

Крюк криво усмехнулся.

– Я тоже рыбачу. Только днем.

Шелуха центровых действительно «рыбачила». Воровала вещи у приезжих отдыхающих. Часы, драгоценности, кошельки с деньгами. То, что человек оставляет на берегу, когда идет в воду.

– Чего бы я ловил здесь рыбу? – насмешливо спросил Крюк.

– Извини, но в нашем районе Иртыш не течет, – тем же тоном ответил Андрей.

Крюк сел рядом на песок.

– Слушай, Корень, мы не любим, когда лезут в нашу песочницу. Благодарю бога, что только я тебя вычислил.

– Значит, с нас причитается. Если хочешь, можно посидеть сегодня в кабаке, – предложил Андрей.

Крюк оценивающе посмотрел на него.

– У вас завелись бабки?

– Есть немного.

Крюк усмехнулся.

– А чего не посидеть?

Они заняли столик, который обслуживала Любаша. Генка был кишка – любил вкусно и сытно поесть. Он взял меню и стал заказывать всякую всячину. Выпендрейник, он не мог

остановиться.

– Принеси ему слона в маринаде, – посоветовал Любаше Андрей.

В дверях показался Крюк. Он пришел не один – с ним были сестры Самохины. «Вот это да!» – изумился Андрей. Он не ожидал, что нагрянет такая компания.

Райка была не в духе. Едва выдавила улыбку, когда стали знакомиться. Зато Анжела вся светилась. Она обожала новые знакомства.

Крюк не глядел на Райку. Наверно, только что поссорились. Генка сказал Анжеле, что давно от нее без ума.

– За что пьем? – спросила Анжела.

– Каждый за свое, – сказал Крюк.

Он выпил не чокаясь.

Кажется, он был алкаш. Его развезло с двух рюмок водки и фужера пива. Он поманил Андрея и сказал на ухо:

– Сколько взяли, Корень?

Андрей скривился: мол, так мало, что не стоит называть сумму.

– Не понял, – недовольно сказал Крюк. – На кой хрен тогда полезли?

– Тренировка.

Крюк рассмеялся.

– За такую тренировку можно знаешь сколько схлопотать? Лет этак пять. – Его рябое лицо вдруг стало злым. – Вы, блин, тренируетесь, а нас таскают.

– Кто таскает? – спросил Андрей.

Крюк совсем обозлился.

– Что ты, Корень, придуливаешься?

– Извини, – сказал Андрей. – Больше в вашу песочницу мы не залезем.

Крюк отхлебнул из фужера и скривил губы.

– На хрен мне твои извинения?

На эстраду вышли музыканты. Сестры Самохины оживились. Они страсть как любили танцевать.

Сидя за пианино, Димка подмигнул Андрею. Он был рад за своего юного друга. Сидеть в такой компании – большая честь.

Но тут же отвернулся и дал знак лабухам. Оркестр заиграл лезгинку. В зал входил Адам, а рядом шла Катя.

Кровь прилила к лицу Андрея. Он чувствовал, что стал пунцовым. А потом увидел, что обалдел не он один: лицо Анжелы пошло пятнами, Райка даже выругалась:

– Твою мать!

Оркестр заиграл блюз. Анжела поднялась и потянула Андрея в танцевальный круг. Прижалась к нему всем телом, обвила, как змея. Тело у змеи было жаркое.

Анжела хотела показать Адаму, что она не остается в долгу, тоже наставляет ему рога. Но чеченец был невозмутим. Он пригласил Катю, и теперь обе пары танцевали рядом.

Анжела прижалась к Андрею щекой, прошептала на ухо:

– Ты чумовой парнишка.

«Я держу в руках бомбу», – подумал Андрей и чуть отстранился.

Анжела посмотрела в упор.

– Боишься?

– А ты?

– Я – нет, – храбрилась Анжела.

– И я – нет, – сказал Андрей. – Я просто не люблю, когда меня используют. Ты ведь специально его дразнишь.

– Ты не веришь, что нравишься мне? – удивилась Анжела.

– Адаму я не соперник

– У тебя все впереди, – сказала Анжела.

– Эй, пацан! – неожиданно окликнул Адам. – Как тебя? Корень? Нравится? – Он кивнул на Анжелу. – Бери! Дарю!

Анжела встала как вкопанная. Из глаз у нее брызнули слезы. Адам был доволен. Он дал денег музыкантам. Те поменяли мелодию на лезгинку. Адам взметнул правую руку вверх, левую прижал к подбородку и понесся по кругу. Его соплеменники обступили со всех сторон и хлопали в ладоши, подбадривая гортанными выкриками.

Андрей смотрел на Катю. Ее лицо выражало вежливое внимание. А глаза были грустными. Она думала о чем-то своем.

– Он и ее кому-нибудь подарит, – процедила Анжела.

Они вернулись к столику. Крюк докуривал папиросу с анашой. Он сказал Анжеле:

– Бросай этого чеха. Держись за Корня. Эти пиликаны, –

он кивнул на музыкантов, – еще сыграют в его честь.

– Сегодня снова будет одна лезгинка. Не закружиться ли нам? – предложила Райка.

Она хотела увести сестру. Крюк согласился. Его тоже раздражали чеченцы. После побоища в Слободке они вели себя все наглее, считая, что теперь им принадлежит весь город.

Клуб механического завода, где работал Генка, был, по сути, шалман, где собирались только свои. Там всюду шел гудеж. Воздух был пропитан запахом анаши. Пьяная и обкуренная толпа колыхалась в такт мелодии. Слышались истерические выкрики и хохот.

Генка держался как завсегдатай, отвечал на приветствия. Андрей сделал вид, что его ничто не удивляет. На него поглядывали настороженно, но без враждебности. Все видели, что он пришел с Крюком.

Алихан сидел на сцене среди чеченцев, таких же крепких бизонов. Крюк занял стул на противоположной стороне зала, его сразу окружили несколько русских битюгов. В отношениях двух основных чувствовался напряг, но все были уверены, что ничего серьезного. Просто чего-то не поделили. Бывает.

Анжела потянула Андрея танцевать. Прижалась и подставила губы. Здесь многие сосались во время танца. Что и говорить, Анжела была аппетитная телочка. У Андрея голова пошла кругом.

К Крюку подошел рыжий Гасан и что-то с возмущением

сказал.

– Все нормально, – ответил Крюк. – Адам подарил Анжелу.

Гасан возмутился.

– Кому? Этому фраеру?

– Этот фраер – теперь наш пацан, – отрезал Крюк.

– Но Алихан еще не сказал своего слова.

– Иди, мы с Алиханом разберемся, – отмахнулся Крюк.

– Алихан хочет, чтобы ты подошел и разъяснил сам, – упорствовал Гасан.

Крюк побагровел. Шрам от удара бритвой на его лице стал еще белее. Он с вызовом посмотрел на Алихана и встретил такой же ответный взгляд. Алихан не выдержал, сам подошел к Крюку и зарычал:

– Ты с кем ее привел? Ты забыл, кто она?

– Уймись, – процедил Крюк. – Адам подарил ее только что, в кабаке.

– Кому? Этому фраеру? – рыкнул Алихан.

Крюк тоже повысил голос.

– Кому захотел, тому и подарил.

Алихан в открытую наезжал на Крюка. Русаки уже нащупывали в карманах кастеты и финки и напряженно смотрели на Крюка. Какого черта он терпит?

– Слушай, Алихан, по-моему, ты чего-то хочешь, – сказал Крюк. – Смотри, как бы не пришлось потом пожалеть.

Алихан ощерился.

– Ты мне угрожаешь?

– Ты наезжаешь, я отвечаю. По-другому не будет, – твердо ответил Крюк.

Чеченец позыркал по сторонам. Он видел не только горящие злобой глаза своих соплеменников, но и не менее решительные лица русских ребят. Их было намного больше. Это его остудило. Он демонстративно сплюнул под ноги Крюку. Тот тоже сплюнул. Основные с ненавистью смотрели друг другу в глаза. Казалось, еще мгновение – и они начнут рвать друг друга в клочья. Но что-то их останавливало. Алихан первым отвел глаза и отошел. Он считал, что погрел достаточно и перевес на его стороне.

На радиоле сменили пластинку, заиграли какую-то дробилку. Из толпы вышел солдат-десантник в берете на самой макушке. Он подошел к Райке и пригласил ее на танец. Райка вопросительно посмотрела на Крюка. Тот презрительно смерил солдата с ног до головы. Солдат был симпатичный малый и, что самое обидное, на полторы головы выше.

– Ленчик, ты ж все равно не танцуешь... – Райка нетерпеливо перебирала ногами.

Крюк скривился.

– Может, тебя подарить?

Райка, девка с характером, завелась с пол-оборота.

– Какого черта?! – вскричала она.

Крюк молча наложил ей на лицо пятерню. Райка отбила руку. Крюк отвесил ей звонкую пощечину и замахнулся еще

раз, но солдат помешал ему ударить. Крюк выхватил опасную бритву. Солдат замороженно смотрел на опаску, словно не верил своим глазам.

Крюк сказал осевшим голосом:

– Ну, покажи, чему тебя учили.

– Брось, – сказал солдат.

– Отними, – просипел Крюк.

– Ладно!

Солдат встал в оборонительную стойку. И Крюк пошел на него, рассекая бритвой воздух. Танцующие шарахнулись в стороны. Образовался круг. Это облегчило задачу солдата. Он сделал обманный выпад и рубящим движением ладони выбил бритву. Крюк наклонился, чтобы поднять ее, но на опаске уже стояла нога солдата. Крюк выпрямился и в то же мгновение получил звонкую залепуху.

К солдату рванулись мордовороты Крюка. Но их придержали чеченцы.

– Зачем мешать? Пусть выяснят отношения как мужчины.

Крюк сказал своим ребятам:

– Я сам.

Он что-то решил, но ему нужно было собраться с духом. Кто-то дал ему чинарик с анашой. Крюк сделал запых. Все подумали, что он угомонился. Толпа пришла в движение. Танец продолжался. Солдат снова стал приглашать Райку. Та стояла в нерешительности. Но солдат не отступал, и она согласилась. Солдат жил в центре, но до армии с центровыми

не мотался, жил сам по себе. Крюка знал только в лицо и никогда не понимал, почему его все так боятся. Не понимал и сейчас.

Райка улыбалась солдату. Улыбка у нее была вымученная, деревянная.

Андрей и Анжела танцевали рядом.

– Мне его жаль, хороший был парень, – сказала Анжела.

– Почему был? – спросил Андрей.

– Потому.

Андрей напряженно смотрел на Крюка. Тот сделал последний захых, отбросил чинарик, схватил какую-то девку и потащил танцевать.

– Рая! – крикнула Анжела, но было поздно. Крюк сделал почти незаметное движение и тут же увел свою партнершу в сторону.

Солдат схватился за бок, часто задышал, его лицо быстро белело. Лезвие выкидушки вошло ему в левый бок.

– Вызовите «скорую»! – крикнула Райка.

Но никто даже не шелохнулся. В этом шалмане все делалось только по приказу или с одобрения основных.

– Я сам, – выдохнул солдат.

Он поплелся к дверям. Райка его поддерживала. На них молча глазели. У выхода солдат рухнул на пол.

Распахнулась дверь. На пороге стоял капитан Досанов и еще не меньше десятка кокард.

Солдата повезли в больницу. Досанов громко объявил:

– Всем оставаться на своих местах! Никому не двигаться.
Начался повальный обыск.

Крюк вытер финку носовым платком, вогнал лезвие в рукоятку, незаметно передал Андрею и тут же отошел.

Андрей сунул выкидушку в рукав курточки и лихорадочно соображал, что же теперь делать.

А обыск шел полным ходом. Почти вся центровая шпана носила сапоги, пряча ножи за голенищами. Каждого сажали на пол и велели разуваться. Андрей был в туфлях. Его не стали осматривать. Капитан Досанов процедил:

– Нашел себе компанию. Свинья грязи найдет, так, что ли?

– Я не свинья, – сказал Андрей.

Досанов несколько секунд что-то обдумывал, потом сказал сержанту:

– А ну давай его в машину.

«Вот это вляпался!» – подумал Андрей.

В «воронке» уже сидели несколько чеченских пацанов. Андрей хотел потихоньку опустить выкидушку на пол машины, но сообразил, что это не выход. Все равно на рукоятке обнаружат отпечатки его пальцев. Ничего не оставалось, как ехать в горотдел с ножом в рукаве.

Андрей долго сидел в обезьяннике, пока не занялись и им.

– Садись, – сказал Досанов.

Андрей плюхнулся на стул и закинул ногу на ногу.

– Поставь ноги прямо и положи руки на колени, – прика-

зал Досанов.

Капитан считал, что в этой позе психика допрашиваемого более уязвима. Андрей охотно подчинился. Так ему было даже легче скрыть, что у него в рукаве что-то есть.

– Ты, конечно, не видел, кто порезал солдата, – полувопросительно сказал Досанов.

Андрей молча пожал плечами.

– Попробуй только раз сказать мне «не видел» или «не знаю»! – рявкнул капитан.

Колени у Андрея дрогнули. Он стиснул их пальцами. Досанов усмехнулся:

– Посадить бы тебя на пару недель. А лучше – на пару месяцев. – И снова заорал: – Этот солдат на прыжках командира спас, приехал в поощрительный отпуск, а тут бац – какая-то шпана его на нож ставит!

– Чего вы от меня хотите? – спросил Андрей. Его голос звучал ровно. Он понемногу приходил в себя.

– Хочу, чтобы сказал, кто порезал солдата.

– Я правда не видел, – ответил Андрей. – Но даже если бы видел... Ну сказал бы я вам. А что после этого было бы со мной? Или вам все равно?

Досанов прищурился.

– Значит, все-таки знаешь?

Андрей молчал.

– Намекни хотя бы, – попросил капитан. – Это останется между нами.

Андрей молчал.

Досанов позвонил в больницу, спросил о состоянии солдата. Ему что-то ответили. Он положил трубку, закурил, откинулся на стуле, покачался, выругался по-казахски и сказал:

– У нас был мирный город. И вот что творится теперь.

В кабинет вошел лейтенант, шепнул что-то на ухо Досанову.

– Ищите, нож не могли вынести, где-то там спрятали, – сказал капитан.

Андрей с облегчением вздохнул. Кажется, пронесло. Его уже не обыщут. Интересный мужик, этот капитан Досанов. Ходит вокруг да около, никак не может вычислить. Только помогает заточиться.

Андрей подошел к своему дому уже за полночь. Свет в окнах не горел, все спали. Попытался открыть дверь ключом, но она не открывалась, была заперта изнутри на большой крючок. Тогда Андрей поднялся по пожарной лестнице, влез через форточку и нырнул в постель.

Утром мать вошла в комнату и всплеснула руками.

– Ты как вошел?

Андрей никак не мог проснуться.

Появился отец в своем репертуаре: «Явился гусь лапчатый... Тебе хоть кол на голове теши... Заруби себе на носу... В гроб вгоняешь раньше времени... Будешь локти кусать, да поздно...»

Андрей поднялся.

– Все?

Отец грозно свел брови.

– Ты как разговариваешь?

Андрей пожал плечами.

– Как я разговариваю? Просто спрашиваю, все ли ты сказал. А можно мне теперь сказать?

– Говори, – разрешил родитель.

– Давно хочу тебя спросить. У меня в детстве не заводились вши?

– Какие вши? Что ты выдумываешь? Не было у тебя никаких вшей, – возмутилась мать.

– Тогда зачем отец брил мне летом голову?

– Не отец, а папа, – поправила мать.

– Ну, папа, – согласился Андрей.

Отец не любил отвечать на вопросы сына. Это его унижало. Но он все же ответил:

– Я брил твою голову, чтобы волосы лучше росли.

– Разве они росли плохо?

– Чтобы росли еще лучше.

Андрей спросил:

– Вы помните, каждый раз, когда отец брал в руки бритву, я вырывался, плакал, просил не брить меня.

– Ну помним. И что? – спросила мать.

– Несмотря на это, отец все-таки брил меня. Зачем?

– Ты что, издеваешься? Тебе уже сказано: чтобы волосы

росли лучше!

– Но я же просил не делать этого. Надо мной смеялись.

Отец сузил глаза.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я был твоим зэком, папа. Теперь мой срок кончился.

Отец задохнулся от гнева.

– Тогда иди на все четыре стороны и живи самостоятельно.

– Значит, этот дом – не мой?

– Он твой до тех пор, пока ты признаешь меня, твоего отца.

– Значит, жить самостоятельно в этом доме я не могу?

– Даже не мечтай.

Проснулся Славик. Родители свернули скандал и скрылись за дверью. Отец позавтракал и ушел на работу. Мать тихонько спросила Андрея:

– Неужели снова уйдешь?

– А что мне остается?

– Куда? Снова к этому алкашу?

– В пампасы.

– Куда? – не поняла мать.

– Построю шалаш на берегу Иртыша.

– А когда станет холодно?

– Мир не без добрых людей. Кто-нибудь приютит.

– Тюрьма тебя приютит.

– Тюрьма так тюрьма. Мне не привыкать.

– Школа для тебя – тюрьма, родной дом – тюрьма. Что ты себе напридумывал? Не дури. Пожалей хоть меня, – взмолилась мать. – Ведь я из-за тебя сошлась с отцом.

– А кто тебя просил? Лучше б ты просто забрала меня.

– Как ты стал разговаривать! – с обидой воскликнула Анна Сергеевна.

Андрей промолчал. Неожиданно ему в голову пришла взрослая мысль. Он подумал, что мать любила и любит его так, как умеет. И отец, скорее всего, тоже по-своему любит. И без толку желать или тем более требовать от них чего-то другого.

– Я не уйду при одном условии, – сказал Андрей. – Если отец оставит меня в покое. Я сам найду себе работу, которая мне понравится.

Мать облегченно вздохнула.

– Хорошо, я поговорю с ним.

В первой половине дня Димка, как всегда, был дома. Он отсыпался, потом долго лежал в ванне. Потом слонялся по квартире в халате, слушал пластинки, делал укладку волос с бриолином и полировал ногти. Димка был всем пижонам пижон. Генка смотрел на него с завистью и благоговением.

Димка сидел в кресле, а Генка и незнакомый парень-фарцовщик вынимали из больших сумок модное тряпье, в основном инострань: зауженные брюки, твидовые пиджаки, цветастые рубашки, узкие галстуки, белые носки и писк моды – узконосые туфли, прозванные мокасинами.

Кое-что Димка отобрал для себя. Андрей, Генка и Мишка не посмели возражать. Им вполне хватало того, что осталось.

Балдеж с примеркой продолжался не меньше часа. Ребят не волновало, что почем. Получив сполна бабки, фарцовщик стерся, а друганы принялись обсуждать насущные вопросы жизни.

Димка поделился некоторыми наблюдениями. Оказывается, Адам и Катя пробыли в кабаке не больше двух часов, а потом уехали. Причем Катя как-то уж слишком часто смеялась.

– Давай сменим пластинку, – попросил Андрей. Ему была неприятна эта тема.

Димка налил в рюмки коньяк и сказал:

– Слышали, в нашем Зажопинске завелись медвежатники? В гороно взломали сейф.

– Почему в гороно? – изображая удивление, спросил Андрей.

– Там были бабки, приличная сумма, – объяснил Димка. – Что-то около двадцати кусков.

– Что за ерунда! – вырвалось у Генки. – Откуда такие сведения?

– Сведения из надежных источников, – важно произнес Димка, разливая по чашкам кофе.

Его рука замерла. Он с удивлением посмотрел сначала на Генку, потом на Мишку, потом на Андрея. Он все понял. Закончив разливать кофе, уселся в кресло.

– Мальчуганы, так это вы сработали?

Ребята беззвучно смеялись.

– А я-то думаю, откуда у мальчуганов такие бабки? Ну вы даете! Так вы взяли меньше?

– Там было около шести кусков, – сказал Андрей.

Димка хмыкнул.

– Значит, бабки лежали еще где-то. Вы взяли шесть тысяч, а кто-то зажухал четырнадцать. Скорее всего, сам заведующий вместе с бухгалтером. Ай да педагоги!

– Суки! – подытожил Мишка.

Димка сочувственно вздохнул.

– Это вам урок, мальчуганы. Хотя что я говорю. Не увлекались бы вы этим делом. Посодют ведь. – Помолчал и добавил: – Между прочим, мы играем на выпускном вечере в вашей школе.

– Мы придем, – сказал Мишка.

– Ну вы даете! – удивился Димка. – И охота вам позориться?

– Охота.

– Вы играете «Школьный вальс»? – спросил Андрей.

– Мы что хочешь сыграем, – сказал Димка. – Но этот вальс нам запретили. Вызывает грустные ассоциации.

Выпускники и родители потоком входили в школу. Все нарядные, возбужденные. У входа дежурили члены комсомольской дружины во главе с Толяном. Директор велел им не пускать чужих. Боялся, что придет хулиганье и устроит

драку. Толян загородил собой двери.

– Извини, Андрюха, не пущу. Неужели не понимаешь? Мне могут аттестат не выдать!

– Все тебе выдадут, – успокоил Андрей.

Толян покачал головой:

– Не могу.

Андрей усмехнулся:

– Силой непустишь?

– Если запрете на рожон, то да.

– Молодец, – похвалил Андрей. – Ты такой здоровый! Ты, наверно, спортом занимаешься?

– Кончай кривляться, Андрюха, мешаешь.

Кто-то доложил директору. Тот появился собственной персоной. Его лысая дыня лоснилась, вялые глаза светились интересом.

– Ты пьян, Корнев?

– Могу дыхнуть, – предложил Андрей.

– Зачем пришли? Хотите испортить праздник?

– Другого выпускного у нас не будет.

– Ну почему же? Закончите десятый класс в вечерней школе, там и отпразднуете.

Андрей душевным тоном спросил:

– Василий Карпович, кому мы сделали плохо? Мы сделали плохо только себе.

Директор ослабил пальцем галстук и неожиданно проявил великодушие:

– Ладно, проходите. Но сначала ко мне в кабинет.

Директорский кабинет они называли гестапо. Карпыч редко драл за уши, еще реже раздавал подзатыльники. В основном издевался морально. Но сегодня он излучал благо-родство. Предложил бывшим ученикам сесть на диван, огля-дел их нулевой прикид и спросил:

– Уже работаете?

– Еще как! – сказал Андрей, перемигиваясь с Мишкой.

– Где?

– На стройке разнорабочими, – соврал Мишка.

– Хорошо платят?

– Не жалуемся, – сказал Мишка.

– Деньги отдаете родителям?

– А как же?! – Мишка дурашливо закатил глаза.

– Понятно, – протянул Карпыч. – Но выглядите как ми-нистры.

Он вынул из книжного шкафа рулон ватмана, развернул. Это была злополучная стенная газета.

– Вот решил оставить на память. Из тебя мог бы выйти неплохой художник, Корнев. Только не понимаю, зачем ты так меня нарисовал.

– Я тоже буду помнить вас всю жизнь, – сказал Андрей. – И мне тоже непонятно, зачем вы с нами сделали такое.

– Ты же только что сказал, что вы сами сделали себе пло-хо, – напомнил директор.

Вошла Гипотенуза, чертова лицемерка. Зимой, перед при-

ходом на урок комиссии, она на полном серьезе сказала классу: «Кто знает ответ, поднимайте правую руку, а кто не знает – левую».

– Василий Карпович, вас ждут, – прогундела Гипотенуза.

Актальный зал был полон. На сцене уселись учителя с цветами на коленях. Директора встретили аплодисментами. Андрей и Мишка тихонько сели в заднем ряду. Первой их увидела Зойка. У нее чуть глаза не выпали. Она зашептала с другими девчонками. Через несколько минут на Андрея и Мишку стало оборачиваться ползала.

Карпыч вручал аттестаты. Выпускники благодарили родную школу и любимых учителей. Директор старательно улыбался. Гипотенуза сидела, как всегда, с постной репой. У нее были плохие зубы.

Потом все пошли в соседний спортзал, где уже располагался оркестр и были накрыты столы. Андрей подошел к Димке и еще раз попросил сыграть «Школьный вальс». Димка отрицательно покачал головой. Карпыч был тут как тут. Он не спускал глаз с пацанов.

– Один «Школьный вальс», и мы уходим, – попросил Андрей.

Директор подумал и кивнул Димке.

– Ладно, сыграйте.

При первых тактах вальса все слегка оторопели. Что значат ассоциации! Но через минуту уже кружились несколько пар.

Андрей подошел к Зойке. Эта чучундия танцевала лучше всех, только ее редко приглашали. Зойка не ожидала. Стала багровой, как свекла. Мишка пригласил другую девочку. Спасибо Петру Палычу, он оказался хорошим учителем. Но и они были хорошими учениками. Они танцевали, как кавалергарды. Андрей сцепил зубы. Еще не хватало, чтобы кто-то увидел его слезы. Он глянул на Мишку. У того тоже на щеках ходили желваки.

– Хватит! – останавливаясь, крикнул Мишка.

Андрей тоже остановился. Действительно, хватит.

Они вышли из актового зала и направились к выходу. Их догнала Зойка:

– Ребята, простите.

Андрей бросил на ходу:

– Зато мы свободны, как трусы без резинки.

Ребята решили гулять всю ночь. У них был спрятанный в подвале бутылец портвейна. Сели на скамейку и стали потягивать красноту прямо из горла.

Потом пошли к Петру Палычу. Майор обрадовался их приходу. Он был пьян в лоскуты. Рубашка свисала поверх брюк. Пепел сигареты падал на брюки. Давно не стриженные брови свисали на глаза.

Расставили фигуры, пустили часы. Андрей был в ударе, высаживал попеременно то Мишку, то Петра Палыча. В пылу игры не заметил, что майор приглядывается к ним, разодетым в пух и прах, и что-то прикидывает в уме.

Они сражались до полуночи. Петр Палыч не раз уходил в свою комнату, усиливался. Но это не помогало. Андрей играл не лучше обычного, просто не зевал фигуры.

– Чем тебе хуже, тем ты сосредоточенней, да? – спросил майор.

Андрей покачал головой.

– Нет, я всегда рассеянный.

– Что это вы сегодня такие расфуфыренные?

– На выпускной ходили. «Школьный вальс» станцевали.

Спасибо вам, научили.

– Знаете, а мне обидно за вас, – вздохнул майор.

– Сами виноваты. Шалопаи.

– В самом деле, так считаешь?

– В самом деле, – подтвердил Андрей.

– Симпатичный шалопай – самый распространенный русский тип, – согласился Петр Палыч, едва ворочая языком.

Его клонило ко сну. Ребята попрощались и ушли. Они взяли в подвале еще один бутылец портвейна и снова сели на лавочку возле дома.

– Мишаня, ты мне так и не ответил: чем думаешь заниматься? – спросил Андрей.

– В смысле профессии? Буду воровать.

– Ты серьезно?

– У меня большая мать. На ее пенсию мы не проживем.

Они зашли за Генкой и втроем двинули на набережную Иртыша. Туда после полуночи стекались выпускники всех

школ. Было много шпаны со всех районов города. Но много и милиционеров. Гульбарий проходил на редкость спокойно. Играла музыка, кружились пары.

– Жаль, слободских ни одного, – сказал Генка. – Не на ком испытать.

С этими словами он вытащил из заднего кармана брюк маленький пистолет. Ночь была светлая. Пушечка выглядела как настоящая. Ребята с восторгом вертели ее в руках.

– Подожди, а где обойма? – спросил Мишка.

– Извини, – обиженно ответил Генка. – Но ствол с обоймой я еще не научился делать.

– Так он однозарядный? – разочарованно произнес Андрей.

– Да ну вас! – совсем обиделся Генка.

– А какими патронами стреляет? – спросил Мишка.

– Мелкокалиберными.

– А он стреляет? Ты испытывал? – с сомнением спросил Андрей.

Генка разозлился.

– Где бы я испытывал? На заводе, что ли? Я думал, вместе испытаем.

Мишка прыснул.

– На слободских?

Андрей приобнял Генку.

– Геныч, ты молоток. Теперь нам ничего не страшно. Хотя, только не обижайся, уж больно она маленькая. Не пушка,

а пукалка.

– И такая пригодится, – проворчал Генка.

Они шатались по набережной. Андрей встретил Руслана и ребят, с которыми учился, когда приехал в этот город.

– Мне повезло, – похвастал Руслан. – Братан похлопотал – в городе открывают филиал юрфака. Не надо куда-то ехать, жить в общежитии, ходить на каждую лекцию. У брата все схвачено.

Они выпили из горла по глотку портвейна и распрощались.

Встретились одноклассники. Толян начал извиняться и угнетать своей радостью. Ему, как и Руслану, повезло с филиалом юрфака. Зойка снова стала изливаться, как ей жалко их, Андрея и Мишку.

Андрей сплюнул.

– Шли бы вы в пустыню пылесосить.

– Пошли по домам, – предложил Мишка.

– Пошли, – согласился Андрей. Его тоже задолбал чужой праздник.

В городе освещалось только несколько центральных улиц. Ребята шли как раз по той, где не было фонарей, почти в полной темноте.

– Дай-ка на всякий случай твою пукалку, – попросил Андрей.

Генка вложил ему в руку ствол. Андрей ощутил приятную тяжесть металла и потрясающую уверенность в себе. Теперь

им никто не был страшен.

Вообще-то людей больше раздевали в холодное время года, когда было что снимать. Хотя гоп-стоп случался и летом. Отбирали часы, украшения, деньги.

Но, похоже, штопорилы сегодня не работали. Друзья благополучно пересекли центр. Здесь, перед пустырем, прозванным Безлюдкой, их и ждала засада.

Штопорил было трое. Они отделились от мазанки и встали лицом к ребятам в двух шагах от них, спиной к фонарям. Рассмотреть их лица было невозможно. Но длинные тесаки в руках грабителей блестели отчетливо. Генка и Мишка прижались с двух сторон к Андрею. Они впервые попадали в такой переплет.

– Выгребайте, что там у вас в карманах, котлы снимайте, – сказал голос из темноты.

Андрей попытался договориться миром.

– Пацаны, вы из какого района?

В ответ послышался издевательский смех.

– Делай, гондон штопаный, что говорят!

– Всё пусть снимают, – сказал другой голос.

– Трусые тоже? – спросил Андрей.

Внезапно что-то кольнуло его в спину. Он обернулся. Сзади стоял четвертый, одного роста с ним. И, судя по занятой позиции, самый опасный. Андрей узнал его. Это был ближайший подручный Крюка по кличке Фурик.

Андрей предупредил:

– Крюк будет недоволен.

– Сдвинь зубы и скидай тряпки, – процедил Фурик.

– Может, и трусы снять? – снова спросил Андрей.

Фурик заржал.

– Можешь и трусы.

Что ж, он сам вынуждал идти на крайность. Сделав вид, что снимает рубашку, Андрей направил ствол назад и нажал на курок. В полной тишине ночи выстрел прозвучал оглушительно. Андрей обернулся. Фурик лежал на земле.

Подобрав тесак, которым его чуть не пропороли, Андрей рванул вслед за друзьями. Генка и Мишка бежали впереди поросычьего визга.

В Новостройке, когда отдышались, Андрей сказал:

– Геныч, если бы не ты, мы бы точно пришли сюда в одних трусах.

– И без часов, – сказал Мишка.

– И без бабок, – добавил Генка.

– Плохо только, что они нас запомнили, – вздохнул Мишка.

– Плохо, если я попал этому уроду в живот, – уточнил Андрей.

– Это Фурик, – сказал Генка.

– Ты узнал его? – спросил Андрей.

– Конечно.

– Неужели он не узнал нас?

Генка пожал плечами.

– Он узнал. И все же пытался раздеть. О чем это говорит? – спросил Андрей.

– Это говорит о том, что мы сами виноваты. Вырядились, как манекены в магазине. Сами нарвались, – сказал Мишка.

– Это они нарвались, – поправил Андрей.

Он взял у Генки патроны, спустился в подвал и спрятал там пушку.

На другой день после обеда ребята пришли на пляж. Там было полно выпускников. Толян сидел под грибком с какими-то парнями. Среди них Андрей увидел Руслана. Тот обиженно спросил:

– Почему не пришел со своей бедой? Старший брат бы уладил.

– Андрюха сам виноват, – проворчал Толян.

Руслан вспыхнул:

– Зачем так говоришь? Значит, ты и мне когда-нибудь так скажешь? Помогать надо друг другу, даже если кто-то не совсем прав. Одноклассники, сокурсники должны быть как братья. Если бы мы учились с Андреем в одной школе, я бы пришел к директору и сказал: если не даете аттестат моему другу, тогда и мне не надо.

Толян молчал.

Рыжий Гасан принес к грибку две корзины. В них было вино, закуски, фрукты.

– Адам прислал.

– Когда сам будет? – спросил Руслан.

– Адам просил, чтобы кушали, не ждали его, – сказал Гасан.

Генка и Мишка расположились неподалеку. Андрей не мог пригласить их к чужому столу. Он сам чувствовал себя не в своей тарелке. Все-таки скоро придет Адам. Еще неизвестно, как он посмотрит на него после того, как он ушел из кабака с его Анжелой.

А под соседним грибком шли странные приготовления. Крюк сидел с полотенцем на шее, а Алихан стоял, держа в руке опасную бритву.

Руслан о чем-то спросил Алихана по-чеченски. Услышав ответ, громко расхохотался и пояснил Андрею:

– Они поссорились. И теперь мирятся по нашей чеченской традиции. Обреют друг другу головы и станут после этого кровными братьями.

Толян покачал головой.

– Я бы свою голову не подставил.

Руслан снова громко расхохотался. Он, как всегда, излучал бодрость.

– Почему не кушаешь? Почему не пьешь? – спрашивал он Андрея. – Нельзя так. Обижаешь.

Руслан был ровесник Андрею, но выглядел рядом с ним мужиком.

Алихан брил голову Крюку, а остальные напряженно наблюдали. Зрелище было завораживающее. Андрей подошел поближе. Лицо Крюка было спокойным, только по вискам

стекали капельки пота. Объяснить это жарой было трудно. Ни у кого по лицу не тек пот. Крюк, это факт, боялся чеченца.

Но заметно нервничал и Алихан. Его рука дрогнула, он сделал нечаянный порез. Крюк поморщился, по его голове потекла струйка крови.

– У тебя тут старый шрам, – хрипло проговорил Алихан.

– У него вся башня в шрамах, – сказал кто-то из центральных.

Все рассмеялись, но напряжение не спало.

Алихан передал бритву Крюку, и они поменялись местами. Чеченец изображал олимпийское спокойствие, отпускал шуточки.

– Смотри, скальп с меня не сними.

Зрители загоготали. Алихан дергался от хохота. Крюк нечаянно порезал его. Алихан перестал смеяться и тяжело задышал. Кажется, он едва сдерживал себя, чтобы не схватиться за нож. Это был тяжелый момент.

Наконец Крюк закончил бритье.

– Теперь обнимитесь, – сказал Гасан.

Крюк и Алихан посмотрели друг на друга глазами, в которых стояла ненависть, и обнялись.

– Теперь вы кровные братья, – объявил Гасан.

Руслан шепнул Андрею на ухо:

– Запомни, у нас не верят ни в честное слово, ни в клятвы.

– А во что верят?

– Трудно сказать.

И тут же Руслан кому-то заулыбался. Андрей проследил за его взглядом. К ним шел Адам, и с ним была Катя.

Андрей не знал куда девать глаза. Он не мог поздороваться с Катей так, будто ничего не произошло. Девушка тоже держалась скованно. Свободно чувствовал себя только Адам. Он заговорил с Русланом по-чеченски. Андрей повернулся и пошел к кентам. Его место было там.

Он лег на песок, надел солнцезащитные очки и стал украдкой разглядывать Катю. На ней было красивое платье и новые босоножки. «Адам ее приодел, значит, она спит с ним. Не такие они люди, эти чеченцы, чтобы дарить подарки и гулять по городу, держась за руки», – подумал Андрей. Это было не его мнение. Так думали многие жители города.

Адам уговорил Катю раздеться. У нее были европейские бедра: не округлые, а срезанные по бокам. Она выглядела иностранкой.

Андрей лег на живот и уткнулся носом в песок. У него ныло сердце. Он не мог смириться, что такая девушка досталась не ему. «Этого бы не произошло, если бы у меня было много денег. Нужно разбогатеть, тогда будет шанс отбить Катю», – думал он.

– Ты чего ушел?

Это был Руслан. Андрей пробормотал что-то невнятное.

– Таких любят всю жизнь, – сказал Руслан, не сводя глаз с Кати.

– Думаешь, Адам любит ее? – спросил Андрей.

– Какое это имеет значение? Даже если любит, все равно никогда на ней не женится. Тейп не разрешит, – пояснил Руслан. – А ты что, запал на нее? Зря. Такие для нас староваты. Вот какие – для нас!

Метрах в пяти расположились две хорошенькие матрешки, по виду восьмиклассницы. К ним подсели центровые, начали кадрить. Матрешки вместо того, чтобы вообще уйти с пляжа, побежали к реке. Центровые окружили их в воде и начали тискать. Одна матрешка выскочила из воды, а другая решила уплыть подальше. Плавала она хорошо, только не знала особенностей реки. Ближе к середине было много водоворотов.

Андрей почувствовал неладное. Голова девчонки скрылась под водой, потом появилась вновь. Потом снова скрылась. Андрей посмотрел на спасательную вышку. Стоявший на ней парень смотрел в другую сторону. Медлить было нельзя. Андрей бросился в воду и поплыл.

Он подоспел вовремя. Девчонка уже выбилась из сил. Кажется, водоворот был ни при чем, просто ей свело ногу. Она совсем не могла плыть. Андрей ухватил ее за талию, лег на спину и начал потихоньку подгрести к берегу. Но и спасатели уже мчались к ним на моторке.

Девчонкой занялась медичка, а Андрей вернулся к друзьям.

– Ну как она? Бублики потрогал? – спросил Генка.

Андрей молча показал большой палец.

– Как зовут?

Андрей пожал плечами.

– Тюфяк, – процедил Генка.

Мишка тоже начал подкалывать.

– Фамилию спасателям назвал? Тебе ж медаль полагается.

– Вы заткнетесь?! – взвился Андрей.

Подошел Крюк с соломенной шляпой на обритой голове.

Опустился на песок, проворчал:

– Корень, ты пацана моего чуть не завалил.

Андрей приподнялся на локте.

– Твой пацан требовал раздеться до трусов.

– Он тебя не узнал.

– Теперь будет знать. Как он?

– Лежит в больничке, мудрила.

– Я зайду к нему. Если не обидчивый, мы тоже обреем друг друга, – сказал Андрей.

Крюк выпотрошил сигарету, заложил табак за губу и сказал:

– Ну что, ежики, можно за час срубить сто денег. Слабо?

– Что нужно делать? – спросил Мишка.

– Рискнуть, что ж еще!

– Я готов, – сказал Мишка.

Крюк смерил его с головы до ног и перевел взгляд на Андрея и Генку.

– А вы?

– Мы тоже, – сказал Андрей.

Крюк поднялся и отряхнул с себя песок:

– Тогда зашнуруйте и топайте за мной.

Этот был обычный продмаг с одним продавцом. До обеденного перерыва оставалось чуть больше полчаса.

Мишка взял у Крюка соломенную шляпу, надвинул ее на глаза и сходил в магазин. Потом высказал свои соображения.

– Подсобка у самого входа. Там гора пустых коробок. Есть где спрятаться. Теперь – как отвлечь продавца. Я думаю, надо устроить драку. Только настоящую. Иначе номер не пройдет.

Андрей и Генка переглянулись. Ответ на вопрос, кому с кем махать, был очевиден: конечно, им.

– Андрюха, ты знаешь, у меня слабый пятак, – сказал Генка. – Кровь потечет сразу же ...

– В случае чего я свистну. Но учтите, ежики, меня с вами не было. У меня и так контора на хвосте, – предупредил Крюк.

Генка полез без очереди. Андрей дал ему слегонца по шее. Генка врезал Андрею. Андрей не рассчитал и разбил Генке нос, кровь потекла ручьем. Зато потасовка получилась очень естественной. Генка схватил самую большую коробку и, обороняясь ею от Андрея, как щитом, ограничил продавщице обзор. Мишка юркнул за гору коробок. Изрыгая угрозы, Генка выскочил из магазина.

Покупая сигареты, Андрей следил за выражением лица

продавщицы. Кажется, ничего не заметила.

Андрей вышел из магазина. Крюка не было видно. Генка стоял в тени деревьев на противоположной стороне улицы. Стали обсуждать худший вариант. А если продавщица только сделала вид, что не заметила Мишку? Вдруг закроет свою лавочку и вызовет милицию? Что тогда делать?

Из магазина вышел последний покупатель. Следом показала продавщица. Повесила на дверь замок и куда-то пошла. Андрей и Генка вдруг подумали: не подстава ли это со стороны Крюка? С чего бы вдруг втянул в это дело их, а не провернул со своими пацанами?

Но за пять минут до открытия магазина Крюк нарисовался. В это время уже образовалась большая очередь. Стало ясно, что покупатели заполнят весь магазин, и выбраться из-за коробок незамеченным Мишке не удастся. Ребята издержались. Был спокоен только Крюк.

Наконец, появилась продавщица. Открыла магазин. Покупатели хлынули внутрь. Андрей и Генка пристроились сзади. Отвлекли впереди стоявших женщин. Мишка выбрался из-за коробок и выскользнул за дверь.

Они сели на скамейке в сквере, пересчитали деньги.

– Мне – вот эта часть, остальное делите, как хотите, – сказал Крюк, забирая две трети денег.

Спорить было бессмысленно. Но Андрей все же сказал:

– Мы так не договаривались.

Крюк заржал.

– А мы никак не договаривались. – И ледяным голосом добавил: – Бурей, но в меру, Корень. Эти бабки, считай, вам с неба упали.

– Крюк, мы не в претензии, – сказал Мишка.

Крюк повернулся к нему, смерил взглядом, словно впервые увидел.

– Ты изья? Евреец?

Мишка помрачнел.

– Ну и что?

– Ничего. Смотри не расколись, если заметут!

– Я?! – с возмущением вытаращился Мишка.

Крюк встал со скамейки и, прежде чем уйти, бросил через плечо:

– Ладно, ежики, крутите педали, пока не дали.

Ребята поплелись в Новостройку. По пути купили мороженого. Потом газировку. Но все равно мучила жажда. Солнце жарило нещадно. Все нипочем было только казахским аксакалам, сидевшим возле своих мазанок в стеганых халатах и меховых шапках – малахаях.

Пекла и обида. Друзья не ожидали такого к себе отношения. Андрей крыл Крюка на чем свет стоит:

– С ума упасть, что он о себе возомнил! За кого он нас держит? Кто мы для него? Друзья – не друзья, враги – не враги. Гондоны, что ли?

– Стыдуха, как низко мы пали, – сокрушался Мишка.

У Генки было другое мнение.

– А что вы предлагаете? Расплеваться? Он с ходу пере-
кроет нам кислород. Как мне тогда на работу ходить? Меня
ж встречать будут.

Про себя Андрей соглашался с другом. В самом деле, их
свобода передвижения по центру зависела от того, как к ним
относится Крюк.

Пришли в Новостройку, сели на скамейке возле дома. Ан-
дрей был молчалив.

– О чем дум-дум? – спросил Генка.

– Я почти уверен, мы попали на гоп-стоп не случайно. Нас
пасли, – сказал Андрей.

– Кто других подозревает в ненадежности, тот сам нена-
дежен, – многозначительно произнес Мишка.

Он явно имел в виду Крюка.

На другой день они встретились на чердаке. Там было
душно, пахло пометом голубей и кошками. Вылезли на кры-
шу. Соседний дом был готов. Расконвоированные зэки гру-
зили в машины строительный мусор, сматывали колючую
провода.

– Говорят, зэков больше не будут возить в город, – сказал
Мишка.

– Кто ж будет дома строить? – спросил Генка.

– Вольняшки.

Жизнь менялась.

– Говорят, на первом этаже нового дома будут магазины.
Продовольственный, промтоварный и ювелирный, – сказал

Мишка.

Похоже, он на что-то намекал. Генка отреагировал пер-вым.

– Разгубастился. Знаешь правило: не блуди там, где жи-вешь?

– Если станем работать в своем районе, не надо будет ни с кем делиться, – парировал Мишка.

Слово «работать» в таком непривычном смысле понравив-лось Генке и Андрею.

– Мы должны быть как братья, – мечтательно сказал Миш-ка.

– Это у нас с тобой нет братьев, а у Андрюхи целых два, – заметил Генка.

– Брат не всегда друг. А настоящий друг всегда брат, – сказал Мишка.

Им захотелось есть. Мишка сбегал в магазин, принес пи-рожков с ливером.

После жратвы настроение поднялось. Генка закурил, рас-тянулся на крыше и спросил:

– Мишаня, как считаешь, Андрюха хороший товарищ?

Мишка не уловил шутливого тона и ответил всерьез:

– У меня такого кента еще не было.

– Друзья должны всем делиться и во всем помогать друг другу, так? – продолжал Генка.

– Угу, – осторожно согласился Мишка.

– Я что хочу сказать, – не унимался Генка. – Андрюха за-

вел себе Любашу. А мы с тобой до сих пор в девочках ходим. Разве это дружба?

Теперь Мишка все понял и отозвался в том же тоне:

– Конечно, это не по-товарищески.

– Могу свести с Жанкой. Но за последствия не отвечаю.

Насморк можно подхватить, – предупредил Андрей.

– Насморка нам не надо, – сказал Генка.

Мишка, как всегда, нашел выход из положения:

– Геныч, не бери в голову. Купим презервативы.

– Ладно, попробую договориться, – пообещал Андрей.

Вечером, когда стемнело, Андрей пришел в больницу, заглянул в окна. Катя ходила по палатам, делала инъекции. Потом вернулась в ординаторскую и открыла книгу. Услышав стук по стеклу, подошла к открытому окну.

– Мне надо повидать солдата, – сказал Андрей.

– Вы что, знакомы?

– Да, – соврал Андрей.

Катя впустила его в реанимационную. Андрей остановился в дверях. Солдат с усилием приподнял веки. В его глазах стояли боль и усталость.

«Я идиот, – выругал себя Андрей. – Зачем я сюда пришел? Что я хотел сказать? Ведь что-то же хотел».

Он взглянул на другого больного, лежавшего с закрытыми глазами, и вздрогнул. Это был Фурик.

Андрей повернулся и вышел из реанимационной. Катя догнала его. Они сели во дворе на скамейке.

– Их допрашивали? – спросил Андрей.

– С солдатом говорили минуты две.

– А с тем, другим?

– Нет. Он – тяжелый.

– Что ты нашла в этом Адаме?

– Он сильный, красивый.

– Богатый.

– Не в этом дело, – сказала Катя. – Понимаешь, я не русская. Поэтому, наверное, не люблю мужиков. Меня от них просто воротит. А он не мужик. Хотя, может быть, страшнее мужика.

– А где твой отец?

– Умер. Он очень переживал, что нас выслали. По-моему, эта обида убила его. Он очень хотел, чтобы я стала врачом. Я скоро уеду в Семипалатинск поступать в медицинский.

– Если поступишь, я приеду к тебе, – сказал Андрей.

Катя ничего не ответила. После долгого молчания Андрей спросил:

– Если у меня будет много денег, уйдешь от Адама?

Катя покачала головой.

– Нет.

– Почему?

– Потому что он уважает меня больше, чем ты.

– Шмотки покупает, да?

Катя молчала.

– Ты просто боишься этого чеха!

– Его все боятся.

– Хочешь, я тоже стану страшным?

– Не надо. Ты и так сильно изменился.

– Может, мне убить его? – спросил Андрей.

Катя посмотрела на него со слабой улыбкой.

– Разве ты способен?

– Я уже убил его девяносто раз, – сказал Андрей. – Еще десять – и убью по-настоящему.

– Не понимаю, зачем я тебе, – удивилась Катя. – Что ты во мне нашел? Я так понимаю, тебе нравится мое тело. Тогда чем ты отличаешься от Адама?

– Ты добрая.

– У тебя тоже хорошая душа. Только у тебя что-то с глазами. У тебя стали другие глаза.

– Неужели ничего нельзя изменить? – спросил Андрей.

Катя встала.

– Ладно, иди.

Андрей обнял ее. Она не сопротивлялась. Она только прерывисто и глубоко вдохнула. От нее веяло какими-то цветами, и губы ее были горячие, податливые. Она обхватила его за шею. Он почувствовал трепет ее тонкого упругого тела. «Неужели она меня все-таки любит?» – подумал он.

Андрей вернулся домой под утро. Поднялся по лестнице, влез в форточку. Дверь в комнату родителей была приоткрыта, виднелась полоска света.

– Замолчи! – слышался голос отца.

– Это ты молчи и слушай, – говорила мать.

– Заткнись, я сказал! – прикрикнул отец.

– Не заткнись! – упрямо отвечала мать. – Имей мужество хоть раз выслушать правду.

– Нужна мне твоя правда!

– Помнишь, ты все повторял: один сын – не сын, два сына – полсына, а вот три сына – это сын?

– Ну и что?

– А то, что он так и остался для тебя не сыном. А отчасти и для меня тоже. Сюсюкали с этими двумя, а с него только требовали. Требовали, чего не вложили. Обвиняли, в чем сами были виноваты.

– В чем это я перед ним виноват? – хрипло спросил отец.

– Во всем! Никакой вины за собой не чувствуешь!

– Конкретно скажи, в чем я виноват?

– Ты что, забыл, почему завербовался в МВД? – говорила мать. – Почему мы колесили по всему Союзу, с одной стройки на другую? Я каждый месяц рассылала алименты, а все равно не хватало. Андрей с седьмого класса каждое лето зарабатывал. Сейчас как вспомню, мурашки по телу: что мы с ним делали? Я сама уже устала каждый год устраивать его в новую школу. А каково было ему? И сейчас... Мы должны были вместе пойти к директору, в горно, в исполком, в горком партии, к черту лысому и все объяснить, убедить, что все его пропуски уроков, все его двойки – ничто по сравнению с тем, что с ним может произойти. Считай, мы дважды

его бросили.

– Чего ты несешь? Что значит – бросили? Заткнись! – повысил голос отец.

– Вот видишь, как можно с тобой разговаривать? Ты простых вещей не хочешь понимать. Зачем я только с тобой сошлась? Зачем я еще двоих родила, дура такая? Всю жизнь живу твоим умом, а у тебя, оказывается, ни ума, ни души. Учти, если с ним что-нибудь случится, ты будешь виноват.

– Ты сама заткнешься или тебя заткнуть? – заорал отец. Кажется, он готов был пустить в ход кулаки.

– Теперь молчу, – ответила мать. – Я все сказала.

Утром она была молчалива, часто вздыхала. Андрей смотрел на нее другими глазами. Был благодарен ей, что она его защищала.

Когда сели завтракать, решил поделиться своими планами:

– Мама, а что, если я женюсь?

Анна Сергеевна ответила, не поднимая глаз:

– Ну у тебя и шуточки. До армии женятся только те, у кого ума нет. Кто она?

– Медсестра.

– Ясно, недоучка. А кто родители?

– Она живет одна.

– Сирота, что ли?

– Не знаю. Мне как-то все равно.

– Плохо, что тебе все равно. А сколько ей лет?

– Не знаю.

– Сколько же вы знакомы, если ничего о ней не знаешь?

– Почти три месяца.

– А она знает, что ты еще несовершеннолетний?

– Но мне через месяц будет восемнадцать.

– А она знает, что ты хочешь на ней жениться?

– Нет.

Мать перестала есть.

– Андрей, что у тебя с головой? Откуда у тебя в твоём возрасте такие мысли? Знаешь поговорку: жениться – не напасть, как бы женившись не пропасть?

– Я пропаду, если не женюсь. А ты не хочешь узнать, как ее зовут?

– Какая разница. Главное, что она такая же несерьезная.

Теперь перестал есть Андрей. Он сказал, поднимаясь из-за стола:

– Ты угадала, мама, это была шутка. Дурацкая шутка.

– Ты, я смотрю, вообще работать не собираешься? – спросила мать.

Андрей протянул деньги. Мать взяла.

– Это откуда?

– Вагоны разгружали.

– Что-то многовато тебе платят. Тут две месячные зарплаты.

Андрей рассмеялся.

– Если много, не бери все.

– А откуда у тебя новая одежда?

– Все оттуда же, мама. Погрузочно-разгрузочные работы.

Андрею даже понравилось, как складно он врет. Но мать

продолжала допрос:

– Что разгружаете?

– Цемент, мама.

– А где твоя рабочая одежда? Давай я постираю.

– Мама, теперь стирать будут другие.

– Медсестра, что ли?

– Мама, ее зовут Катя.

Анна Сергеевна проницательно посмотрела в глаза сыну.

– Врешь ты все. И обманешь в результате не меня, а себя.

После разговора Андрей не знал куда себя девать. Он позвонил Мишке. Тот сказал, что занят. Звонить Генке не было смысла, он работал в первую смену. Андрей прифрантился и вышел из дома.

Забор вокруг соседнего здания был уже снесен. Расконвоированные ээки благоустраивали окружающую территорию и автобусную остановку. Уже стоял новый ларек с вывеской «Квас». Андрей подошел поближе. Лицо ларечницы показалось ему знакомым. Он пригляделся. Это была Жанка. Он бы сразу узнал, если бы не белый фартук и белая косынка.

– Привет! А я как раз хотел с тобой поговорить.

– Говори.

На мизинце у Жанки был вытатуирован маленький крестик.

– Что это означает? – спросил Андрей.

– То, что я неисправимая. Тебе сколько квасу? стакан, пол-литра?

– стакан.

Жанка налила и отвернулась. Андрей пил и думал, на какой козе к ней подъехать. Сказал напрямик:

– С тобой ребята хотят познакомиться.

– Кенты твои малахольные, что ли?

– Они.

– Я устала так давать, – сказала Жанка. – Все меня снимают без любви в глазах. Слышь меня, а как там твоя чеченская подстилка?

– Я вижу, ты сегодня не в настроении, – процедил Андрей.

– Я в настроении, когда в дугу пьяная.

– Напиться – не проблема. Это недолго устроить. Скажи только, когда и где.

– А не боитесь, что вам за меня клизму вставят? Я хоть и общая, но не ваша.

– Лишние приключения нам ни к чему, – согласился Андрей.

Он пошел своей дорогой.

Жанка крикнула вслед:

– Эй, Корень, солнце мое! А с тобой я всегда готова. Если не побоишься.

Андрей пошел к Петру Палычу. Вот с кем можно скоротать время! Майор был трезв как стеклышко, чисто выбрит,

подтянут. Он то ли куда-то собирался, то ли кого-то ждал. Но от нескольких шахматных пятиминуток не отказался.

Выиграв партию, неожиданно сказал:

– Я был у твоих родителей. Сначала говорил с Анной Сергеевной. Потом пришел Юрий Николаевич.

Вот это новость! Но Андрей не подал виду, что удивлен.

– Разговор был откровенный, особенно с твоей матерью, – продолжал Петр Палыч. – Но больше я понял отца. Поверь на слово: все его тиранство – от слабости. Он просто не знает, как иначе держать тебя в руках. Ты ж по натуре нарушитель. А он – человек порядка. И потом, такое бывает с теми, кто натерпелся страху на войне. Плюс к тому у него наше обычное отношение к воспитанию: мол, ты у меня станешь человеком!

– А что вы сказали обо мне?

– Сказал, что в тебе сидит криминальный вирус.

– Он тут во всех сидит.

– Ну ты загнул!

– Ну во многих, – поправился Андрей.

– Давай не будем о других.

– Ну поговорили вы с родителями. И к чему пришли? – после короткой паузы спросил Андрей.

– Ни к чему. Я сказал все, что хотел, и ушел.

– А что сказали?

Петр Палыч остановил часы. Он не мог играть и говорить одновременно. Закурил очередную сигарету и сказал:

- Я думаю, это тебе не обязательно знать.
- То, что вы сказали родителям, им не понравилось?
- Обидно будет, если пропадешь, – сказал Петр Палыч.
- Вам-то чего ради обидно?
- Я примерно так же потерял сына.
- Как потерял?
- Он пропал.
- Как пропал?
- Его сманила одна тварь.

Андрей ничего не понял. Но продолжать расспросы, лезть в чужую личную жизнь было неловко. Он сменил тему.

- Петр Палыч, а как вы относитесь к чеченам?

Майор прочел целую лекцию:

– Видишь ли, они живут родами. Если кому-то нужно помочь в беде, родственники скидываются. Для них не проблема дать взятку, чтобы решить какой-то вопрос. Они могут добиться закрытия уголовного дела. Или смягчения приговора. Или досрочного освобождения. Подкупают чаще всего русских. И не только судей, но и чиновников. Можно сказать, кавказцы уже начали нас разлагать. Мы осуждаем корыстолюбие чеченцев, а для них это нормальное качество. По их законам, обогащаться за счет других не зазорно, а, наоборот, почетно. Они живут рядом, говорят на русском не хуже нас, но нет более чуждой им нации, чем русские.

- То есть вы их не любите?

Петр Палыч отозвался со смешком:

– А уж как они нас не любят! И я их понимаю. Сами не живем и другим не даем. Всех строим и ведем. Куда – сами толком не знаем. Нас будут любить тогда, когда мы сами заживем по-человечески. Но когда это будет? Думаю, даже вы до этого не доживете. Значит, ваше поколение чеченцы будут ненавидеть больше, чем наше.

Сказав это, майор посмотрел по сторонам, как бы проверяя, не слышит ли кто его слова.

В дверь позвонили. Петр Палыч чуть ли не бегом кинулся открывать. На пороге стояла озорная травительница тараканов.

Андрея как ветром сдуло.

Он двинул к Димке. Кульбакин был не один. За пианино сидела вчерашняя матрешка с пляжа. Димка что-то объяснял ей с важным видом.

Увидев Андрея, матрешка даже бровью не повела. То ли не узнала, то ли сделала вид, что видит впервые. Играла она лихо.

– Это Аля, – сказал Димка. – А это Андрей, – представил он друга матрешке.

– Алевтина, что ли? – небрежно спросил Андрей.

– Александра, – уточнил Димка. – Недавно приехала, будет жить у нас в Новостройке, в новом доме.

– В какой класс перешла? – поинтересовался Андрей.

– В восьмой, – ответила Аля.

– Лихо бацаешь.

– Не бацаю, а играю. Вы тут говорите на каком-то странном языке.

– погоди, тоже освоишь, – со смешком пообещал Андрей. Аля обратилась к Димке:

– Дмитрий Сергеич, ну я пойду?

– Завтра в десять утра, чтоб как штык! – Димка был непривычно строг.

– Слушаюсь, учитель, – сказала Аля. – Приятно было поговорить.

Андрей скорчил рожу: вот это культура!

Димка попросил:

– Проводи ребенка до остановки.

Андрей вытянулся.

– Слушаюсь, учитель.

Они подошли к остановке, там стояла толпа – автобусы ходили редко. Из киоска высунулась Жанка. Она что-то жевала и криво улыбалась.

– Я лучше пойду пешком. В автобусе дышать нечем, – сказала Аля.

– Пошли, – согласился Андрей.

Его заедало: неужели матрешка не узнает его?

Новостройка с ее асфальтированными тротуарами быстро кончилась. Дальше был глубокий песок. Сняли обувь и пошли босиком. Раскаленный песок обжигал ступни, но Аля терпела.

– Не жалеешь, что сюда приехала? – спросил Андрей.

– Здесь много солнца, – сказала Аля. – Но еще больше этого противного горячего песка.

Она стала надевать босоножки. Андрей поддержал ее под локоть.

– Если хочешь, пойдем на пляж.

– Нет, с меня хватит. – Аля посмотрела в глаза Андрею. – Это ничего, что я спасибо не говорю?

– Конечно, зачем? Давай тогда в тир.

– Давай.

Они зашли в тир. Андрей выбрал знакомое, хорошо при- стрелянное пневматическое ружье и посшибал пулями все десять мишеней. Потом начал учить Алю. Они касались друг друга, и им это нравилось. Аля оказалась способной ученицей. После тренировки она сбила восемь из десяти мишеней. Оба были в восторге. Андрей поймал себя на мысли, что ему не хочется расставаться с этой матрешкой.

– Давай ты будешь моей сестрой.

– Давай, – радостно отозвалась Аля. – А это как?

– Я буду о тебе заботиться. Если что, ты мне скажешь.

– А что может произойти?

– Ну, мало ли... Город у нас дикий.

Андрей проводил Алю до старого приземистого дома. В таком жили и Корневы, пока не получили квартиру.

– Пока, сестренка! – сказал Андрей, протягивая руку.

– Пока, братик! – сказала Аля, отвечая на рукопожатие.

С единственного в центре телефона-автомата Андрей по-

звонил Мишке. Договорились через час встретиться в сквере на набережной. Надо было скоротать время. Андрей зашел в магазин «Спорттовары», купил коробочку малокалиберных патронов, которые, как ни удивительно, продавались свободно. Он понимал, что ранение ночного грабителя даром ему не пройдет. Надо было готовиться к самому худшему.

Выйдя из магазина, Андрей увидел белую «Волгу» Адама. Машина стояла возле кафе. Наверно, король центровых приехал отобедать. «Теперь я тоже могу себе позволить», – подумал Андрей.

Адам обедал не один. С ним была девушка в белой панаме. Она сидела спиной, и Андрей скорее почувствовал, чем разглядел, что это Катя. Андрей сел за свободный столик. Всмотривался и не хотел верить глазам. Неужели? Вчера была с ним, а сегодня снова с Адамом? Как так можно? Он еще не знал, что чаще всего в жизни именно так и бывает.

Адам перехватил взгляд Андрея, встал и решительно направился к нему. Андрей вынул из кармана коробочку с патронами и зажал ее в кулаке. Для драки даже такая тяжесть не помешает. Лицо у чеченца было неподвижно, голос тихий.

– А ну пошел отсюда!

Андрей смотрел мимо, в спину девушке. Теперь он не сомневался, что это Катя. У него внутри все оборвалось.

– Что ты мне сделаешь? – спросил он чеченца.

– Запомни, щенок, – прошипел Адам. – Мы берем, что

хотим, и делаем, что хотим.

– Разве я тебе мешаю? – спросил Андрей.

– Это ты правильно сказал. Ты мне не помешаешь, – отозвался король центровых.

– Тогда что ты так нервничаешь?

Чеченец занес руку.

– Ах ты, пес!

Андрей усилием воли заставил себя остаться неподвижным. Усмехнулся.

– Так кто я все-таки: щенок или пес? Думаешь, ударишь и это тебе даром пройдет? Нет, все только начнется!

Катя быстрым шагом подошла к ним.

– Адам, пожалуйста, не надо.

– Чего не надо? – сверкнул глазами чеченец. – Чего не надо?! – повторил он, срываясь на крик. – Ты определись, с кем тебе лучше: со мной или с этим щенком. Ну что молчишь? Говори!

Катя молчала.

Андрей поднялся, посмотрел ей в глаза и пошел к выходу. У него мелькнуло: может быть, Катя окликнет его? Может быть, бросится за ним? Он даже оглянулся. Катя стояла перед Адамом, опустив голову, как провинившаяся школьница.

Андрей зашел в сквер на набережной, где в апреле первый раз встречался с Крюком. Там было так же пусто, только кроны деревьев стали гуще. Сел на скамейку в укромном

месте. Надо было прийти в себя.

Коробочка в кулаке Андрея развалилась. Патроны выпали в траву. Он не стал их поднимать, расшвырял ногой. Он вовремя это сделал. Спустя минуту перед ним вырос капитан Досанов.

– Здравствуй, Корнев, – сказал он, садясь рядом.

Андрей ответил на приветствие кивком.

– Извини, Корнев, но мне надо осмотреть твои карманы, встань, – сказал капитан.

Андрей встал, вывернул карманы. Кроме носового платка, сигарет, спичек и денег у него ничего не было. Досанов был разочарован.

– Ты ж только что купил патроны. Где они?

– Вы меня с кем-то перепутали, – процедил Андрей.

– А если тебя опознает продавец?

– Продавец может и обознаться. Но даже если бы я купил патроны, разве это запрещено?

– К сожалению, нет. Не запрещено, – согласился капитан.

Он закурил сигарету, глубоко затянулся и выдохнул:

– А ты ловкий парнишка, Корнев. Но, по-моему, заигрываешься. Не чувствуешь, что на волоске зависишь?

Андрей пожал плечами.

Капитан пыхнул сигаретой.

– Понимаешь, Корнев, какая штука получается. В городе совершаются преступления. И участвуют в них трое. Один высокий, другой поменьше, третий совсем небольшого ро-

ста. Не догадываешься, кто это может быть?

Андрею стало не по себе, но он старался держать себя в руках.

– Ничего за собой не чувствуешь? – спросил Досанов.

– Нет, – сказал Андрей.

– Тогда пошли. – Капитан поднялся и крепко ухватил Андрея за рукав.

– Куда?

– Как куда? На нары. Там сразу все вспомнишь.

Колени у Андрея стали ватными. Кажется, капитан не просто берет его на испуг, а действительно хочет посадить в кутузку. «Нет, нельзя так просто поддаваться!».

– Что я должен вспомнить? – как можно спокойней спросил Андрей.

Досанов усмехнулся.

– Пустяки. Кто ограбил горно. Кто подстрелил Фурикова. Кто уволок деньги из продмага. Ты говоришь мне: да, было дело, и я закрываю на это глаза. И мы расходимся, довольные друг другом.

– Расходимся?

– Расходимся.

– Тогда лучше на нары, – сказал Андрей.

Капитан расплылся в торжествующей улыбке.

– Значит, было дело?

– Ничего не было.

На широких скулах Досанова заиграли желваки.

– Ладно, погуляй еще, – проговорил он глухим голосом. – Завтра в десять утра жду вас троих у себя в отделении. Пропуска заказаны. Кабинет ты знаешь. Увиливать не советую.

Капитан исчез за ближайшим деревом.

Появился Мишка. Андрей передал ему разговор с Досановым. Начали обсуждать, что бы значил этот наезд. Чего добивается мусор?

– Если мы оставили в горно хоть один отпечаток пальца, нам писец, – сказал Андрей.

– Нам писец, если кто-то из нас расколется, – уточнил Мишка.

Они пошли на завод, позвонили из проходной в цех. Генка вышел в чумазой спецовке, пахнувшей машинным маслом. Он нервно курил. У него только что делали обыск рабочего места.

– Нашли что-нибудь? – спросил Мишка.

Генка смерил его с ног до головы.

– Если бы нашли, я бы сейчас тут не стоял.

До конца смены оставалось не больше получаса. Генка переделся, и они пошли в Новостройку. На ходу обсуждали ситуацию. Андрей рассказал, как его допрашивал Досанов, требуя держать руки на коленях.

– Это ерунда, – сказал Генка. – Вот если начнет слоником мучить...

Пацаны знали про новый милицейский способ: на тех, кто не колется, надевают противогаз и пережимают трубку, за-

крывая доступ кислорода.

– Когда будет невмоготу, я сделаю вид, будто вырубился, – сказал Мишка.

– А еще лупят резиновым шлангом по пяткам, – сказал Генка.

– Кричи «мама»! – со смехом посоветовал Мишка.

Они вибрировали от страха, но хорохорились изо всех сил. И готовились чуть ли не к пыткам. Откуда им было знать, что против таких салабонов существуют совсем другие приемы.

Капитан Досанов не стал мариновать их перед дверью кабинета. Жестом велел войти, разрешил сесть и несколько минут говорил с кем-то по телефону. Потом начал что-то писать. Мишка шепнул Андрею:

– Делает вид, что ему не до нас.

Похоже, так и было.

Наконец, капитан оторвался от писанины и сказал:

– Вы согласны, что продавщица вас опознает? Только не надо переглядываться. Не надо делать вид, что не понимаете, о чем речь. Когда она описала драку в магазине, я сразу понял: это вы. А когда мне сказали, что двоих десятиклассников оставили на второй год, я опять-таки сразу понял, что в горно залезли вы. Больше никому. Что же касается ночной стрельбы, то и тут все сходится, если учесть, что один из вас работает на токарном станке, а другой купил сегодня коробку малокалиберных патронов. Покуролесили вы от ду-

ши. По совокупности вам полагается лет по пять каждому, не меньше. А мне – большую звездочку. Но, я думаю, сесть вы всегда успеете. А майорскую звезду мне и так дадут. Поэтому предлагаю дружить. Я сейчас пойду по своим делам, а вас закрою в кабинете. Буду отсутствовать около часа. За это время вы коротко опишете свои подвиги, а я положу ваши чистосердечные признания в сейф. Но – предупреждаю: если еще что-нибудь совершите, я дам вашим признаниям ход. И тогда вы получите за все сполна. Да, чуть не забыл... – Капитан вынул из внутреннего кармана кителя красную книжечку, положил ее на письменный стол и сказал клятвенно: – Вот, партбилетом клянусь, что все будет именно так.

Досанов положил на стол чистые листки бумаги, подвинул чернильницу, ручки и вышел, закрыв дверь на ключ.

Друзья смотрели друг на друга и думали. Они никогда еще так не бурлили своими решалками. Мишка взял ручку, повертел ее в руке, согнул перышко, чтобы им невозможно было писать, и сказал:

– Мне не в чем признаваться.

Просто невозможно было не последовать его примеру. Андрей и Генка взяли свои ручки и тоже погнули перья.

– Я возмущен подозрениями товарища капитана, – с серьезным видом сказал Генка.

– Он тебе не товарищ, – поправил Мишка.

– Забыл, – согласился Генка. – Гражданин капитан.

Они забыли, где находятся. Досанов им напомнил. Он во-

шел, увидел чистые листки бумаги, погнутые перья, сел за стол и тихо сказал:

– Вы мне не верите?

– Нам не в чем признаваться, – твердо сказал Андрей.

Капитан вздохнул.

– Жаль. А ведь могли бы дружить.

Он снял трубку и сказал:

– В изолятор их.

Нары

Надзиратель с лязгом открыл перед Андреем тяжелую дверь камеры и заученно отцедил:

– Пользоваться тюремным телефоном, а также вступать в почтовую связь с другими камерами запрещено. Лежать запрещено. Сидеть на спине, то есть спать, от подъема до отбоя запрещено. За нарушение – трюм, то есть карцер.

В камере было двое. Один лет двадцати: длинная тонкая шея, узкие покатые плечи. Другому хорошо за сорок: залысины, очки, умные глаза. Они сидели на корточках у противоположных стен напротив друг друга.

– Первый раз? – поинтересовался молодой.

Андрей молча кивнул.

– Первый раз – как в первый класс. Давай знакомиться, – молодой протянул руку. – Крапива. Фамилия такая. А это, – он показал на сокамерника, – Бог.

– Не слушай его. Зови меня Степанычем, – сказал сокамерник.

– На зоне бухгалтера кличут богом, – пояснил Крапива.

Андрей сказал, что его зовут Корень, и огляделся. Под потолком – решка. Маленькое зарешеченное оконце едва пропускало воздух и солнечный свет. В одном углу – параша. В другом – бачок с водой и кружкой на цепи. Ни стола, ни стульев. Вместо кроватей – дощатый настил.

Андрей сел, прислонился к стене. Стена, покрытая бетонной шубой, кололась.

Изолятор находился рядом с пляжем. Были слышны шлепки по мячу и веселые голоса. «Хорошее соседство», – подумал Андрей.

– Пальцы еще не катали?– спросил Крапива.

Андрей молча покачал головой.

– Одного замели или с подельниками?

– Никто меня не заметал.

– Как же здесь оказался?

– Пока не понятно.

– Без ордера арестовали?

Андрей кивнул.

– Значит, маловато улик. Будут выжимать чистуху. Срок – трое суток. Ты по фене-то кумекаешь? – спросил Степаныч.

– Кумекаю, – пробормотал Андрей. – А что, матрацев не дают?

Бухгалтер усмехнулся.

– Я ж говорю, мусорам надо уложиться в трое суток. А дай тебе матрац, ты и месяц будешь в несознанке. Это ж хрен на блюде, а не люди. Психологи. Знают, что у самого твердого жопа мягкая. Тут и рацион соответственный: утром чай, в обед – газета.

– Тебя одного взяли? – поинтересовался Крапива.

– Нет, кенты тоже здесь, – сказал Андрей.

– Это плохо, – изрек Крапива. – За групповое дело больше

дают.

– И дружбе конец, – вставил Степаныч. – Кто-нибудь обязательно расколется. Друг – от слова другой, соображаешь?

– У нас никто не расколется, – вырвалось у Андрея.

– Тогда вас и сажать нет смысла. Если люди способны быть настоящими друзьями, значит, они не настоящие преступники. А если они не настоящие преступники, зачем держать их в тюрьме?

– Степаныч, ты как что-нибудь скажешь, я потом полдня думаю, – заметил Крапива. – Одно не пойму. Если ты такой умный, какого хрена снова загремел?

– По соблазну.

– Небось держал в руках пачки бабок и думал: ну почему они не мои?

– Вроде того.

– У тебя небось кассир подельник?

– Я был кассир и бухгалтер в одном лице. Нет у меня подельников и не будет. Не верю никому.

– И сколько тебе париться?

– Если не поставят к стенке, лет пятнадцать припаяют. И на – полосатый режим.

Крапива схватился за голову.

– Ексель-моксель! Мне пятерик светит, и то страшно.

Он подошел к оконцу, прислушался к звукам воли.

– Говорят, такую решку какая-то баба придумала, – сказал бухгалтер. – Им ведь мало посадить. Им надо, чтоб тут

мучились.

– Степаныч, почему здесь с ходу начинаешь о бабах думать? – спросил Крапива.

– Чего лишен, то и в голове стоит.

Крапива загоготал.

– У кого в голове, а у кого еще кой-где.

Раздался металлический лязг, дверь камеры открылась.

– Корнев, на выход!

Андрея сфотографировали с дощечкой на груди, намазали пальцы мастикой, откатали и снова водворили в камеру. Надзиратель прильнул к глазку.

– Тебе малява пришла. – Крапива протянул Андрею свернутый в трубочку клочок бумаги. Тот не понял.

– Как пришла?

– На коне, по тюремной почте.

Андрей прочел: *«Андрей, Генка уже во всем признался, что делать? Мишка»*. Мелькнуло: *«Писец! Это – срок!»*

Андрей скомкал записку и тут же развернул. Стоп! Тут что-то не так. Прочел еще раз. Ага, понятно. Если бы Мишка писал свободно, не под контролем, он бы назвал его, Андрея, – Андрюхой, Генку – Генычем и подписался бы *«Мишаня»*.

– Будешь отвечать? – спросил Крапива.

– А можно?

– Чего ж нельзя? Пиши.

– А чем? На чем?

Крапива протянул огрызок карандаша и клочок бумаги. Надзиратель не отрывался от глазка. Бухгалтер сидел, прикрыв глаза, дремал.

Андрей нацарапал: «*Нам не в чем признаваться*», сложил записку и протянул Крапиве.

Степаныч открыл глаза и сказал Андрею:

– А теперь зажуй и выплюнь.

– Ты чего, Степаныч? – криво усмехнулся Крапива.

– Отстань от пацана, видишь, он в несознанке, – сказал бухгалтер.

– Ты чего, Степаныч? – обиделся Крапива. – Корню малява пришла, я принял. Он отпишет, я обратно передам.

Дверь камеры открылась внезапно, без лязга ключа в замочной скважине. Надзиратель шагнул к Андрею.

– Ну-ка, дай сюда.

Андрей отдал записку. Надзиратель положил в карман и предупредил:

– Еще одно нарушение – пойдешь в карцер, то есть в трюм.

Дверь камеры закрылась. Крапива зашипел на Степаныча:

– Ну что, лучше сделал?

Бухгалтер мрачно молчал.

Крапива повернулся к Андрею.

– Ничего такого не написал?

Андрей пожал плечами.

– Не бери в голову, – успокоил его Крапива. – Каждый пацан должен побывать либо в армии, либо в тюрьме.

– Не слушай никого, – посоветовал Андрею бухгалтер. – Живи своей головой и никому не верь. Если есть возможность ни в чем не признаваться, не признавайся.

Открылась кормушка. Зэк-баландер выдал каждому по пайке хлеба и большому куску селедки.

– Бухенвальдский паек, – проворчал бухгалтер.

Хлеб был кислый и вязкий, как пластилин. Зато селедка жирная, вкусная. Андрей смолотил ее в шесть секунд.

– Хочешь еще? – спросил Крапива. – Ешь мою.

Сам он ел только хлеб.

Бухгалтер смотрел прямо перед собой невидящими глазами. Он думал какую-то умную мысль, отщипывая от пайки кусочек за кусочком. Его тоже не интересовала селедка.

Андрей не успел даже сообразить, что допустил оплошность. Дверь открылась, его вызвали на допрос.

В камере для допросов сетка на решетке была не такая густая. Капитан Досанов расхаживал из угла в угол. Он разрешил Андрею сесть и спросил:

– Ну как?

Андрей ничего не ответил. Перед ним, на столе, стоял полный графин воды. Пить хотелось зверски.

Капитан протянул Андрею листок бумаги.

– Вот собственноручное признание Сорокина. Читай.

Андрей пробежал глазами текст. Генка описал, как они залезли в горно и подстрелили ночного грабителя, но как-то странно, очень коротко, без подробностей. А о краже в

магазине вообще не было ни слова.

– Можно поговорить с ним? – спросил Андрей.

Досанов поднял брови.

– О чем?

– Хочу спросить, какого черта он это наплел.

– Сорокин освобожден под подписку о невыезде. Он уже дома, Корнев. Мы раскаявшихся не держим. Уверен, что Сорокину суд и наказание назначит, не связанное с лишением свободы. Получит небольшой срок, скорее всего, условный. – Капитан помолчал и добавил: – У Сорокина вина не меньше твоей. Сейф раскурочил, пистолет сделал. И тем не менее он уже на свободе. А вы с Левитиным строите из себя партизан. Глупо.

– Почему бы вам не устроить очную ставку?

– Я предлагал. Сорокин сказал, что ему будет стыдно.

Андрей усмехнулся.

– Разве может быть стыдно от чистосердечного раскаяния?

Капитан неожиданно психанул:

– Ты мне демагогию не разводи, Корнев! Спасибо скажи, что с тобой по-человечески разговаривают. Кто ты есть, чтобы так себя вести? Ты преступник. Вот и пиши о своих хужествах.

– Мне не в чем признаваться!

– Что ты заладил? «Не в чем признаваться, не в чем признаваться»! – передразнил капитан.

Он налил себе полстакана воды и медленно выпил. Андрей отвернулся.

– Ты же неглупый парень, Корнев, – чуть спокойнее продолжал капитан. – Из хорошей семьи. Отец – инженер, мать – домохозяйка. С судьей дружат. А ты по какой дорожке катишься? Тебя остановить надо, пока не поздно. Вот я тебя и останавливаю. Что такое допрос? Это исповедь, покаяние. А ты как на меня смотришь? Будто я тебе зла желаю. Налить водички?

Не дожидаясь ответа, Досанов налил полстакана.

– Спасибо, не надо, – отказался Андрей.

Он думал о своем. Капитан ничего не говорит о его, Андрея, отпечатках пальцев. Значит, в гороно их не нашли. И о других уликах не говорит. Значит, их тоже нет.

Прошло еще не меньше двух часов. А может, Андрею только показалось. Сказывалась жажда.

– Ладно, – устало сказал Досанов. – Иди в камеру, думай. А я здесь посижу. Но учти, ждать буду не больше часа.

Досанов нажал на кнопку, вызывая надзирателя, и развернул газету.

Крапива и Степаныч встретили Андрея вопросительными взглядами. Но оба молчали. Андрей бросился к бачку. Воды не было.

– Кончилась вода, – сказал Крапива. – А новой не дают.

Андрей лег на настил и закурил. Табачный дым обдирал сухое горло, вызывал кашель. Дверь распахнулась. На пороге

стоял надзиратель.

– Тебя предупреждали – лежать нельзя? А ну давай в трюм, то есть в карцер.

Карцер был узкий пенал. В него можно было зайти только боком. Скорее, это был даже не пенал, а бетонная щель. Дверь с лязгом захлопнулась. Стало темно и душно. Андрей сел на корточки. Колени упирались в противоположную стену. Ноги быстро затекли. Начал задыхаться. Стошнило. Жажда стала совсем нестерпимой.

– Ну как ты там, Корнев? – послышался за дверью бодрый голос надзирателя. – К исповеди готов? Капитан ждет.

Андрей ничего не ответил.

Прошел, наверно, час. Надзиратель открыл дверь:

– Выходи!

Андрей вышел боком, его качало.

Досанов отложил газету, с сочувствием посмотрел на Андрея.

– Ну что? Вспомнил?

– Нечего мне вспоминать, – буркнул Андрей.

– Зря упорствуешь. Не признаешься по-хорошему, тобой займутся другие. Посадят в специальную камеру – расскажешь о том, чего не совершал.

– Можно попить? – спросил Андрей.

– Пей, – неожиданно разрешил капитан.

Андрей жадными глотками выпил два стакана.

– Еще? – спросил Досанов. – Ну выпей еще стакан.

Андрей выпил. Капитан смотрел вопросительно.

– Нечего мне вспомнить, – повторил Андрей.

– Ладно, – сказал капитан, сдерживая гнев. – Тогда пиши:

«Я, такой-то, по существу предъявленных мне обвинений заявляю, что никакой вины на мне нет, жалоб и претензий не имею». И подпись.

– У меня и так нет претензий, – сказал Андрей.

– Вот и напиши.

– Зачем?

– Так положено.

«Кажется, ему мой почерк нужен», – подумал Андрей и сказал:

– Не буду я ничего писать.

Андрея вывели. Досанов задумчиво повертел в руках протокол допроса Сорокина, потом сложил вчетверо и упрятал в карман милицейской рубашки.

Капитан был хороший опер. Он давно присматривался к этим пацанам. Но он не вычислил бы их, если бы не Крюк.

О том, что солдата порезал Крюк, Досанову сказали чеченцы. Они не считали зазорным сдавать русских. Но сообщили с уговором, что протокола не подпишут и выступать в суде свидетелями не будут.

Досанов прижал Крюка, и тот признался, что порезал солдата. При этом не стал скрывать, кто помог ему избавиться от выкидушки.

Ленчик не стал запираяться еще и потому, что давно, лет

с шестнадцати, был агентом капитана. Ему и раньше многое сходило с рук, если он кого-нибудь сдавал. Поэтому он не сомневался, что Досанов и на этот раз замнет дело. Но капитан сказал: «Мало, Ленчик, нужна еще информация».

Тогда Крюк сообщил, кто совершил кражу в горно. Правда, конкретных доказательств у него не было. Не было их и у милиции. Ребята не оставили никаких следов.

«Давай еще информацию», – требовал капитан. Он ловил кайф, когда одни преступники предавали других. И вообще славился своим умением вербовать агентуру в криминальной среде.

И тут произошло довольно громкое преступление. Кто-то подстрелил ночью Фурика, известного штопорилу. Досанов допросил его, но Фурик молчал. Тогда капитан насел на Крюка. И тот сдал ребят в третий раз.

Никто лучше Досанова не приводил пацанов в моральное состояние, благоприятное для допросов.

Он вызвал надзирателя и спросил:

– Ну как наши дела?

– Те двое уже в работе, – доложил надзиратель.

– Вы с этим, длинным, поаккуратней, – предупредил капитан.

Он не забывал, что соседка Корневых – судья Щукина.

В камере Андрей тихонько спросил Степаныча:

– А могут мусора подделать чистуху?

– Они что хочешь могут, – отозвался бухгалтер.

– А можно узнать, здесь мой кент или нет? – спросил Андрей.

– Легко. Подойди к решке и крикни. Но учти, тебя снова отправят в трюм.

«Лучше карцер, чем неизвестность», – подумал Андрей. Он подошел к оконцу и крикнул:

– Эй, Сорокин здесь? Геныч, если ты здесь, отзовись!

– Я тут! – неожиданно донесся голос Генки.

«Досанов соврал!» – с ликованием подумал Андрей.

– Во мне не сомневайся! – крикнул Генка.

Неожиданно Андрея окликнули из другой камеры:

– Корень, ты, что ли?

– Я.

– Ты знаешь, в какой хате сидишь?

Андрей озадаченно молчал. Крапива и бухгалтер напряженно смотрели на него.

– Соображай, с кем сидишь!

Голос был знакомый. Кажется, Звана.

А надзиратель уже был на пороге камеры.

– Тебя предупреждали, что переговариваться с другими камерами запрещено?

На этот раз щель карцера показалась Андрею не такой страшной. «Геныч здесь, а не дома. Досанов – понтырщик. Хрен ему на рыло. Ничего у него не выйдет. Геныч держится, а это главное. Потому что Мишаня не клюнет ни на какую уловку и не расколется, даже под пыткой. Надо продержаться

трое суток, а потом Досанов никуда не денется, выпустит».

Но сказывались выпитые два стакана воды. Андрей прошел до самого конца карцера. Параши не было. Андрей позвал надзирателя. Тот сказал, что параша в ремонте, принесут не раньше чем через час. «Хотят, чтобы налил себе под ноги, опускают до уровня скотины», – подумал Андрей. Он перебирал ногами, как легкоатлет на тренировке.

Прошло еще часа полтора, прежде чем зэк принес парашу.

Вечером Андрею выдали пайку хлеба и тарелку какой-то баланды. Он не взял. Боялся очередной подлянки.

К утру, когда он едва держался на ногах, его перевели из карцера в камеру. Только это была какая-то другая камера. Не то что лечь – сесть было негде. И там в основном были малолетки. Андрей нашел место у стены и опустился на корточки. Ему смертельно хотелось спать.

Неожиданно послышалась какая-то возня и громкий шепот:

– Не бойся, один раз – не пидарас.

И сдавленный жалобный голос:

– Андрюха!

Андрей всмотрелся в полумрак. Лампочка светила тускло. Но он разглядел Мишку. Тот лежал, зажатый со всех сторон малолетками.

Андрей вскочил.

– Ты чего, Мишаня?

Мишка крикнул что-то невнятное, ему затыкали рот. Но он отчаянно сопротивлялся.

– Отпустите его! – заорал Андрей.

– Давайте обоих опустим! – послышался голос.

На Андрея набросились и повалили на дощатый настил. Кто-то ударил его ногой в пах. Боль была дикая. Андрей взвыл и скрючился. Его повалили и начали стаскивать брюки. Дикая злоба ударила ему в голову. Он сбросил с себя малолеток и пустил в ход ноги. У него были тренированные ноги. Малолетки крутились волчками. А он бил их ногами со всего маху.

По ту сторону двери было тихо. Никто не открывал глазок, не лязгал связкой ключей, не открывал камеру, чтобы прекратить это безобразие. Это только прибавило сил Андрею. Он просто взбесился. И теперь, когда редела вся камера, надзиратели больше не могли делать вид, что ничего не слышат. Они открыли дверь.

– Опять нарушаешь, Корнев!

– Снова хочешь в карцер?

Андрей стоял у двери рядом с Мишкой.

– Или нас обоих отсюда уберете, или я не знаю, что мы с собой сделаем!

Надзиратель, у которого было больше лычек, помахал связкой длинных ключей.

– Мы вас, конечно, уберем, только в разные камеры. Не положено вам быть вместе.

– Мишаня, держись, – сказал другу Андрей, стараясь не выдать собственный страх. – Если что – кричи.

Мишка кивнул.

Андрея вернули в прежнюю камеру. Крапива и Степаныч соревновались в храпе. Андрей лег на пол и провалился в сон, похожий на глубокий обморок.

Утром он не взял у баландера пайку хлеба и кружку чая.

Часам к двенадцати ему неожиданно принесли батон хлеба, круг краковской колбасы, полкило рафинада и пять пачек сигарет.

– Из дома передали, – сказал надзиратель.

– Не надо, – отказался Андрей.

Надзиратель удивился.

– Голодовку объявляешь?

– Вроде того.

– Ха-ха! – заржал надзиратель. – Ты, заусенец, не в Америке. Тебя через жопу будут кормить.

Бухгалтер подтвердил:

– Есть у них такой метод. Закачивают жидкую пищу клизмой.

– Подумай, – предупредил надзиратель. И закрыл кормушку.

– Прессовали? – сочувственно спросил Степаныч.

Андрей молчал.

– Сутки продержался – дальше легче будет. Теперь родители знают, где ты, не дадут пропасть. Тебе восемнадцати

еще нет?

Андрей кивнул.

– Если до прокурора дойдет, что прессовали, кому-то мало не покажется. Судить могут, – сказал Степаныч.

Перед обедом Андрея выдернули к Досанову. Капитан заметно нервничал, начал расспрашивать, что произошло ночью, будто не имел к этому никакого отношения.

– Я спал, – сказал Андрей.

Капитан удивленно поднял брови.

– Ничего не было, – сказал Андрей.

– Странно. А мне докладывали... – пробормотал Досанов.

– Ничего не было. Я спал.

– Почему не хочешь сказать правду?

– Я говорю правду.

– Это ты только мне так говоришь.

– Я скажу это любому, кто меня об этом спросит.

Досанов усмехнулся. Интересный получался разговор.

– А твои кенты?

– Они скажут то же, что и я.

Досанов закурил и предложил сигарету Андрею. Выдохнул дым и рассмеялся:

– Н-да, намаемся мы еще с вами.

– Не намаетесь, – сказал Андрей.

– Н-да? Это почему же?

– Мы больше сюда не попадем.

Досанов снова рассмеялся.

– О, я это уже слышал!

– Это все не для нас. – Андрей окинул взглядом камеру.

– Тогда в чем дело? Признайтесь и гуляйте.

Андрей подумал и сказал:

– Даже если бы я был в чем-то виноват, я бы не признался.

– Н-да? Почему же?

– Не обязательно выворачиваться наизнанку. Сделал для себя вывод и живи дальше.

– Что значит – живи дальше? А наказание?

– А зачем наказание, если человек понял? Или вам важно посадить? – спросил Андрей.

Капитан медленно и четко проговорил:

– Нам важно, чтобы каждый, кто совершил преступление, ответил за него в соответствии с законом. Не изобрели еще такого рентгена, чтобы я поставил тебя, просветил насквозь и увидел, что ты все осознал.

– Вы сами говорили, что можете оставить нас на свободе безо всякого наказания, если мы признаемся, – напомнил Андрей.

– Вот именно! – процедил Досанов. – Есть чистосердечное признание – есть раскаяние. Нет признания – нет раскаяния. Вы ведете себя, как матерые преступники.

– Мы просто кое-что понимаем.

– Что вы понимаете?

Андрей понял, что капитан загоняет его в угол. Нужно было ответить правильно. Так, чтобы не разозлить.

– Мы ни в чем не виноваты. Нам не за что отвечать.

Досанов скривился.

– Это я уже слышал. Хорошая тактика. У Звана научился?

Капитан взглянул на часы. Кажется, у него было мало времени. Он встал, походил по камере из угла в угол, потом вышел в коридор и начал говорить с кем-то по телефону.

Появился надзиратель. Он вывел Андрея во двор изолятора. Там рядом с Досановым стоял Петр Палыч в форме майора МВД.

– Считай, что тебе крупно повезло, – сказал Досанов. – Пойдешь домой. Но смотри... Я с тебя глаз не спущу.

– А ребята? – спросил Андрей.

– Выйдут твои ребята. Попозже.

– Когда?

– Через час.

– Тогда я подожду их здесь.

– Вот наглец, еще условие ставит, – возмутился капитан.

– Пойдем, – сказал Андрею Петр Палыч. – Пойдем, – повторил он.

За воротами изолятора их ждала Аля. Андрей оглядел себя: брюки мятые, рубашка грязная. Видуха – закачаешься. А какими запахами пропитан...

– Привет! – сказала Аля.

– Привет, – буркнул Андрей. – Как вы меня вытащили? – спросил он Петра Палыча.

Майор сел на скамейку, закурил.

– За тебя просила судья Щукина. Но и она бы не помогла. Просто на вас есть оперативные данные, но нет конкретных доказательств.

– Что такое оперативные данные? – спросил Андрей.

– Донесение агента. Вас кто-то сдал.

– За нами ничего нет, за что нас сдавать?

Петр Палыч шумно выдохнул сигаретный дым и рассмеялся.

– Эка ты вошел в роль. А может, все-таки что-то есть?

«Если кто и мог предать, то только Крюк», – подумал Андрей. Но это-то как раз и не укладывалось в голове.

– Чем испорченной человек, тем проще уговорить его кого-нибудь сдать, – сказал майор. – Абсолютно неподатливых – единицы. Но и их останавливает только страх. Снял этот страх – и они мать родную предадут.

Было заметно, что он знал или, по крайней мере, догадывался, что этот агент – из местной шпаны.

«А нас Крюку и бояться не надо», – подумал Андрей.

– Ты что-то понял за эти сутки? – спросил Петр Палыч.

– Там одна грязь.

– Вот! – Майор поднял указательный палец.

Андрей повернулся к Але.

– Ты-то как здесь?

– Аля – молодец, – тепло сказал Петр Палыч.

Аля выпалила:

– Я пришла к Дмитрию Сергеевичу, спрашиваю тебя – он

говорит: Андрея не было. Звоним Мишке, потом Генке. Их тоже нет. Тогда мы пошли к Петру Палычу. Он сразу понял, где вас искать.

Майор докурил сигарету и поднялся со скамейки.

– Пойду я, пожалуй.

– А как же ребята? – обеспокоенно спросил Андрей.

– Выпустят ребят. Проведут с ними кое-какую работу и выпустят.

– Прощупают, не будут ли писать жалобу?

Петр Палыч пожал плечами.

– И все-таки давайте подождем вместе, – попросил Андрей.

– Ладно, подождем, – согласился майор.

Открылась дверь изолятора. Вышел Досанов.

– Зайди, – сказал Андрею.

Андрей похолодел. Он с надеждой смотрел на Петра Палыча. Майор подошел к Досанову.

– Что-то изменилось?

– Так надо. Пусть зайдет, – сказал капитан.

Андрей на нетвердых ногах вернулся в изолятор. Вместе с Досановым они вошли в знакомую камеру для допросов. Там были Генка и Мишка. В дверях стоял надзиратель.

Капитан нервно прошелся по камере, думая о своем. Он мог бы дожать ребят, это было в его силах. Более того, он чувствовал, что обязан это сделать, в их же интересах. Он был хороший служака, еще не совсем испорченный систе-

мой. И в общем-то добрый человек. Но в его крови сидело чиновничество. Начальство сказала, что если на ребят нет ничего, кроме оперативной информации, надо выпустить. Как можно послушаться?

Досанов сказал с яростью:

– Думаете, отвернулись, щенки паршивые? Клянусь, я все равно вас засажу. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так послезавтра. Я найду на вас факты. А пока считайте, что капитан Досанов просто показал вам, где раки зимуют. Слегка показал. Совсем чуть-чуть. Запомните, СИЗО – санаторий по сравнению с зоной. Если у вас нет тормозов, то пусть хоть страх сдерживает. Выведи их, – приказал он надзирателю.

Тот открыл перед ребятами решетчатую железную дверь.

– Сорокин! – окликнул капитан.

Генка остановился.

– Не вздумай обмануть меня.

Генка молчал.

– Не слышу ответа! – повысил голос Досанов.

– Не обману, – буркнул Генка.

Первым, кого они увидели, когда вышли из изолятора, был Крюк. Он шел на пляж в окружении своих архаровцев. Заметив Андрея, замедлил шаг. На его лице читалось удивление. Андрей тоже смотрел на Крюка с удивлением. Трудно было до конца поверить, что основной центровых – стукач.

– Он? – спросил Петр Палыч.

Андрей ничего не ответил.

– Непростое у тебя положение. Можно, сказать, серьезное. Побережься тебе надо.

Майор пошел по каким-то своим делам. Андрей смотрел ему вслед. В военной форме Петр Палыч выглядел моложе. Осанка была совсем другая.

– Может, искупаемся? – предложил Генка.

Андрей покачал головой. Он не хотел встречаться с центровыми. Он решил, что пора сказать кентам главное:

– Нас сдал Крюк.

Генка смотрел с недоверием.

– Андрюха, с чего ты взял?

– А от кого Досанов мог узнать, что мы бомбанули гороно? А то, что я подстрелил Фурика, кто, кроме нас, знал?

– Капитан мог узнать от самого Фурика, – сказал Мишка. – Ведь Фурика наверняка допрашивали. А про гороно Фурик мог знать от Крюка.

– Ты хочешь сказать, что сам Крюк тут ни при чем? – спросил Андрей.

Мишка молча пожал плечами.

– Мишаня, иногда ты чего-то не догоняешь, – усмехнулся Андрей.

– Крюк – не Крюк, а я задницей чувю: надо линять из этого города. Иначе нам хана, – решительно сказал Генка.

Мишка высказал свое предположение:

– Нас загребли не потому, что мы что-то сделали не так, а потому, что не с теми знали. Надо просто держаться по-

дальше от блатных. Они нас за людей не считают.

– Вообще надо завязывать, – неожиданно заявил Генка.

– На здоровье, – процедил Мишка.

Андрей выразительно посмотрел на него, показывая, что он заодно с Генкой.

Мишка удивленно вытаращился на Андрея.

– Ты тоже решил завязать?

– А ты думаешь, тебе всегда будет так же везти, как сегодня ночью?

Мишка сказал:

– По-моему, малолетки просто пугали. Им за это курева дали на всю камеру.

– Ну да. А в целом тебе там понравилось, – ехидно произнес Генка.

– Мишаня, никакие деньги не стоят того, чтобы получить за них срок, – сказал Андрей. – Мне даже странно, что ты этого не понял.

Повисла пауза.

– Давайте зальемся сегодня в кабак, – неожиданно предложил Мишка. – Нам надо прийти в себя. Ну не будете же вы в такой день сидеть дома.

Андрей не возражал. Это предложение отвечало его планам.

– Альку берем собой? – спросил Генка.

– Берем! – мгновенно отозвалась Аля. – Мы тебя берем!

Мишка ткнул Андрея в бок и прошептал:

– Ты посмотри на нее. Кто ее пустит в кабак?

Аля расслышала. Она подошла к Мишке и погладила его, как ребенка, по голове.

– Мишанечка, ну что ты так за меня волнуешься? Еще как пустят.

Андрей ел, а мать и братья смотрели на него. И борщ, и гречневая каша, и котлеты никогда еще не были таким вкусными.

– Тебя что же, совсем не кормили? – спросила мать.

– Просто не было аппетита, – ответил Андрей.

Славик очень удивился:

– У тебя не было аппетита?

– Кто ж тебе его испортил? – поджав губы, спросила мать.

– Голоса с пляжа.

– Какие голоса?

– Там слышны голоса с пляжа, – пояснил Андрей.

– Теперь ты понял, что такое свобода?

Андрей кивнул.

– Сегодня вечером зайдешь к Зинаиде Гордеевне, поблагодаришь ее. Если бы не она, у тебя до сих пор не было бы аппетита, – сказала мать.

– Петр Палыч тоже помог, – не переставая жевать, проговорил Андрей.

– Сравнил! – усмехнулась мать. – Зинаида Гордеевна все-таки председатель облсуда, а этот Петр Палыч кто? Какой-то пенсионер.

– Я думаю, он выручил не меньше, – стоял на своем Андрей.

Мать сдвинула брови.

– Ты к чему ведешь? Не хочешь поблагодарить Зинаиду Гордеевну? Может быть, у тебя снова вечер занят?

– Занят.

Мать мягко сказала младшим сыновьям:

– Идите, ребятки, погуляйте.

Мальчишки подчинились. Мать закрыла за ними дверь и повысила голос:

– И сколько ты еще будешь надо мной издеваться?!

– Ну что мне делать? Может, с крыши сброситься? – равнодушно отозвался Андрей.

– Знаешь, о чем я иногда думаю? – с тяжелым вздохом сказала мать. – Уж лучше бы ты тяжело заболел или даже стал калекой. Иначе, я вижу, не остановишься.

– Я постараюсь.

– Что постараешься?

– Постараюсь сделать так, чтобы твоя мечта осуществилась.

– Какая мечта?

– Чтобы стал калекой.

– Видишь, как ты все переворачиваешь! Я ж говорю, издеваешься. Так и есть!

«Ничего я не издеваюсь, – подумал Андрей. – Просто не знаю, как иначе жить. И поэтому живу как получается».

Спросил:

– А вы всегда были такими правильными?

– Ну, по крайней мере, так не куролесили.

– Говорят же: в семье не без уроды. Считайте, что так и есть, и вам будет легче.

– Подрываешь в глазах младших братьев наш родительский авторитет. Они все видят. Подрастут и будут вести себя так же. Во что превратится наша жизнь по твоей милости?

Андрей посмотрел на мать взглядом взрослого человека.

– Одинаковых детей не бывает, мама. Я – ваше огорчение, а братья будут утешением.

До прихода отца с работы оставалось меньше часа. Андрей наскоро привел себя в порядок и пошел к Димке.

Развалившись в кресле, Димка полировал ногти и тащился от модного медлячка под названием «Караван». Он страшно удивился появлению Андрея. Его разбиало любопытство, но он не спешил с расспросами. Он налил Андрею рюмку коньяка, угостил дорогой сигаретой и осторожно спросил:

– Ну как тебе наша советская тюрьма? Мать родна?

– Тюрьма – дерьмо, лучше туда не лезть, – ответил Андрей.

Димка удивленно поднял брови.

– А я думал, будешь разыгрывать из себя героя. Мальчуган, это хорошо, что так думаешь. Я всегда считал, что единственное, за что не грех сесть, – это превышение самообо-

роны.

– Значит, я вышел ненадолго, – сказал Андрей. И спросил после короткой паузы: – Какого ты мнения о Крюке?

Димка пожал плечами.

– Чехи его ненавидят. Это все, что я знаю.

– Догадываюсь, за что ненавидят, – сказал Андрей. – Он стукач. Это он сдал нас.

Димка переменялся в лице.

– Мальчуган, я услышал и тут же забыл. Не дай тебе бог сказать это еще кому-нибудь.

– Придется. Иначе мне точно не жить.

– Кому ты хочешь сказать?

– Алихану.

Димка издал подобие стога.

– Мальчуган, куда ты суешь голову?

– Поздно об этом. Лучше помоги встретиться с Алиханом.

Только так, чтобы никто не видел.

Димка встал, прошелся по комнате.

– Мальчуган, пойми простую вещь. Крюк и Алихан ненавидят друг друга. Но я не думаю, что тебе удастся это использовать. Ты для центровых – фраер. Заложить фраера и спасти свою шкуру – для них это нормально. Кроме того, обвинение в стукачестве – очень серьезная штука. Для того чтобы обвинить Крюка, Алихану нужны доказательства. У тебя они есть?

Андрей молчал.

– Вот видишь, у тебя нет доказательств.

– И все же сведи меня, – попросил Андрей.

– Зачем тебе я? Подойди к Алихану сам.

Димка явно боялся, что своим посредничеством наживет себе большие неприятности.

Андрей сказал:

– Если Крюк будет сегодня в кабаке, я не смогу незаметно подойти к Алихану. Только ты можешь нас свести. Понимаешь, каждый час дорог.

– Крюк догадывается, что ты про него знаешь?

– Если не догадывается, то капитан Досанов подскажет.

– Ну ты и попал! – покачал головой Димка. – Хорошо, я попробую привести Алихана в комнату отдыха. А потом приведу тебя.

В половине седьмого ребята входили в ресторан. Аля соорудила себе прическу, которая сделала ее старше года на три. Они сели за свой любимый столик, рядом с эстрадой. Подлетела Любаша, насмешливо посмотрела сначала на Алю, потом на Андрея.

– Что будешь пить? – спросил Генка Алю.

– Кефир, наверное, – ехидно произнесла Любаша.

– Я люблю ликер, – сказала Аля. – Я пью с пяти лет.

Генка весело посмотрел на официантку.

– Ясно?

– Ясно, – ответила Любаша. – Хотя не совсем. С пяти лет – это, конечно, круто. Только непонятно, с кем пила-то?

– С теткой. Она была администратором ресторана. Сначала пили кагор. Потом я выросла и перешла на ликер.

Любаша спросила:

– Ты откуда такая шустрая?

– З Брянску. Шумел сурово брянский лес.

– Алька, так ты землячка! – воскликнул Генка.

– А «Шумел камыш» ты нам не споешь после ликера? – со смешком заметила Любаша.

Она вынула из кармашка фартука маленький блокнотик, занесла над ним карандашик и сказала:

– Люблю бедовых девчонок. Ну, мальчики, что будем пить, чем закусывать?

Генка начал заказывать. Аля шепнула Андрею, косясь на Любашу:

– Ты ей что-то должен?

Андрей смущенно кашлянул и предложил:

– Тебе налить лимонаду?

Аля скривилась.

– Терпеть не могу эту гадость.

Андрей оглядел зал. Верхушка центровых была в сборе. Мелькали знакомые лица. Алихан что-то втолковывал своим соплеменникам. Сестры Самохины строили во все стороны глазки. Крюк сидел в окружении своих архаровцев. «Сволочь!» – с ненавистью подумал Андрей.

Появились музыканты со своими погремухами. Димка очень удивился, когда увидел Алю. Подошел к ней.

– Как меняет людей прическа!

Аля приняла комплимент без смущения и вообще держалась как взрослая. Димка шепнул Андрею:

– Посмотрел бы ты на себя и на нее со стороны. Вы – такая пара!

Андрей пожал плечами. Он так не считал. В его глазах Аля была пигалицей. Димка поднялся на эстраду, сел за пианино, дал знак своим лабухам. Ансамбль заиграл «Караван».

Генка поднял рюмку с водкой:

– Ребята, мы через такое прошли... Мне до сих пор не верится: как мы вырвались? Досанов – тухлый мусор! Крюк – гнида! Палыч – человек! А мы...

– Мы – тухлые фраера. И я прежде всего: кому поверил? – Андрей поморщился, как от зубной боли.

– Да, маленько дурканулись. Ай да Крюк! Кто бы мог подумать? Но мы настоящие друзья, – сказал Мишка.

– Пьем за нашу дружбу, – торжественно произнес Генка.

– И за везение, – добавил Андрей.

– Чем больше риска, тем больше везения! – изрек Мишка.

Пацаны выпили и набросились на еду. Аля потягивала ликер и наблюдала за ними. А ее уже присмотрели с соседних столиков. Подходили приглашать. Аля отказывала и смотрела на Андрея почти со злостью.

– Ты когда наешься?

Андрей вытер рот салфеткой и поднялся. Они вошли в круг танцующих. Там уже была Анжела. Она обвивала како-

го-то додика с глазами тухлого морского окуня. Увидев Андрея с незнакомой чувихой, стала с ним жеманничать.

– Да ты весь в бабах, братец, – прошипела Аля.

– Ревнуешь, сестренка?

– Очень надо, – фыркнула Аля.

«Все-таки она еще совсем ребенок», – подумал Андрей.

Подошел Генка, похлопал в ладоши.

– С удовольствием! – Аля перешла в его объятия.

Андрей вернулся за столик и стал смотреть на них со стороны. Они тоже смотрелись: светлый, с европейским лицом Генка и такая же светловолосая и сероглазая Аля. Генка торчал от нее на всю катушку. А Мишка был невесел. Андрей приобнял его.

– Ну ты чего, Мишаня? Рюмку не допил. Давай до дна.

Мишка послушно выпил и вздохнул.

– Паршиво жить, Андрюха.

– Ты же сам говорил: надо прийти в себя, – напомнил Андрей. – Пригласи кого-нибудь. Смотри, сколько баб. Все с мужиками, а что глазками выделывают. Туда-сюда, туда-сюда. Пригласи, потрись.

Мишка усмехнулся.

– У меня беда.

– Какая?

– Есть чем, есть кого, негде.

– А! У нас у всех эта беда. Пусть это тебя не волнует. Ты только покажи, что у тебя есть. А уж они найдут, где тобой

попользоваться.

Мишка печально посмотрел на Андрея.

– Тебе правда так весело?

– Конечно, – отозвался Андрей. – Мне всегда весело, когда вот-вот нарвусь на приключение.

– Я себя презираю, – сказал Мишка.

– За что?

– Я тогда, в «Ударнике», не помог тебе. Я слабый. Если что-нибудь случится, я не смогу помочь тебе, понимаешь? А мы пили за дружбу...

Андрей вздохнул:

– Думаешь, мне не страшно? Надо только разозлиться. Тогда уже ни о чем не думаешь. И знаешь, я где-то читал, что самый смелый тот, кто считает себя трусом.

Мишка предупредил:

– Я только что видел, как Крюк показывал на нас своим архаровцам. Ты взял ствол?

Андрей нервно рассмеялся.

– Мишаня, ты о чем? Какой ствол в нашем положении? Мне все время кажется, что сейчас войдет капитан Досанов и скажет: а ну покажи, что у тебя в карманах. Или скажет: ошибочка вышла, зря я вас выпустил, а ну-ка обратно, там для вас селедочка приготовлена и стукачок по фамилии Крапива. С тобой сидел стукачок, Мишаня?

– По-моему, не один.

– И у меня, кажется, не один. Сколько же их у мусоров?

Между прочим, ловко работают ребята. Если бы не слободские, я бы, наверное, поплыл.

– При чем тут слободские? – спросил Мишка.

– А я сидел и думал: почему они ни в чем не признаются, а я должен писать чистуху? Чем я хуже их?

– У слободских все на страхе построено. Они друг друга боятся до смерти.

– Правильно. А я вот ни тебя, ни Геныча не боюсь. Я себя боюсь. Сам себе буду противен, если расколюсь.

– Я тоже так думал, – кивнул Мишка.

– Ты можешь мне сказать: зачем тебе много денег? Ну мать больная. Но у тебя же есть отец, – продолжал Андрей.

Мишка поморщился.

– Считай, его нет. У него баба на стороне. Он у нее живет, к нам только заходит. – Мишка помолчал и добавил: – Зря я, наверное, про отца. Просто у меня болезнь – kleptomания называется. Человек ворует все, что плохо лежит.

– Мишаня, ну что ты на себя наговариваешь? – проворчал Андрей. – Какой ты, на хрен, kleptomан? Я хуже. Мне подавай много денег. Меня эта жадность погубит.

Танец кончился. Генка поцеловал Але руку и усадил ее за столик по всем правилам этикета. Он то ли западал на нее все больше, то ли ему просто нравилось выглядеть кавалером. Але принимала знаки внимания спокойно. Похоже, она не знала, что такое кокетство.

– У тебя с какого времени комендантский час? – спросил

у нее Андрей.

Аля пожала плечами.

– Когда приду, тогда и ладно.

Андрей не понял.

– Это мои проблемы, – сухо отчеканила Аля.

– Тебе нужно быть дома не позже десяти.

– Хочешь сбегать?

– У меня своих проблем – во! – Андрей провел по шее ребром ладони.

Аля взяла свою сумочку. Она готова была встать и уйти.

Ее остановил Генка. Он сказал Андрею:

– Ну ты чего, в натуре? Все будет о'кей, я отвечаю.

Андрей ответил жестом: мол, как знаешь.

К Димке подошел рыжий Гасан. Протянул деньги, заказывая лезгинку. Димка что-то сказал ему. Потом подошел к Андрею.

– Как только оркестр пойдет на перерыв, дуй за мной.

Он вернулся на эстраду. Ансамбль заиграл лезгинку. Чеченцы встали из-за столиков и окружили танцевальный пятчочок. Они показывали себя поочередно. Когда один танцевал, другие подбадривали хлопками в ладоши и гортанными выкриками.

Крюк и другие центровые русаки сидели, отвернувшись. Им эта экзотика давно обрыдла. Вообще напряг в их отношениях с чеченцами, похоже, приближался к взрыву.

Последним сегодня танцевал Алихан. В отличие от сво-

их соплеменников, он не ходил на кончиках пальцев, не носился по кругу, не выбрасывал подобно крыльям руки. Его движения были замедленными, совсем не в ритм лезгинке, а лицо не выражало никакого азарта.

– Похоже, он обкуренный, – пробормотал Генка.

«Это плохо», – подумал Андрей.

Танец закончился. Алихан направился в комнату, где обычно отдыхали лабухи. Он шел, пошатываясь, его поддерживал Гасан. Крюк что-то говорил своим архаровцам и не смотрел по сторонам. Андрей воспользовался моментом. Через несколько секунд он тоже был в комнате отдыха музыкантов.

Алихан сидел развалясь на диване. Гасан стоял рядом.

– Это тебя попинали слободские? – Алихан не поднимал глаз и не предлагал сесть. Голос у него был низкий и хриплый, как рычание.

– Меня.

– Это ты выручил Крюка, когда тот порезал солдата?

– Я.

– Что хотел мне сказать? Говори.

Андрей перемялся.

– Этого в двух словах не скажешь.

Алихан скривился.

– В двух словах можно сказать все.

Андрей прокашлялся.

– Тогда так. Есть сильное подозрение, что Крюк работает

на капитана Досанова.

Алихан поднял мутные глаза.

– Факты?

– Фактов нет.

– А что есть?

– Кое-какие соображения.

Алихан презрительно хмыкнул.

– Ты вообще понимаешь, что говоришь?

– Понимаю, – ответил Андрей.

– Ты готов сказать это Крюку в глаза?

– Готов.

– Он тебя на куски порвет.

– А вы для чего?

Алихан удивился:

– Кто ты такой, чтобы тебе помогать?

– Если Крюк сдал нас, то он сдавал и других.

Чеченцы переглянулись. Алихан поднял брови.

– С чего ты взял?

– Интуиция.

– Интуиция? – с нехорошей усмешкой переспросил Алихан. – А ты, случаем, сам не агент? Может, тебе поручили стравить нас?

– Нет, – сказал Андрей.

– Что нет?

Андрей смотрел в глаза Алихана спокойно и твердо.

– Я не агент.

– Не пойму, зачем тебе-то это надо, – озадаченно произнес Алихан.

– Если я не разоблачу Крюка, он меня убьет, – ответил Андрей. – Может быть, прямо сегодня.

Алихан пододвинул ногой стул.

– Садись, и давай по порядку.

Андрей сел и разъяснил ситуацию. Чеченец подумал и сказал:

– Пей, гуляй, потом иди, куда хочешь, а за ним присмотрят. За Крюком.

– Надо смотреть за его ребятами.

– И за ними присмотрим, – пообещал Алихан.

– У них ножи, а мы с пустыми руками.

Алихан что-то сказал Гасану. Тот вынул из-за пояса необычный, похожий на кортик нож, подышал на него, вытер носовым платком и протянул Андрею.

Андрей спрятал нож в рукав и вернулся в зал вместе с музыкантами.

– Они тебя хватились. Высматривали по всему ресторану, – предупредил Генка, имея в виду Крюка и его камарилью.

Андрей хмыкнул.

– Интересно, что он наплел про нас своим архаровцам.

Мишка предположил:

– Наверно, сказал, что мы – те ребята, которые подстрелили Фурика.

Пожалуй, это объяснение было очень близко к истине.

Аля делала вид, что разговор ей по фигу. А ушки были на макушке.

– Сестренка, тебе надо уйти, – приказным тоном посоветовал Андрей.

– Ну конечно. Уже помчалась.

– Быстро вали отсюда! – грубо сказал Андрей.

Аля вытаращилась.

– Ничего себе заявочки! Ты как разговариваешь?

– А если ты не врубаешься?

– Я очень даже врубаюсь. Это ты кое-чего не понимаешь.

Чем нас больше, тем лучше, – сказала Аля. И добавила: – Да у тебя такого друга еще не было.

Генка и Мишка рассмеялись. Улыбнулся и Андрей. Потом сказал, о чем договорился с Алиханом.

– Так можно доиграться, – упавшим голосом произнес Мишка. – Почему мы должны верить чехам?

– А у нас просто нет другого выхода, – ответил Андрей.

Он поразмыслил и сказал, на что-то решившись:

– Сидите за столом. Из кабака – ни шагу. Будьте все время на виду. Меня не ждите.

Он поднялся из-за стола, сделал прощальный жест и пошел к дверям. Трое ребят Крюка тут же встали и направились следом.

Андрей вышел из ресторана. Прямо перед ним был пустырь, а дальше расстилалась степь. Солнце садилось за го-

ризонт. Оно было ярко-красным и обещало на завтра ветреную погоду. Андрей завернул за угол ресторана, где стояли подсобные помещения, подошел к забору и начал мочиться, краем глаза следя за тем, что происходит за спиной. Трое ребят Крюка направлялись к нему. Андрей нащупал спрятанный в рукаве нож и повернулся к ним лицом.

Это были ребята постарше его и не чета ему, закаленные в уличных боях. Их глаза не предвещали Андрею ничего хорошего.

– Привет от Фурика, – процедил один из них. Он был за главного и его звали Прыщ.

– Привет – это хорошо. Значит, жив. Я рад за него, – сказал Андрей.

На самом деле он был рад за себя. Куда хуже, если бы эти ребята набросились на него без лишних слов.

– Фули ты гоношишься, фраер тухлый?

Прыщу не хватало злости. Вот он и распалял себя, а заодно и своих кентов. Он вынул из кармана выкидушку и нажал на кнопку. Блеснуло лезвие. Двое остальных тоже вынули ножи. Все трое медленно пошли на Андрея. Тот вытащил из рукава рубашки свой нож. Глаза у архаровцев округлились. Они узнали этот нож. Второго такого, похожего на кортик, не было ни у кого. Это секундное замешательство спасло Андрея. Появились чеченцы. Их было человек шесть, среди них Гасан.

– А ну стоять! – крикнул Гасан.

Он подошел к ребятам Крюка, отобрал у них ножи и приказал:

– Пошли.

– Куда? – спросил Прыщ.

– Куда надо, туда и пойдешь, – ледяным тоном ответил Гасан.

Гасан усадил Андрея в белую «Волгу» и привез в чеченский район под названием Гусинка. Когда-то здесь, на берегу Иртыша, садились дикие гуси во время перелетов с юга на север и с севера на юг. А в сорок четвертом тут начали строить себе дома ссыльные чеченцы.

Они въехали в обнесенный высоким забором двор. Из кирпичного особняка вышли женщины. Гасан сказал им что-то.

В комнате, куда Гасан привел Андрея, лежал большой ковер, на нем стоял низкий круглый стол. Гасан сел, скрестив ноги, и указал Андрею место рядом. Женщины принесли тазик и кувшин с водой. Гасан и Андрей сполоснули руки. Женщины принесли блюдо с домашним сыром, сахар, сушки, самовар и чайник с заваркой. Они двигались как тени, не произнося ни слова.

Гасан помолился, потом налил себе и Андрею чаю и жестом предложил угощаться. Но тут со двора послышались голоса. Вошел Алихан. От его вялости не осталось и следа. Спустя минуту появился Адам. Андрей встал.

– Здравствуй, – сказал Адам.

– Здравствуй, – отозвался Андрей.

– Если у тебя есть пушка, почему ты сам не убил Крюка? – спросил Адам.

– Досанов сразу бы все понял.

Адам нехорошо усмехнулся.

– Хочешь нашими руками рассчитаться?

– У меня нет другого выхода.

– Ладно, – сказал чеченец. – Посиди пока здесь. Попей чаю.

Адам и Алихан вышли, оставив дверь приоткрытой. Гасан обратился к Андрею:

– Садись. Как у вас говорится, в ногах правды нет. Подготовься. Может, тебе придется убить Крюка. Ты, наверно, никогда еще не убивал? Убивать не страшно. Страшно, когда тебя убивают, – говорил чеченец, со вкусом отхлебывая чай.

Из полуоткрытой двери, за которой скрылись Адам и Алихан, слышались шаги и приглушенные голоса. Говорили вполголоса.

– Подойди к двери, послушай, – тихо сказал Гасан.

Андрей встал у дверного проема и наострил уши.

– Зачем ты велел убрать Корня? – спрашивал Алихан.

– Этот фраерюга оборзел. Он лез на нашу территорию. Он снюхался со слободскими, – отвечал Крюк.

– За что он велел вам убрать Корня? – спросил Алихан.

Послышался голос Прыща:

– Крюк сказал, что Корень подстрелил Фурика и должен

за это ответить.

– Корень подстрелил Фурика, это факт, – подтвердил Крюк.

– Как это было? – продолжал допрос Алихан.

– Мои пацаны шли ночью и напоролись на этих троих с Новостройки. Корень шмальнул с перепугу. Вот и все, – сказал Крюк.

– Не все. Говори прямо: ты велел раздеть новостроевских? Крюк молчал.

– Ну!

– Ну было дело, – признался Крюк.

– Корень защищал себя и своих кентов. И он не убил Фурика, а только ранил. Если Фурик в обиде, он должен сам свести счеты с Корнем. Какого хрена ты велел поставить пацана на ножи? За что?

– Алихан, фули ты устроил следствие из-за какого-то фразера? – возмутился Крюк.

– А кто тебя отмазал, когда ты порезал солдата? Кто вынес из клуба твою выкидуху? – спросил чеченец.

Крюк спросил многозначительным тоном:

– А кто меня сдал, когда я порезал солдата?

Лучше бы он, в его положении, этого не говорил.

Алихан сказал:

– Корень и его кенты вышли сегодня из СИЗО. Досанов пытался выжать у них чистуху. Как думаешь, откуда мусор узнал про гороно, про Фурика?

– Почем я знаю? – ответил Крюк. – Что ты мне шьешь?

Алихан медленно и жестко процедил:

– Я ничего тебе не шью. Я пытаюсь разобраться. А ты уже нервничаешь. Что ты так нервничаешь, а? Объясни нам. Тут твои, русаки. Тут мы, чечены. Мы пока в одной семье. Почему бы нам не разобраться? Вдруг у нас урод завелся? Вдруг этот урод и нас сдает?

– Ты отвечаешь за свои слова? – взвился Крюк.

– А ты отвечаешь? – со смешком спросил Алихан. – Ты считаешь себя чистым?

– Абсолютно!

– И с капитаном Досановым не дружишь?

– Ты о чем, Алихан? Жизнью клянусь!

– погоди клясться. Подумай, может, все-таки дружишь?

– Не было этого!

– Пусть Корень войдет, – громко сказал Алихан.

Гасан распахнул дверь. Андрей вошел. Все, кто был в комнате, сидели прямо на покрытом кошмой полу. Крюк – отдельно ото всех. В двух шагах от него – Прыщ и еще с десятка авторитетных центровых русаков. Чеченцев было значительно больше, они сидели на другой половине комнаты.

Алихан обратился к Крюку:

– Ты только что поклялся жизнью, что не дружишь с Досановым. Или я ослышался?

– Ты не ослышался, – ответил Крюк, но на этот раз его голос прозвучал не так уверенно.

Алихан достал из кармана пачку фотографий и молча пустил ее по кругу.

Андрей видел, как вытягивались лица всех, кто рассматривал фотографии. Наконец, пришел его черед. Фотограф поймал момент: капитан милиции и основной центровых пили пиво и общались, как лучшие приятели. Снимки были убийственными.

Алихан забрал фотографии у Андрея и протянул их Крюку. Тот лихорадочно их перебрал и бросил на пол.

– Подними, – прорычал Алихан.

Крюк не подчинился. Он смотрел на чеченца налитыми злобой глазами. Алихан дал Гасану знак. Тот обыскал Крюка. Нашел выкидушку. Потом велел Крюку открыть рот и нашел под языком половину лезвия.

– Подними, – повторил Алихан.

Крюк нагнулся и начал собирать рассыпанные по полу фотографии. Русские подавленно молчали. Чеченцы презрительно усмехались. На лице Алихана было написано торжество.

– Прилетела птица обломинго, – тихо прорычал он. – Масть пошла, а день кончился. Следствие закончено, суду все ясно.

– Что тебе ясно?! – завопил Крюк.

– От тебя, беспредельщика, давно у всех изжога, – цедил Алихан. – Но ты не только Корня сдал. Есть и другие факты. Будет разбор – я их предъявлю. Хотя по этим фоткам все

ясно. Худший мусор – твой лучший кент.

– Давайте все же внесем ясность, – сказал Феликс. – Все должны знать, где собака порылась.

Среди центровых русаков Феликс шел под вторым номером и давно метил на место Крюка.

Алихан брезгливо скривился.

– Только не здесь.

Феликс поднялся, подошел к Алихану. Они шепотом посоветовались. Крюк буравил Андрея полными ненависти глазами.

Феликс подошел к Крюку.

– Пошли.

– Куда? – выдохнул Крюк, глядя на бывшего кента снизу вверх.

– Спинку тебе помажем повидлом, кал дробленый.

Центровые заткнули Крюку рот, вывели во двор, связали руки, подняли в кузов полуторки, залезли сами.

– Давай! – кивком головы приказал Андрею Алихан.

Андрей запрыгнул в кузов. Гасан сел за руль, Алихан рядом с ним. Поехали. Уже смеркалось. За полуторкой поднималось облако пыли. Выехали за город. Крюк заерзал, начал мычать. Феликс шикнул на него. Крюк заткнулся.

Подъехали к берегу Иртыша. Крюк совсем запаниковал. Феликс сказал ему:

– Говорил тебе, учись плавать.

Крюк снова замычал, он молил о пощаде.

– Фули ты вопишь? – заорал на него Феликс. – Суд еще ничего не решил.

В состав суда вошли трое русаков и один чеченец. Крюка развязали и освободили рот, чтобы он мог что-то сказать в свое оправдание. Ленчик снова намекнул, что знает, кто его сдал, когда он порезал солдата. Пристрастие к травке сыграло с ним злую шутку. Котелок у него совсем не варил. Он думал, что уличил чеченцев в предательстве, и суд учтет это в его пользу. Но его расчет не оправдался.

– А откуда у тебя сведения, что тебя сдали чехи? – спросил Феликс.

Крюк понуро молчал. Не мог же он сослаться на Досанова.

– Тебе только за это надо башку отрезать, – сказал Алихан.

После недолгого разбирательства все судьи один за другим сказали одно слово – «амба».

Алихан пошептался с Феликсом. Тот спросил Андрея:

– Твое мнение?

Андрей пожал плечами.

– Мое дело маленькое.

– Как это маленькое? – скривился Феликс. – Ведь он тебя сдал.

– Но меня же не посадили.

– Не посадили, так посадят. Фули ты ломаешься? Или бздишь? – повысил голос Феликс.

– Сволочь он, конечно, – согласился Андрей.

– Короче, амба? – спросил Феликс.

– Ну, амба, – сказал Андрей.

Алихан дал знак Гасану. Тот с презрительной гримасой протянул Крюку свой нож.

– Давай, – с усмешкой произнес Алихан. – Сделай себе харакири. Ты ж стремящийся. Законником хотел стать. Тебе положено быть палачом самому себе.

Крюк помотал головой и тихо сказал:

– За мной ничего нет. Я чист.

Алихан и Феликс снова посовещались. Приводить приговор в исполнение должны были только русские. Таково было условие чеченцев. Феликс и еще трое русаков схватили извивавшегося Крюка за руки и ноги и залили ему в горло чекушку водки.

Алихан что-то сказал Феликсу. Тот велел Андрею взять Крюка за ногу. За другую ногу и за руки тоже держали русские. Крюка раскачали и бросили с высокого берега в омут. Стукач издал короткий вопль и скрылся под водой. Больше он не появлялся.

Алихан жестом подозвал к себе Андрея. Они отошли в сторону.

– Завтра принесешь пушку, – приказал чеченец.

Андрей молчал. Он чувствовал слабость и тошноту.

– Если жалко, пусть твой кент сделает новую пушку, – добавил Алихан.

– За ним следят, – сказал Андрей.

– Тогда свою отдай. Ты мне жизнью обязан.

Андрей пришел домой около полуночи. Свет в окне спальни еще горел. Кажется, его ждали. Подняв руку к дверному звонку, Андрей подумал: может, не звонить, а влезть в окно? Он усмехнулся: что за фигня – после всего, что было, бояться родителя?

Дверь открыл отец. Это был плохой знак. Это означало, что он взбешен и готов устроить сыну трепку. Отец прошипел:

– Явилась свинья неблагодарная.

Андрей стоял в дверях и думал: «Если он меня ударит, я ударю его, хватит терпеть».

– Тебе мать говорила, что вечером придет Зинаида Гордеевна? – спросил отец.

– Говорила.

– Почему проигнорировал?

– Были другие дела.

– Первое, что ты должен был сделать, выйдя из кутузки, это поблагодарить Зинаиду Гордеевну, – процедил отец.

– Успею еще. Куда торопиться? – ответил Андрей.

Отец задохнулся от гнева. Он повернулся к матери, стоявшей в дверях спальни:

– Я ж говорю, воспитали свинью. Неблагодарную свинью.

Из кухни доносился запах выпечки. У Андрея закружилась голова. Хотелось есть. Он чувствовал, что устал, ноги не держали его. Он прислонился к стене и глубоко вздохнул.

Он не хотел, у него так получилось: вздох напоминал хрюканье. Это вконец взбесило отца. Он подумал, что Андрей смеется над ним.

Отец спросил, тяжело дыша:

– Ну что, врезать тебе?

– Давай, – сказал Андрей. – Как мне встать, чтобы тебе было удобней?

Отца затрясло. У него чесались кулаки. Вмешалась мать.

– Успокойся! – Она пыталась приобнять отца. – Просто у него такой возраст. Он еще осознает.

– Ничего он не осознает. С него как с гуся вода. Растим гада ползучего... – Отца трясло от злости.

Но в его интонации было что-то жалкое. Наверно, он сам это понял и начал себя подхлестывать:

– Нет, я заставлю тебя уважать родителей. Будешь лишен всего!

Это было круто и непонятно. Обычно отец лишал чего-то одного: то ли улыцы, то ли денег на кино, то ли хорошей одежды или обуви. Андрей решил уточнить:

– Чего всего?

– Всего! – рявкнул отец.

Андрей улыбнулся и помотал головой.

– Я выбью из тебя дурь, – пригрозил отец.

Мать мягко сказала ему:

– Пусть Андрей поест. А ты ложись. Тебе надо выспаться.

– Какой ему ужин? – взвился отец. – Пусть так ложится.

Пусть прочувствует.

– Ты совсем разволновался, – сказал ему Андрей. – Знаешь, я лучше уйду.

Отец сузил глаза.

– Куда?

– Куда ты пойдешь? Господи, что вы со мной делаете?! – нервно воскликнула мать.

Андрей пожал плечами.

– Что-нибудь придумаю.

– Ты можешь, конечно, уйти, – сказал отец. – Но заруби себе на носу: больше мы тебя вытаскивать не будем.

– Конечно, – согласился Андрей, открывая входную дверь. – Я понял. Спокойной ночи.

Мать в крайнем волнении обратилась к отцу:

– Что ты сделал? Куда он пойдет?

– Пусть еще помотает на кулак соплей, – ответил отец, хотя не очень решительно. – Иначе ничего не осознает.

Андрей аккуратно закрыл за собой дверь и вышел во двор. Стояла парная июльская ночь. Свет в окнах Толяна и Петра Палыча уже не горел. Идти было некуда. Андрей сел на скамейку у подъезда, огляделся, посмотрел на небо. Лунный свет делал все вокруг неузнаваемым. Безразлично мерцали звезды. «Ничего, переживем, – подумал Андрей, – только жрать хочется, но это не трагедия, потому что жрать хочется практически всегда. И очередной скандал с отцом не трагедия, а обычная мелочь жизни».

Хуже всего было то, что, выпутываясь из одного простого положения, он попадал в другое, еще более трудное. И этому не было видно конца. Надо было искать выход. Но в голову не приходило ничего путного. Мысли вообще путались, клонило в сон. Андрей уснул прямо на скамейке. Ему снился Крюк. Основной центровых лежал на дне реки, у него были широко открытые белые глаза. Он зловеще улыбался и, извиваясь всем телом, быстро поднимался вверх, на поверхность реки. Он всплыл, выплюнул кляп и дико захохотал.

Андрей проснулся. Перед ним стоял Прыщ. Он был чем-то очень взволнован.

– Тебя зовет Алихан.

– Где он? Что случилось? – спросил Андрей. Сердце у него екнуло. Мелькнуло: «Тут что-то не так».

Прыщ сделал неопределенный жест:

– Здесь, недалеко. За домом.

Они обошли дом. Куст сирени загораживал свет уличного фонаря. В полумраке кто-то стоял. Андрей вздрогнул всем телом. Он не увидел, а скорее почувствовал: это Крюк.

Жара

Андрей попятился от Крюка, как от привидения, и чуть не упал. В спину что-то больно кольнуло.

– Ш-ш-ш, – прошептал сзади Прыщ.

Крюк подошел совсем близко. От него несло блевотиной. Видимо, когда выбрался из воды, его сильно рвало.

– Зря успокоился. Смерть тебя только пописать отпустила, – икая, сказал Крюк.

Он сделал движение рукой. В тусклых отсветах фонаря блеснуло длинное лезвие ножа. Андрей снова попятился и снова наткнулся на нож Прыща. Положение было хуже некуда.

Но Крюк не торопился с расправой.

– Где пушка, Корень? Отдашь пушку – будешь жить.

Пистолет лежал в подвале дома, совсем рядом. Пожалуй, его стоило отдать. Все-таки жизнь дороже. Но Андрей кожей чувствовал: как только он это сделает, Крюк тут же его зарежет. Подвал для этого самое подходящее место.

Андрей молчал, и Крюк рассвирепел. Он ударил сверху. В последний миг Андрей подставил руку, успел защититься, но только отчасти. Рука повисла плетью. Мышца возле локтя была перерезана.

Длинное лезвие исчезло из поля зрения, ушло в темень. Крюк занес руку для удара снизу. Реакция Андрея была чи-

сто инстинктивной. Он отпрянул назад и вобрал в себя живот. Но на этот раз Крюк попал. Точно в солнечное сплетение.

Он приблизил лицо почти вплотную к лицу Андрея.

– Провернуть?

Андрей часто со всхлипами дышал. Крюк вытащил лезвие.

– И так подохнешь.

– Он готов, – сказал Прыщ.

– Сваливаем, – сказал Крюк.

Они побежали. Андрей постоял несколько секунд и вдруг тоже побежал. Он не кричал, не звал на помощь. Он просто бежал вокруг дома, тяжело дыша, держась за живот, истекая кровью. Кровь лилась не столько из раны в животе, сколько из перерезанной на руке вены. Он обежал дом и пошел на второй круг. Он плохо соображал. У него был сильнейший болевой шок.

Але не спалось. Она вышла на балкон, увидела бегущего Андрея. Он упал под фонарем и остался лежать без движения. Аля сбежала вниз прямо в ночной рубашке.

Андрей прерывисто дышал. При свете фонаря было видно, как белеет его лицо.

– Помогите! – завопила Аля. – Помогите!

На балкон выскочил Петр Палыч. Он тут же вызвал «скорую».

«Скорая», сигналивая, мчалась по городу. Андрей лежал на

носилках, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Его бил озноб. Врач сделал укол и кричал в телефон, что пациент уходит. «Это обо мне, – понял Андрей. – Это я ухожу. Вот как, оказывается, это бывает!» Ему стало жалко себя до слез.

В больнице его переложили с носилок на каталку и повезли в операционную. Раздели догола и стали брить низ живота. «Что они делают?» – со стыдом подумал он. Услышал голоса медсестер:

– Он при памяти?

– Конечно. Смотри, прикрывается!

– Хулиган небось?

– Конечно, хулиган.

– Будет вам. Никакой он не хулиган.

Это был голос Кати. Она склонилась над Андреем и сделала ему какой-то укол. Ее глаза были совсем близко.

– Расслабься, – сказала Катя. – Закрой глаза и считай до десяти.

Наркоз подействовал на счете «шесть».

Андрей пришел в себя через сутки. Перед ним на постели сидел мужчина в белом халате. Кажется, это был хирург, который его оперировал. Рядом стояла Катя.

«Вроде, буду жить», – подумал Андрей и закрыл глаза.

– Знаешь, сколько из тебя вытекло? – сказал хирург. – Литра три. Считай, половина. Везунчик.

Андрей с усилием открыл глаза и снова закрыл. Тяжело было держать веки.

– Вколи ему димедрольчика, – сказал Кате хирург. – Пусть спит дальше.

Андрей проснулся ночью. В палате стояла еще одна койка. На ней прямо в одежде лежал Генка.

– Что ты тут делаешь? – удивился Андрей. Он говорил в полный голос, а получался шепот.

– Караулю твой сон, – коротко ответил Генка, вынимая из-за пояса пистолет.

– Новый сделал? – удивился Андрей.

– Нет, это тот. Обшарил подвал и нашел.

Генка положил пушечку на ладонь, полюбовался.

– Вообще-то обещал отдать Досанову. Но теперь вот ему! – Он сделал неприличный жест.

– А я обещал Алихану, – прошептал Андрей.

– Вот ему! – повторил свой жест Генка.

Андрей смотрел на него и не узнавал.

– Всем им теперь – вот! – зло повторил Генка. – Их надо мочить, как бешеных собак.

– А потом? – спросил Андрей.

– А потом я уеду. Я уже решил.

– Куда?

– Страна большая.

– Думаешь, Крюк хочет меня добить? – спросил Андрей.

– Сто процентов. Фурик в соседней палате, понимаешь? – горячо проговорил Генка.

– Может, тебе показалось?

– Я своими глазами видел здесь Крюка. А потом Фурик заглянул. Он уже ходячий. И Катя сказала, что они чего-то затевают.

Пришла Катя. У нее были усталые глаза. Она сказала, что приходил Досанов и очень разозлился, когда ему не разрешили пройти в палату.

– Кто-нибудь еще приходил? – спросил Андрей.

– Какой-то мужик. И твоя девушка, – сказала Катя.

– Палыч был и Аля, – уточнил Генка.

– Я рада за тебя, – сказала Катя. – Хорошая девочка. Может, что-нибудь поешь? Тебе тут нанесли всего. Хочешь яблочное пюре?

– Давай, – согласился Андрей.

Ему захотелось, чтобы Катя покормила его.

Генка вышел во двор покурить.

– Тебе надо уехать из города, – сказала Катя, открывая банку с пюре. – Так будет лучше. Я уже говорила с твоей мамой. Но она почему-то против.

Андрей сказал:

– Хочешь, я поеду с тобой в Семипалатинск? Кстати, как твои экзамены?

– Меня не приняли. – Катя поправила ему подушку. – Вообще бы слинять отсюда. У меня в ФРГ есть родственники.

– Постой, у тебя ж мама жива. Или нет?

Катя печально улыбнулась.

– Мама умерла недавно.

– Адам об этом знает?

– Да, он меня жалеет.

– Он не может на тебе жениться, – сказал Андрей.

Катя поднесла к его рту ложку пюре.

– Не может и не надо.

– А ты бы вышла за него?

Катя пожала плечами.

– Что об этом говорить?

– Тогда в чем дело? Поехали. Страна большая.

– Мне нельзя. Я – дочь ссыльных. Могу переехать только в другой город Казахстана. Но какой смысл? Везде одно и то же.

Андрей равнодушно глотал ложку за ложкой. Пюре было кислое, противное. Но он понимал, что надо набираться сил.

– Алька мне как сестра, – пояснил он.

– Хорошая девочка, – снова сказала Катя.

– Она мне просто как сестра, – повторил Андрей. – Уедем отсюда.

– Мама твоя против. Она считает, что тебе надо взяться за ум. Вот и все.

– Она ничего не понимает.

– Родители вообще мало что знают о детях, – задумчиво проговорила Катя. – Если бы знали все, пришли бы в ужас.

«Многие ребята живут спокойно. А я всю дорогу нарываюсь. Не понимаю, почему так получается», – хотел сказать Андрей, но язык его не слушался. Глаза сами закрывались.

Он устал.

Пришел Генка, предложил Кате:

– Иди, поспи.

Катя вышла.

Она недолго дремала в ординаторской. Ее разбудил Петр Палыч. Он пришел с незнакомым милиционером. Тот предъявил удостоверение и попросил показать, где лежит Фурик.

Фурик делал вид, что спит. Его обыскали, нашли нож.

– Мы увозим его, – сказал милиционер.

– А что я скажу главврачу? Больной исчез... – заволновалась Катя.

– Мы это уладим, – успокоил майор.

Катя вернулась в палату Андрея. Сказала, что Фурика увезли.

– Все равно я никуда не уйду! – Генка был настроен решительно.

Утром Катя впустила в палату Анну Сергеевну. Та медленно подошла к постели, села на краешек. Ее лицо сморщилось, она поднесла к глазам платочек, хотя слез не было.

– Как там ребята? – спросил Андрей. Он имел в виду братьев.

– Просились со мной. Привет передавали.

– Как отец?

– Переживает.

– Как? – спросил Андрей.

Мать смотрела непонимающим взглядом.

– Как переживает? – повторил Андрей.

– Курит, молчит, думает.

– О чем думает?

– Почему я знаю?

– Ну что-то, наверное, говорит.

– Перед людьми стыдно, сынок. Соседи спрашивают, что случилось. Не знаешь, что сказать.

Андрей молчал. У него не было больше вопросов. Анна Сергеевна спросила:

– Сколько тебя еще будут держать? Врачи не говорили?

– Не спрашивал.

– Недели две продержат. А потом дома будешь лежать.

Будет время подумать, как дальше жить.

– Уеду я, мама, – сказал Андрей.

– Куда? На какие деньги?

– Страна большая... – Андрею понравились эти слова. –

А деньги заработаю.

– Ты теперь месяца три будешь нетрудоспособный.

– А ты разве не дашь? Я верну.

– Откуда у меня? Отец только на питание дает. – Анна

Сергеевна вздохнула. – Никуда он тебя не отпустит.

Андрей усмехнулся.

– Я – его собственность, что ли?

Говорить расхотелось.

– Я устал, мама, извини.

Анна Сергеевна открыла тумбочку, проверила, что ел, че-

го не ел, вынула из сумки банку с компотом, посмотрела на Андрея, опять вздохнула и поднялась. В дверях она столкнулась с Катей. Несколько секунд женщины смотрели в глаза друг другу.

– До свидания, – сухо попрощалась Анна Сергеевна.

– Всего хорошего, – вежливо ответила Катя.

Катя заменила в капельнице банку с глюкозой. Потом присела на край постели, улыбнулась:

– У тебя такая строгая мама.

Андрею стало обидно. Он закрыл глаза.

– Температуры нет? – Катя положила ладонь ему на лоб.

– Все нормально, – сказал Андрей. – Что ни делается, все к лучшему.

– Тебя чуть не убили. Это, по-твоему, к лучшему?

– Ты любила свою мать? – спросил Андрей.

Катя ответила после короткого раздумья:

– Мама была моим богом. Она держала меня в строгости, но постоянно говорила, что очень меня любит.

– Постоянно – это как?

– Каждый день. Тебя Анна Сергеевна тоже любит.

– О да, – сказал Андрей. – Вколола бы ты мне еще димед-рольчика.

На другой день пришел Мишка. Он, как и Генка, был какой-то дерганый. Совсем как Андрей после ранения Костика. Сказал без рисовки:

– Если бы у меня был настоящий пистолет, я бы прикон-

чил Крюка.

– И получил бы лет десять.

Мишка покачал головой.

– Я бы все сделал чисто. Понимаешь, Крюк – псих. Он не успокоится, пока не пришьет тебя. А потом возьмется за нас с Генкой. Его надо остановить.

– Мишаня, остынь, – попросил Андрей. – Убийство – это не твое. Расскажи лучше, что новенького придумал.

Мишка сидел с обиженным видом:

– Зачем тебе знать? Ты ж в завязке.

Андрей рассмеялся.

– Может, развяжу, если дело стоящее.

– Знаешь новый дом, который недавно сдали? Там на первом этаже открыли ювелирный, – с воодушевлением сообщил Мишка.

Андрей округлил глаза.

– Умереть не встать! И что?

– На ночь все драгоценности убирают в сейф.

– Значит, можно только днем?

– Днем тоже – никак. Там сигнализация.

– И чего тогда облизываешься?

– Знаешь, что такое гениальность? – важно произнес Мишка. – Человек обдумывает решение с утра до вечера. Даже когда спит, его мозг работает. Это называется терпение мысли. Рано или поздно идея созревает. И все удивляются: надо же, такой, как все, а придумал!

– Мишаня, ты у нас, конечно, умнявый, – поддразнил его Андрей. – Только без меня и Геныча все равно ничего не сделаешь.

Мишка развел руками: мол, кто спорит?

– Мы с Генычем уедем, наверное, – сказал Андрей. – А как ехать без бабок?

– Молодцы, – обиделся Мишка. – А как же я?

– Ты ж не можешь ехать.

Глаза у Мишки подозрительно заблестели. Он с усилием выдавил:

– Скоро, наверное, смогу. У мамы, оказывается, рак. Ей осталось не больше месяца.

Оба долго молчали. «Вот и о жизни Мишки я ничего не знал, – думал Андрей. – И я ему о своей жизни ничего не говорил. Почему так?»

В дверях нарисовался Досанов. Мишка вышел из палаты.

Капитан держался как ни в чем не бывало. Положил на тумбочку лист бумаги, достал авторучку и приготовился записывать показания Андрея: как все произошло, кто его порезал и так далее.

– Темно было, – сказал Андрей.

Другого ответа капитан не ожидал. Спросил:

– Ну сам-то что думаешь: кто мог бы напасть на тебя?

– Плохие ребята.

Досанов хитро сощурился.

– И нечем было защититься?

– Нечем, но больше этого не повторится, – пообещал Андрей.

– Каждый имеет право защищать свою жизнь и достоинство. Но – в пределах допустимой самообороны, – назидательно сказал капитан.

– Спасибо, я помню все ваши уроки.

– Сорокин кое-что мне обещал. Скажи ему, слово надо держать. Иначе у вас снова будут неприятности.

– Не понимаю, о чем вы, – насторожился Андрей.

Капитан усмехнулся.

– Все ты понимаешь, Корнев. И все соображаешь. Сообрази и здесь. Не могу я спокойно жить и трудиться, пока ваш ствол где-то лежит. Вдруг снова выстрелит... Сотрите отпечатки пальцев и подбросьте. Не мне вас учить, как это лучше сделать.

Андрей лежал с отсутствующим видом. Капитан заполнил протокол.

– Прочти и подпиши.

– А что подписывать? Я ничего не говорил.

– Что ничего не видел и никого не подозреваешь.

Андрей пробежал глазами текст и поставил закорючку.

– Поправляйся, – сказал Досанов.

Дверь за ним закрылась. Вошла Катя. В ее руках был сверток.

– Будь с этим казахом осторожней. Он очень хитрый.

– Откуда знаешь? – спросил Андрей.

Катя замялась.

– От Адама?

Катя кивнула. Андрей хмуро глянул на нее. Катя положила сверток на тумбочку.

– Адам передал, – сказала Катя. – Чеченские лепешки, фрукты.

Андрей вспыхнул:

– Еще чего!

– Если не возьмешь, очень обидишь. А тебе и твоим ребятам нужна защита. Сами себя вы не защитите.

– Защитим, – глухо произнес Андрей.

– Завтра начинается суд над слободскими, – сказала Катя. – Адам говорит, все потерпевшие и свидетели отказались от показаний. Слободских могут выпустить. Они все равно не дадут вам спокойно жить. Не будь таким гордым, возьми лепешки.

– Лепешки у них вкусные, – согласился Андрей.

Его терзала ревность. Но он и без Кати понимал, что единственной его опорой, как ни крути, могут быть только чеченцы.

– Они ищут Крюка. Они умеют искать не хуже милиции. Ему не жить, – сказала Катя.

– Не любишь ты русских, – утвердительно произнес Андрей.

Катя усмехнулась.

– А тебя кто предал? Кто тебя чуть не зарезал? Адам же-

стокий. И все его ребята – головорезы. Но они живут по каким-то правилам. Они знают, где остановиться, потому что дальше начинается подлость. А для Крюка и слободских нет никаких границ. Это и не люди и не звери, потому что звери тоже живут по своим правилам. Они что-то другое.

Андрей слушал молча. Он был согласен. Только не мог согласиться, что Катя принадлежит Адаму, а не ему. Но он понимал также, что по-другому и быть не может. У него одни задатки. А у чеченца – сила, власть, деньги. Все при нем.

Вечером пришел Петр Палыч, принес сногшибательные новости. Убит Феликс и еще двое русских центровых. Майор не назвал имен, но Андрей понял: нет больше тех, кто принимал участие в суде над Крюком и кто бросал его в Иртыш.

– Завтра заберем тебя отсюда, – сказал майор. – Толян – за. Главврач не против. Но у него условие. Тебе требуется постоянное медицинское наблюдение. Договорились, что Катя будет приходить.

– Давно мы с вами не сражались, – вздохнул Андрей.

– Ну противник из тебя пока никакой.

– И охота вам со мной возиться?

– Это моя работа.

– Вы ж на пенсию вышли.

– В нашей профессии пенсия – понятие растяжимое. По-надобился – и рука под козырек. Сложная ситуация в городе, Андрюха. Просто вы, пацаны, многого не знаете. Хотя... мы не знаем того, что знаете вы.

Они закурили. У Андрея после первой затяжки все поплыло перед глазами. Петр Палыч прокашлялся и вкрадчиво заговорил:

– Ты заметил, я ни о чем тебя не спрашивал? Кое-что про тебя понимал, но молчал? А сейчас скажу. Обидно будет, если оклемаешься и снова вляпаешься. В твоём возрасте трудно самому остановиться. Но ты все же попробуй.

– Вопрос можно?

– Давай, – отозвался майор.

– За что вы хотите кого-то убить?

Петр Палыч тяжело вздохнул.

– Долго рассказывать, Андрюха. Есть одна тварь, которая не заслуживает жизни.

– Но вы ж за эту тварь сами сядете.

– А что делать, если система бессильна?

– Какая система?

– Правоохранительная. Какая же еще? Эта тварь сидит тут, совсем рядом, и вот-вот освободится. Вообще-то ему бы еще сидеть и сидеть. Но слишком много стали значить у нас денежки. Выкупится эта тварь и начнет распространять во-круг себя заразу.

– У него на ключицах не выколоты звезды? – спросил Андрей.

– Выколоты.

– А на спине – распятая женщина?

– Точно. Ты что, знаешь его? – удивился Петр Палыч.

– По-моему, да. Я видел его с крыши дома. Коньяк ему перебрасывал. Он меня дружкойм называл.

Петр Палыч оживился.

– Точно! Его словцо. Понравился он тебе?

Андрей молча пожал плечами.

– Ничего не предлагал? – спросил майор.

– Сказал, что он – мой счастливый лотерейный билет.

– Значит, и насчет тебя у него есть планы.

– Как его зовут? – спросил Андрей.

– Алмаз. В Союзе вор в законе номер один Бриллиант. А этот назвался Алмазом. Мол, жемчужина преступного мира.

Петр Палыч нахмурился.

– Знаешь, Андрей, тебя могут втянуть в очень опасную игру. Причем так это сделают, что у тебя дыхание будет спираться от восторга. Этот Алмаз отнял у меня сына. Обидно будет, если и тебя уведет.

Следующей ночью Петр Палыч и Толян перевезли Андрея к себе. Катя установила капельницу и уехала отсыпаться.

А утром пришла Аля, обиженная с головы до ног. Оказывается, она приходила в больницу, но Катя не пустила ее в палату.

– Она будет приходить сюда? – спросила Аля.

Андрей ничего не ответил.

– Ну и черт с ней, – сказала Аля. – Тогда я буду тебя кормить.

– Все равно не она меня спасла, а ты, – сказал Андрей.

– Вот-вот, никогда этого не забывай.

Аля пошла на кухню готовить: Андрею – кашу, Петру Палычу и Толян – яичницу.

Здоровые ели за столом, Андрей – в койке. Все были довольны, шутили, любовались Алей. Она была в центре внимания.

Толян блеснул банальной шуткой:

– Пусть к сердцу мужчины лежит через желудок.

– К кому через желудок, а к кому – через капельницу, – мгновенно отозвалась Аля. – Кстати, физраствор кончается. У вас есть запасная банка?

– Есть. Катя оставила. Что-то она задерживается, – пробормотал Петр Палыч. – А ты в этом что-то понимаешь? Можешь заменить?

– Конечно, у меня мама – фельдшер, – отозвалась Аля.

– А отец?

– Вообще-то он военный, но сейчас работает в ДОСААФ.

Аля меняла физраствор. Пришла Катя, удивленно спросила:

– Может, ты и перевязывать умеешь?

Аля подняла подбородок.

– И перевязывать.

Катя собиралась идти в ванную мыть руки. Но теперь передумала.

– Покажи, как умеешь.

Аля делала все, как надо, только медленно, неуверенно.

Катя не вмешивалась. Сказала, когда Аля закончила перевязку:

– Теперь я спокойна. Есть кому заменить.

Катя подошла к Андрею.

– Имей в виду. Тяжелые ножевые ранения сопровождаются психической травмой.

Андрей слабо улыбнулся.

– Совсем дураком стану?

– Ну куда уж больше-то?

Катя сухо попрощалась. Вместе с ней ушли Петр Палыч и Толян. Они хотели побывать на суде над слободскими.

Аля сказала Андрею:

– Ко мне подошел какой-то парень, сказал, что он Джага. Передал тебе привет от Звана.

– Больше ничего не говорил?

– Нет. А кто такой Зван?

Андрей понял, что лучше рассказать Але все. Пусть держит ушки на макушке.

Петр Палыч и Толян пришли во второй половине дня. Андрей никогда еще не видел майора таким накаленным.

– Все разыграно как по нотам: свидетели отказываются от показаний, потерпевшие забирают заявления. Бабу ограбили, вырвали вместе с серьгами мочки ушей, а она говорит: не помню такого. Черт знает, что творится! А судья Щукина, по-моему, не боится выложить партбилет! Значит, получила такие деньги – до конца жизни хватит.

– Но ведь судью можно заменить, – заметил Толян.

Петр Палыч разбушевался еще больше:

– Она председатель областного суда! Кем ее заменить?

Простым судьей? И какие для этого основания? Формально Щукина действует в рамках закона: если свидетели и потерпевшие так себя ведут, а обвиняемые признательных показаний не дали, какой тут может быть приговор? Дело разваливается. Ах, сука! Что происходит? Куда мы катимся?

Из кухни пришла Аля. Принесла борщ, начала разливать по тарелкам. Андрей лежал, принюхивался. Пахло вкусно.

– Я тут ругнулся, – виновато произнес Петр Палыч.

Аля отмахнулась.

– Сука – ругательство литературное. Мне в таких случаях только за собачек обидно. – И добавила: – Ну и жизнь тут у вас – что зря. Даже судьи продажные. У нас такого нет.

Петр Палыч возразил:

– Не все такие и здесь. В основном судьи у нас неподкупные. Хотя... Неподкупность можно расценивать по-разному. Например, когда просто не пробовали купить.

– По-вашему, честных людей вообще нет? – спросил Толян.

– Мы говорим о судьях, – отвечал Петр Палыч. – Что касается людей вообще, то и здесь все относительно. В одних обстоятельствах человек честный. В других...

– В общем, идеально честных нет? – спросил Толян.

– Если хочешь, чтобы я сказал «да», хорошо, скажу «да».

Хотя, наверное, есть и редкие исключения, – терпеливо ответил Петр Палыч.

– А вы согласны, что в нашей стране создан новый человек? – не унимался Толян.

Петр Палыч закашлялся.

– В том-то и дело, что создан.

Толян подумал и спросил:

– Считаете, советский человек – как бы искусственный?

Петр Палыч пожал плечами.

– Война показала, что нет.

– А мирное время что показывает?

– А то и показывает. Еще недавно это было невозможно: чтобы бандиты запугивали потерпевших и свидетелей, чтобы судья плясала под дудку бандитов. Ты этот цирк своими глазами видел. Вот и делай выводы.

Петр Палыч пошел курить на кухню. В дверях обернулся и сказал Толяну:

– Не обижайся, но есть у меня сомнение в вашем поколении. Видел я сегодня твоих сокурсничков. Есть что-то в их глазах... А может, наоборот, чего-то в их глазах нет. Они, конечно, тоже будут сажать. Но не так, как мы.

Толян обиженно вздохнул и уткнулся в учебник.

Он читал недолго. Петр Палыч вернулся с кухни.

– А ты заметил, как вели себя чечены? Как они смотрели на судью?

Толян поднял глаза, он не понял вопроса.

Майор объяснил, понизив голос:

– Если слободские выйдут, снова будет рубка. Значит, чечены заинтересованы в том, чтобы они не вышли. Если допустить, что Щукина берет взятки, то первыми, от кого она взяла, почти наверняка были чечены. Короче, исход суда зависит от того, кто больше дал и кого судья больше боится.

Прошло две недели. Андрей поправлялся быстро. Раны затягивались, как на собаке. Уже вытащили нитки. Шрамы были безобразные. Левая рука от пореза стала тоньше правой. В ней не чувствовалось силы. От пресса на животе осталось одно воспоминание. Сильными остались только ноги. «Чтобы убежать», – невесело думал Андрей.

Последнее время пацаны общались без него. Сказали, что готовят сюрприз. И однажды ночью привели его в подъезд нового дома.

Они спустились втроем к двери бомбоубежища. Перед ними была тяжелая металлическая дверь. На ней висел огромный замок. Мишка с торжественным видом вынул из кармана ключ и прошептал:

– Геныч у нас все-таки мастер. Сделать ключ по слепку... Я не подтачивал, не подгонял. Я просто подошел и открыл. Как сейчас.

Мишка снял замок и с трудом повернул два засова, обеспечивавших бомбоубежищу герметичность. Потом с еще большим трудом открыл тяжеленную дверь и сказал:

– Геныч, мы с Андрюхой зайдем, а ты закрой за нами

дверь, повесь замок и погуляй.

– Замок закрыть? – удивленно спросил Генка.

– А как же? Вдруг из гражданской обороны придут проверять?

– Ночью?

– Они когда хочешь могут прийти.

Генка рассмеялся.

– Ну, предположим, пришли, а вы там: здравствуйте!

– Там есть где спрятаться, – успокоил Мишка. – Откроешь ровно через десять минут.

Мишка повел Андрея по бомбоубежищу. В каждой комнате он включал свет. Везде стояли темно-зеленые армейские ящики и какие-то приборы, на стеллажах лежали противогазы, медицинские сумки, носилки. Помещение наполовину было складом гражданской обороны.

– Сечешь, куда идем? – спросил Мишка.

– Давай без загадок, – проворчал Андрей.

Они пришли в совершенно пустой отсек, где не было освещения. Мишка включил фонарик.

– А теперь слушай.

Он начал простукивать потолок. В углу отсека был пустотный звук.

– Здесь не сплошной бетон, – сказал Мишка, переходя на шепот. – А что над нами, догадываешься?

– Ювелирный?

– Точно, – торжествующе произнес Мишка.

– Странно, – пробормотал Андрей. – Как ты нашел это место?

– Нарисовал чертеж, сделал замеры, а потом простучал потолок.

Мишка повел Андрея дальше. В конце бомбоубежища была еще одна металлическая дверь, закрытая на засовы изнутри.

– Снаружи замка нет, – сказал Мишка. – В случае чего можно смыться через эту дверь.

Он посмотрел на часы. Десять минут истекали. Они пошли обратно. Генка ждал. Теперь была его очередь. Он вошел вместе с Мишкой в бомбоубежище, а Андрей закрыл за ними дверь на замок.

Потом они сели на скамейку в сквере напротив ювелирного и начали обсуждать план более детально.

– Главное препятствие – арматура в бетонной плите, – с важным видом объяснял Генка. – Специальные ножницы я достану. Найду арматурную сетку, zaseку, сколько на нее понадобится времени. В общем, за мной работа по металлу.

Мишка продолжил:

– За мной остальное. Главное – правильный хронометраж. На то, чтобы забрать драгоценности, нужно минут десять. На отход – минут пять. Значит, на подготовку отверстия должно уйти минут пятнадцать-двадцать. Нужно уложиться минут в сорок. Тогда все пройдет без осложнений.

– Я так понял, вы снова решили поставить меня на стре-

ме? – хмуро спросил Андрей.

– По состоянию здоровья, – сказал Мишка.

Генка добавил:

– Андрюха, неважно, кто где, главное – результат. Все равно все делим поровну.

– Может, когти рвать придется, ну как ты побежишь? – спросил Мишка.

– Черт с вами, – подумав, согласился Андрей.

На другой день Андрей решил провести свою разведку. Нужно было установить, когда продавцы уходят на обед и когда возвращаются. Сел на скамейку напротив ювелирного и начал наблюдать.

Неожиданно кто-то свистнул. Это был Джага. Калмык делал знак: подойди. Андрей подошел. Рядом с Джагой на скамейке сидел Расписной. Вблизи он выглядел моложе. Ему было не больше сорока. Он протянул руку.

– Как делища, Корень?

Голос у него был хрипловатый, прокуренный.

– Нормально, – отозвался Андрей, отвечая на рукопожатие.

– Давай знакомиться, – сказал Расписной. – Можешь звать меня Алмазом. Садись слева, чтобы я лучше тебя слышал. Ты легок на помине. Я только что Джаге сказал: как там, говорю, золотой пацан Корень? Говоришь, дела идут нормально? Брось, нет человека без проблем. Давай выкладывай.

Глаза у блатного были цепкие, ощупывающие, но глядели

весело. Андрей сел, смущенно кашлянул. Он не знал, что сказать.

Расписной усмехнулся, показал желтые от чифира зубы.

– Ты, я вижу, не в настроении? Это поправимо. – Он поднялся. – Пошли.

Андрей встал следом.

– Куда?

– В кабак, куда ж еще? К Любаше. Заждалась небось.

Странное дело, Андрей тут же забыл, зачем пришел в сквер. Пошел за Алмазом, как баран на веревочке. Даже самому смешно стало. Блатной был ниже Андрея на полголовы. Он шел заметно прихрамывая и говорил Джаге, продолжая незаконченный разговор:

– Все, кто ставит нам шлагбаум, должны быть аннулированы. Эти твари не заслуживают жизни. Ты обзвонил братву?

Джага кивнул.

– Ну вот и хорошо. Через пару дней будем встречать. Мы покажем хаволям их место в стойле.

Он имел в виду чеченцев. А сам между тем шел в ресторан, который они контролировали.

В дверях их остановил Гасан.

– Ты Алмаз?

Блатной сузил глаза.

– Ну.

– Ты можешь войти. И Корень может. А этому, – Гасан

показал глазами на Джагу, – здесь делать нечего.

Алмаз очень удивился:

– Ты мне указываешь?

Гасан кивнул на Джагу:

– Я ему указываю.

– Но он со мной!

Гасан примирительно развел руками:

– Извини, Алмаз. Мы – солдаты. Нам сказано не пускать – мы не пускаем. Вы с Адамом – генералы. Решите этот вопрос между собой.

– Адам здесь? – спросил Алмаз.

– Он будет позже.

– Ладно, погуляй пока, – сказал Алмаз Джаге.

Любаша встретила Алмаза, как родного. Мигом принесла две бутылки холодного пива. Алмаз сделал глоток и блаженно зажмурился.

– Хорошо!

– Что будем кушать? – спросила Любаша.

– Принеси-ка мне борщеца, – сказал Алмаз. – Да со сметанкой. Да вчерашнего. А остальное – на свой вкус. Всего понемногу. А если не успеем все сметать, мало ли чего, то доедим у тебя, попозже. Примешь?

Любаша зарделась.

– Обслужу по высшему разряду.

Она убежала на кухню. Алмаз посмотрел вслед. Хитро подмигнул Андрею:

– Не приревнуешь? – Добавил, глядя на смущенного пацана. – Это я должен ревновать. Я у нее был первым. Хороша была мармеладка.

Неожиданно он переменялся в лице. Он кого-то увидел. Андрею хотелось обернуться. Но он пересилил себя. А взгляд Алмаза поднимался. Человек, на которого он смотрел, подходил все ближе.

– Если Алмаз откинулся утром, то где его можно найти вечером? Конечно, в кабаке. Праздник у человека. С освобожденьцем, Алмаз!

Это был Петр Палыч. Он подошел к столику и сел на свободный стул.

Алмаз сделал глоток пива, отер у рта пену и хрипло сказал:

– Сел бы ты, начальник, за другой столик, а? Ну, неудобняк мне. Что люди скажут? Алмаз с мусором воркует.

– У тебя свидетель есть! – Петр Палыч показал глазами на Андрея. – В случае чего подтвердит, что мусор уселся внагльак, без приглашения. Хотя свидетели тебе уже не понадобятся.

Алмаз скривил губы.

– Ну, ты прямо как кот ученый, загадками говоришь.

– Где Вилен? – спросил Петр Палыч.

Алмаз усмехнулся, пожал плечами.

– На югах, наверно. А ты, я вижу все квасишь. Тебе сколько сейчас? О, так ведь тебе, как дедушке Ленину в год его

смерти, 54 года! Ты ж на шесть лет меня старше. Но выглядишь хреново. Водочка еще никого не красила. А я вот, как дедушка Ленин, пивко попиваю.

Петр Палыч прикрыл ладонями глаза. По его щекам ходили желваки. Алмаз тоже переменялся в лице.

– Давай кончим этот базар, а то у меня от тебя изжога.

– Знаешь мой принцип? – спросил майор. – Если закон бессилён, мы вправе пойти на риск.

– Это не твой принцип, а Шерлока Холмса. Но он был честный сыщик. А ты всегда был преступником в погонах, – отчеканил Алмаз.

Петр Палыч покачал головой.

– Освободить мир от таких, как ты, – не преступление.

– Ты от меня никогда не избавишься. Я – твоё порождение, – улыбнулся Алмаз.

– Избавлюсь.

Майор сунул руку в боковой карман пиджака и вытащил «тэтэшник». Это было так неожиданно. Андрей невольно отпрянул и бросил взгляд на Алмаза. Блатной со вкусом отхлебнул пива и рассмеялся:

– Безумник! Спрячь, не позорься. Перебори свой аффект. Ты ж мусор, а не баклан.

Алмаз собирался еще что-то сказать, но осекся. С майором происходило что-то неладное. Он побледнел, схватился правой рукой за сердце, пистолет с глухим стуком упал на пол. Алмаз сделал Андрею знак глазами: подними! Андрей

подгрел ногой «тэтэшник» поближе к себе, как бы нечаянно уронил пачку сигарет, нагнулся и подобрал с пола пистолет.

Алмаз приподнялся с брезгливой гримасой и крикнул:

– Вызовите «скорую»! Старику плохо.

К столику поспешили метрдотель, официантки. Кто-то побежал за нитроглицерином.

В дверях зала показался сержант милиции.

– Что тут происходит? – спросил он, подойдя к столу.

– Кажется, инфаркт, – сказал метрдотель.

– Аптечка есть?

– Сейчас дадим нитроглицерин.

Сержант, метрдотель и Андрей вынесли Петра Палыча в вестибюль, положили на диван.

Вскоре приехала «скорая» и увезла майора. Алмаз и Андрей снова сели за свой столик. Гасан не сводил с них взгляда. Появился Адам. Гасан шепнул ему что-то на ухо. Адам кивнул и начал задумчиво цедить пиво.

Алмаз приказал Андрею:

– Пойди и скажи Адаму, что базар будет не здесь. И с его стороны чтоб был только Гасан.

Андрей подошел к Адаму и передал ему слова Алмаза.

– Идите к моей машине, – приказал чеченец.

Впереди была полная неизвестность. Когда имеешь дело с чеченцами, нельзя быть уверенным ни в чем. Сидя с Алмазом на заднем сиденье, Андрей искоса посматривал на него. У блатного даже лоб не вспотел. Хотя в машине была страш-

ная духота. «А я боюсь», – признался себе Андрей. «Тэтэшник», как ни странно, не прибавлял уверенности.

– Алмаз, ты правильно сделал. Никто нас не разведет, только мы сами, – прервал молчание Адам. Он сидел на переднем сиденье справа от Гасана.

– Споры – вещь естественная, – отозвался Алмаз. – Главное – не доходить до крайностей.

– В городе сложная обстановка, но мы заинтересованы в спокойствии. Любой вопрос можно решить без кровопролития, – согласился Адам.

Машина выехала за город. Андрей заметил, что они едут в знакомом направлении. Этим маршрутом везли Крюка. Стало не по себе. Андрей осторожно вынул из-за пояса пистолет и осмотрел обойму. Она была полная – восемь патронов. Алмаз протянул растопыренную пятерню. Андрей отдал пистолет.

Гасан остановил «Волгу» в том же месте, где судили Крюка. Адам открыл дверцу, собираясь выйти. Алмаз сказал:

– Давай не будем выходить, здесь перетрем наши проблемы.

Адам подумал и закрыл дверцу.

– Я не буду говорить о Варфоломеевской ночи, которую ты устроил слободским... – начал Алмаз.

Адам тут же прервал его:

– Угу, только до этого слободские грохнули приемщика стеклотары, потом своего пацана, который с ними распле-

вался, и пытались свалить это на нас.

– Адам, – сказал Алмаз, – во всем надо разобраться досконально. Не буду скрывать, я вызвал из других городов наших лучших людей. За ними тьма братвы. Поимей это в виду. Теперь о Зване. Ты знаешь, он временно поставлен на положение. Он пока в городе смотрящий. А ты его ни во что не ставишь. Думаешь, братва это поймет?

Адам весело оскалился.

– Перед вами вся страна открыта, а мы – ссыльные. Нам тут надо как-то выживать. Если вы будете настаивать на Зване, нам придется воевать.

– Вы это уже порешили?

– Порешили, – передразнил Адам.

– Лады! – Алмаз сделал вид, что не заметил издевательского тона чеченца. – Перейдем ко второму вопросу. Вы не гоните грев, не помогаете томящейся братве. Братва недовольна.

– А разве мы когда-то это делали? – невозмутимо спросил Адам. – Ты знаешь, у нас своя община. Мы друг с другом делимся. Мы не можем делиться еще и с вами. Мы другие, Алмаз. Пора бы привыкнуть к этому.

– Я и говорю: братва недовольна, что вы считает себя особенными, – мрачно произнес Алмаз.

– Но мы и есть особенные. Разве не так?

– В смысле, никого не празднуете?

– В смысле, не любим ультиматумов. И в туалет ходим с

водой, а не с газеткой. Жопу моем, а не подтираем. И своих не обираем, не насилуем, не истребляем. И Бог у нас другой. Нужно согласиться, что у нас много различий, Алмаз.

Адам говорил спокойно, как бы стараясь не спровоцировать Алмаза на взрыв ярости. Но его слова были оскорбительны сами по себе, независимо от интонации.

– Ты резал наших людей в Карлаге, Алмаз, – продолжал Адам. – Но здесь не зона. Так что давай договариваться.

– На твоих условиях?

Адам усмехнулся и покачал головой.

– Я понимаю, чего ты хочешь. Сломать чеченов в одном городе, вырастить на этом авторитет. Смотри, не промахнись, Алмаз. Нас истребили немало, но мы выжили и когда-нибудь предъявим счет. Нас Сталин с Берией не сломали. Неужели думаешь, у тебя это получится?

– Когда вас привезли сюда в сорок четвертом, – ответил на это Алмаз, – никто вас не пытался ломать, пока вы не начали наглеть. Мы берем все, что хотим, – чье это понятие?

– Ну и что дальше? – спросил Адам.

– Все торговые базы – ваши. Все крупные магазины – под вами. Драмтеатр – ваш. Горсад с танцплощадкой – ваши. Хороший кинотеатр для Новостройки соорудили, а чей он теперь? Ваш. Новостроевские кабак с гостиницей – чьи? Ваши. Еще немного – и вы весь город к рукам приберете. Так что не ломаем мы вас, а бьем по рукам. Чтобы не захапали всего. Вам давно уже разрешили вернуться в вашу Чечню.

Что ж не возвращаетесь? Что вас тут, на чужбине, держит? Мало наворовали?

– Не хочешь ты договариваться, Алмаз, – заметно раздражаясь, отвечал Адам. – Непонятно, на что рассчитываешь. Ну прикатит твой десант. Так ведь нас все равно больше раз в сто. Не смешил бы ты людей, Алмаз. Свалил бы лучше отсюда.

– Не забывайся, парень, – с угрозой произнес Алмаз.

Адам рассмеялся.

– Это ты не забывайся. А то мы с Гасаном – обидчивые.

Рассмеялся и Алмаз.

– Ладно, Адам, моя душа чиста. Я сделал попытку. Но ты так ничего и не понял. Давай как приехали сюда, так и уедем. Подобру-поздорову.

– Даже отлить нельзя? – с иронией спросил Адам. – Нет, Алмаз, мы все-таки отольем.

Чеченцы вышли из машины, справили малую нужду и вернулись. В руке у Гасана неожиданно появился знакомый, похожий на кортик, нож. Чеченец был настроен очень решительно. Он дернул на себя дверцу, за которой сидел Алмаз, и остолбенел. На него глядело дуло пистолета.

Гасан вытаращился на Адама. Взглядом спрашивал, что делать.

– Адам, – со смешком произнес Алмаз, – тебе не жалко твоего народного чеченского автомобиля? Я ведь могу выйти и шмальнуть в бензобак.

– Поехали, – сказал Адам.

Всю обратную дорогу никто не проронил ни слова. Злой Гасан гнал с бешеной скоростью.

Перед тем как выйти из машины, Алмаз сказал Адаму:

– Мы говорили друг другу неприятные вещи. По-моему, у вас даже были планы вернуться в город без нас с Корнем. Но мы не дошли до прямых оскорблений. Значит, шанс договориться остается. Думайте, представители маленького, но гордого народа. Время еще есть.

Ругаясь на своем языке, чеченцы высадили Алмаза и Андрея в Слободке и укатали к себе в Гусинку. Алмаз повернулся к Андрею:

– Смотрю на тебя, Корень, и себя вижу. Давай теперь к Любаше. Она скоро придет.

– Я лучше домой, – сказал Андрей.

– Какой домой? Не допили, не доели. Обсудить надо кое-что. Есть идея на миллион денег. Ты ведь любишь большие деньги, Корень. Так вот, считай, они у тебя в кармане. Есть одно место. Там все подготовлено. Залезай и забирай.

– Почему я? Кто я вам? – спросил Андрей.

Алмаз хотел сплюнуть, но передумал.

– Ну, во-первых, ты свои интеллигентские привычки брось. У нас все на «ты». Во-вторых, я вижу цвет твоей печени, Корень. Пацан ты порядочный, нам такие нужны.

– У меня мать болеет, – соврал Андрей.

Глаза у Алмаза стали холодными.

– Перехвалил я тебя?

Андрей пожал плечами.

– Ладно, топай, – согласился Алмаз. – Свидимся. Джага тебя найдет.

Андрей шел по улицам Слободки. Еще не было темно. Местная шпана смотрела исподлобья, но никто не задевал, даже словом.

У себя в Новостройке он собрал кентов, рассказал о последних новостях и поделился догадкой. Кажется, бетонная плита в потолке бомбоубежища, которую они простукивали, не строительный брак, а заготовка Алмаза. В каком еще магазине города товаров на миллион рублей? Где еще этот миллион легко взять? И на каком доме работал, точнее, делал вид, что работает, Алмаз?

– Крюк забрал половину, а Алмаз заберет все, – пал духом Мишка.

– Нужно просто сделать это по-быстрому, – сказал Генка.

Они еще долго обсуждали предстоящую операцию, стараясь предугадать любые неожиданности. Слово «операция» первым произнес Мишка, а следом стали повторять и Андрей с Генкой. Они пришли к общему мнению, что в их распоряжении совсем немного времени, максимум двое суток.

Генка и Мишка пошли по домам. Андрей решил навестить Петра Палыча.

Дежурила другая медсестра, не Катя. Она знала Андрея. Майор лежал на высоких подушках. У него было синюш-

ное лицо. Андрей подошел к постели и сел на стул. Петр Палыч открыл глаза и тихо спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – ответил Андрей. – Еле ноги таскаю.

– Спасибо, что пришел. Некстати я раскис, – сказал Петр Палыч.

Андрей сочувственно вздохнул.

– Все будет нормально.

Подумал: «Спросит или не спросит про пистолет?» Но майор молчал. Молчание затягивалось. Андрей спросил:

– А вы не можете сказать, что с вашим сыном?

– Алмаз увез его. Отомстил мне.

– Как увез? Разве ваш сын – маленький ребенок?

– Вилен постарше тебя. А увез его Алмаз два года назад.

Сначала думали, насильно. Но потом Вилен прислал письмо. Он хотел, чтобы меня уволили из органов. В конце концов так и вышло: меня уволили.

– Вы били сына?

Петр Палыч утвердительно кивнул.

– Если вас уволили, откуда пистолет?

– С фронта привез. Разве у твоего отца ничего нет?

– У него сабля, – сказал Андрей.

– Сабля? – удивился Петр Палыч. – Он что, кавалеристом был?

– Он топограф. При штабах служил. Хотя, говорит, и в разведку приходилось ходить. А саблю ему кто-то подарил.

Петр Палыч поджал губы.

– Вот и ты отца не любишь.

– Но я его никогда не предаю.

– Уверен?

– Одно время мне хотелось его убить. Но я понял, что не смогу. Значит, не смогу и предать. А жена ваша где?

Майор тяжело вздохнул.

– Она покончила с собой, Андрюха. Она не могла больше жить... со мной. А я подумал: нет, сначала я Алмаза на тот свет отправлю, а потом только себя. Я его искал по всему Союзу.

Вошла медсестра, предупредила, что время вышло. Андрей поднялся. Петр Палыч беспокойно задвигался, помаанил Андрея пальцем, сказал на ухо:

– Тебе хирург говорил? Нож-то прошел в сантиметре от аорты. То, что ты остался жив, просто чудо. Но чудеса просто так не происходят. Если остался жив, то зачем? Соображай.

Андрей вышел из больницы и остановился. Идти к Толяну не хотелось. Он надоел своему школьному товарищу. Тот даже не считал нужным это скрывать. Мелькнула мысль: может, вернуться домой? Нет, только не это. Он уже возвращался и хорошо помнит, чем все кончилось. Если бы отец пришел к нему в больницу, тогда другое дело. Но родитель выдерживает характер. Ну и флаг ему в руки.

Однако ноги сами принесли Андрея в знакомый двор. Уже темнело. Но взрослые все еще играли в волейбол. Из

какого-то окна доносилась музыка. На скамейке сидели девчонки. Пацаны развлекали их, как могли. Ребята были всего на год-другой младше Андрея, но он смотрел на них, как на детей.

От девчонок отделилась Аля.

– Ты где пропадаешь?

– Гуляю, – сказал Андрей.

– Можно с тобой?

– Я до утра буду гулять.

Они прошлись по двору и сели в сквере напротив ювелирного.

– На этой скамейке часто сидят слободские, – сказала Аля. – Балдеют, к девчонкам пристают.

Андрей усмехнулся.

– Хорошо.

– Хорошо, что пристают?

– Хорошо, что сидят.

– Что у тебя общего с этими слободскими? – спросила Аля.

– Давай не будем об этом, – ушел от ответа Андрей.

– Я видела тебя здесь сегодня в сквере, напротив ювелирного.

– Следишь?

– Просто у меня окно выходит в сквер.

Андрей сказал раздраженно:

– Алечка, занимайся музыкой, готовься к школе, читай

книжки, сиди дома и не высовывай носа, иначе это плохо для тебя кончится.

Аля ничего не ответила. На этот раз совсем обиделась. Андрею стало жаль ее.

– Ладно тебе. Пойдем к Толяну, попьем чаю.

На самом деле ему хотелось есть.

Толян сказал Андрею, что приходила Анна Сергеевна.

– Она переживает, понимаешь? Просила повлиять на тебя. Хочет, чтобы ты вернулся. Какого черта ты заставляешь ее унижаться?

У Толяна не оказалось ни сахара, ни хлеба.

– Я схожу домой, принесу чего-нибудь, – предложила Аля.

– Не надо. Ничего не надо.

Толян сказал эти слова с раздражением человека, который хочет остаться один.

Андрей не чувствовал обиды. Толян и без того долго терпел его. Их дороги расходились на сто восемьдесят градусов. Толян уже чувствовал себя будущим юристом. Ему претил образ жизни Андрея. Он начал бояться за свою репутацию.

– Толян, дай мне срок до завтра, – попросил Андрей. – Мне надо придумать, куда перенести вещи.

– Я не тороплю, – холодно ответил Толян. – Значит, домой не вернешься?

– Нет.

– Тогда твоим домом станет тюрьма. Это в лучшем случае.

– А в худшем?

Толян посмотрел на Андрея и Алю, как бы сомневаясь, стоит ли говорить. И все же сказал:

– Могила.

Толян всегда умел резать правду-матку прямо в глаза.

Андрей почувствовал усталость. Ему хотелось прилечь.

Но он должен был проводить Алю.

До ее дома оставалось метров сорок. И тут Андрей увидел Джагу и еще одного слободского пацана. Настороженно поглядывая по сторонам, они зашли в подъезд, где находился вход в бомбоубежище. «Нет, не просто так они здесь ошиваются», – подумал Андрей.

На следующий день ребята забрались на крышу, чтобы утвердить окончательный план действий. Генка сказал, что он опробовал ножницы по металлу. Похоже, с арматурой особых проблем не будет. Но на то, чтобы с ней справиться и сделать отверстие, понадобится не меньше получаса.

Еще раз посчитали. Получилось, что вся операция займет пятьдесят минут.

– Магазин обычно закрывается на пять минут позже положенного времени, а открывается иногда раньше минут на пять. В запасе ни одной минуты, – сказал Генка.

Андрею показалось, что друган просто ищет повод, чтобы выйти из игры. Не исключено, что так и было. Но сказать это прямо Генка не решался.

Еще больше удивил Мишка. У него появилась новая идея. Он сказал, что куда важнее не стоять на стреме, а обеспечить

всем троим железное алиби. Мишка предложил на этот счет подробный план действий.

Они еще долго обсуждали каждую мелочь. Потом сходили к Толяну и перенесли вещи Андрея на чердак. Там он и провел ночь накануне операции.

Десант блатных

Утром Андрей купил три билета на двухчасовой сеанс. В вестибюле, пряча под рубашками заточенные велосипедные спицы, топтались чеченские пацаны. Следили, чтобы в кино-театр не проскочили слободские. У входа в «Ударник», возле фонтана, сидели на скамейках чехи постарше. Они проводили Андрея мрачными взглядами.

Возле кинотеатра стояло недостроенное двухэтажное здание. Андрей спрятал там сумку. В сумке было несколько бутылок с водой, мыло, полотенце и чистая одежда для друзей.

В 13.40 ребята пошли в «Ударник». По пути им неожиданно встретилась Зойка Щукина. Дочку судьи было не узнать. Дорогое крепжоржетовое платье, роскошные босоножки, миниатюрные золотые часики.

Андрей остановился. (Генка и Мишка пошли дальше.) Несколько секунд они с Зойкой молча смотрели друг на друга.

– Ты изменился, – сказала Зойка.

– Ты тоже, – отозвался Андрей, насмешливо оглядывая ее с головы до ног. – Чего это ты вырядилась? Праздник какой?

– Мама выиграла в лотерее, – сказала Зойка. Она чувствовала себя неловко.

Андрей усмехнулся.

– Я так и понял. Сколько? Миллион?

– Представляешь, машину. «Москвич». Но она взяла деньги.

– Везет людям, – сказал Андрей.

А сам подумал: «Ага, расскажи эту сказку кому-нибудь другому».

– Чего не заходишь? – с обидой спросила Зойка.

– Зайду как-нибудь.

– Куда сейчас?

– В кино.

Зойка сказала ехидно:

– Эта Аля тебе, наверное, в рот смотрит.

– Знаешь, я могу опоздать, – сказал Андрей.

Зойка взглянула на часики.

– У тебя еще десять минут. Хотя понимаю, надо пионерку в буфет сводить, мороженым угостить. Что ж, не смею задерживать. А я, между прочим, в медицинский поступила. Мог бы и поздравить.

– А я в СИЗО сидел, – сказал Андрей и пошел своей дорогой..

Закусив губу, Зойка с обидой смотрела ему вслед. Когда Андрея арестовали, она уговорила мать вмешаться. А он, неблагодарный, даже не зашел. А сегодня специально нарядилась и устроила как бы нечаянную встречу, надеялась, что уж теперь-то обратит на нее внимание. Увы... Зойка была в отчаянии. Она развернулась и пошла обратно домой.

Андрей посмотрел ей вслед и поблагодарил судьбу. В слу-

чае чего соседка подтвердит, что за полчаса до ограбления ювелирного он, Андрей Корнев, вместе с кентами безобидно катил колеса в кино.

В 14.00, когда начался киножурнал «Новости дня», ребята бесшумно открыли дверь запасного выхода, выскользнули из зрительного зала, окольным путем добежали до дома, где был ювелирный, зашли в первый подъезд, поднялись на чердак и спустились вниз в третьем подъезде, где находился магазин.

В 14.14 Генка и Мишка вошли в бомбоубежище. Андрей закрыл за ними дверь, повесил навесной замок и взглянул на часы. В распоряжении ребят оставалось 46 минут. Андрей поднялся на чердак, вышел из первого подъезда и стал наблюдать за магазином.

В 14.18 Генка и Мишка в четыре руки ударили ломом в потолок. Они рисковали наделать слишком много шума. Но решили, что лучше один раз приложиться от души, чем долбить несколько раз. Их расчет оправдался. Сверху обрушился песок вперемешку с гравием. Но оставался верхний слой бетона. И они ударили изо всех сил еще раз.

Они едва успели отскочить – куски бетона чуть не свалились им на головы. Появилось округлое отверстие и сетка арматуры.

Это действительно была заготовка. Расстояние от одной проволоки арматуры до другой было меньше, чем обычно, а сама проволока вдвое тоньше. Генка без труда перекусил

ее специальными ножницами. Потом посадил Мишку, и тот влез в магазин.

В 14 часов 27 минут Мишка подошел к прилавкам. Перед ним лежали золотые и серебряные кольца, перстни, серьги, кулоны, браслеты. Это было похоже на сон.

Но взять драгоценности оказалось не простым делом. Прилавки были закрыты на внутренние замки. Недолго думая, Мишка взял у Генки ломик, взломал замки и начал складывать драгоценности в спортивную сумку.

Он спустился обратно в бомбоубежище в 14.39.

Они бросились ко второй двери. К той, что была закрыта изнутри. Генка схватился за верхний засов и потянул его на себя. Но засов не сдвинулся ни на миллиметр. Генка потянул на себя нижний засов. Тот же результат. Это была их оплошность. Во время подготовки они даже не попытались открыть засовы этой двери.

Часы показывали 14.42. До возвращения продавцов оставалось 18 минут. А они оказались в ловушке, из которой не было выхода.

– Геныч, быстро думай! Иначе нам хана!.. – Мишка дрожал от возбуждения и страха.

– А что тут думать? – тяжело дыша, ответил Генка. – Тут все просто. Эти засовы закрыли амбалы. Нам их не открыть.

– Давай вместе, – предложил Мишка.

Они попытались повернуть засовы вместе. Но им не хватало сил.

– Писец, – обессилено произнес Генка.

Мишка лихорадочно шевелил мозгами.

– Погоди, я сейчас, – сказал он.

Его не было, казалось, целую вечность. Или Генке только показалось. Наконец, он появился. Он принес лом и какой-то небольшой прибор в металлическом корпусе. Генка моментально понял, что делать дальше – использовать прибор как опору для лома, а лом – как рычаг.

Они открыли сначала один нижний засов, потом другой. Сопротивление верхних засовов ослабло. Ребята еще помучились, но справились и с ними.

Часы показывали 14 часов 49 минут. В их распоряжении не оставалось ни одной лишней секунды. И тут Мишка вспомнил, что они не сделали самое главное. Он сбегал к лазу, снова забрался в магазин и высыпал там полпачки махорки. Потом обсыпал махоркой лаз, лом и прибор. Напоследок высыпал пачку махорки у двери, с которой они так намаялись.

Генка извелся.

Еще больше извелся Андрей. Наконец, он увидел друзей. Они вышли из подъезда. Часы показывали 14 часов 57 минут. Продавцы в это время подходили к магазину. Они не заметили ребят. Им вообще везло. Навстречу не попалось ни одного жильца. А на скамейке не было ни одной старушки. Стараясь не оглядываться, они быстро пошли к «Ударнику».

Андрей шел впереди, поглядывая по сторонам и осто-

рожно оглядываясь. Неожиданно он увидел, что за Генкой и Мишкой идет Жорик. Агент слободских явно вел слежку. Андрей пошел навстречу друзьям. Генка и Мишка остановились. Они ничего не понимали.

– Идите, не оглядываясь, за вами хвост, – сказал Андрей и двинулся навстречу Жорику.

– Привет! – сказал Андрей.

– Привет! – отозвался Жорик. – Что-то давно вас не видно.

– Рыбачим.

– А! Как клюет?

– Классно.

Разговор был ни о чем. Но Генка и Мишка успели скрыться из виду.

В недостроенном здании они умылись, переоделись во все чистое, бросили испачканную одежду, обувь и перчатки в канализационный колодец, положили сумку с драгоценностями в заранее сделанное отверстие в кирпичной кладке.

В 15 часов 16 минут они были у запасного выхода. Здесь их уже поджидал Андрей.

Операция закончилась.

А кино еще шло.

Показывали «Хождение за три моря». Они видели эту картину. Специально посмотрели накануне. На этом настоял Мишка. Если их спросят, с чего начинается фильм и о чем он вообще, они должны ответить без запинки.

Они сидели в заднем ряду. Генка и Мишка наперебой делились с Андреем подробностями. Они чувствовали себя героями.

– Мы смогли. Пацаны, мы смогли! – восторженно шептал Мишка.

– Милиция, наверно, уже на ушах стоит, – торжествовал Генка.

– Ладно вам! – шикнул Андрей.

Встреча с Жориком не выходила у него из головы.

После сеанса они, не торопясь, пошли в свой двор. Им не терпелось посмотреть, что происходит возле ювелирного. Там была милиция. Их заметил Досанов. Поманил пальцем. Они подошли.

Капитан внимательно оглядел каждого с ног до головы. Ничего подозрительного: одежда была чистой. Велел показать руки. Показали. Досанов понюхал их пальцы. Потом проницательно посмотрел в глаза. Они глядели в ответ, как им казалось, очень спокойно. Но капитан почуял, что это всего лишь маска. И продолжать сверлить взглядом.

– Откуда идете?

– Из кино, – ответил Андрей.

– Что смотрели?

– «Хождение за три моря».

– Билетики остались?

Андрей протянул билеты с оторванным контролем.

– Что невеселые?

– Вас встретили.

– Чего не спрашиваете, что тут происходит?

– Так ведь это вы вопросы задаете.

– Вопросы к вам будут. Давайте-ка в машину, – сказал Досанов.

Чины помладше усадили ребят в милицейский «газик».

Кража в ювелирном была ЧП не только городского масштаба. Лучшие сыщики прилетели из столицы республики Алма-Аты. Дело было взято на контроль в Москве.

Ребят показали билетершам кинотеатра. Те подтвердили, что видели их на двухчасовом сеансе. Андрей мог бы сослаться на Зойку. Та тоже могла бы подтвердить. Но не стал: в этом не было необходимости. Он видел, что следовательно уговаривали, угрожали и навешивали им подзатыльники больше для остротки. А на самом деле не верили, что такое дело могли провернуть какие-то пацаны.

Следователи склонялись к версии, что кражу, вероятнее всего, совершили Алмаз и Джага. Жители Новостройки показали, что не раз видели их возле ювелирного. Но больше всего подозрения подтверждала фальшивая бетонная плита. Выяснилось, что люди Алмаза работали на комбинате железобетонных изделий, где ее могли изготовить по его заданию.

Поздно вечером ребят выпустили. Генка и Мишка зашли к себе домой, вынесли для Андрея кое-какую жратвишку. Он поел и полез спать на чердак.

Ему приснилось, что Крюк держит пригоршни драгоцен-

ностей, злорадно хохочет и говорит ему: «Все равно это будет мое!»

«Нет!» – закричал Андрей и проснулся. В глаза бил свет фонарика. Перед ним был отец.

– Вставай, пошли домой!

– Мне и здесь нормально, – сказал Андрей. Ему смертельно хотелось спать.

– Вставай, мать ждет, – непривычно мягко сказал отец.

Мать ждала в прихожей. Она обняла Андрея и прослезилась. Андрей пошел в ванную. Он мылся, а на кухне его ждали.

Андрей ел, а родители смотрели на него. Мать вздыхала, отец покашливал. Молчали. В дверях нарисовались младшие братья. Те молчали недолго.

– Ты теперь все время у нас будешь жить? – спросил Валерка.

– Андрей, я тебе постелил, – сказал Славик.

– А я завтра иду в школу, – похвастал Валерка.

– Давайте спать, – сказал отец.

Он ушел в спальню. Легли и мальчишки. Мать тихо сказала Андрею:

– Нас с отцом вызывали. Выясняли насчет ювелирного. Этот Досанов на вас зуб заимел, что ли? Или по инерции во всем подозревает? Я уж ему говорю: не там ищите. Тут взрослые сработали.

– И он что?

– Говорит, что мы своего сына плохо знаем. А ты что скажешь?

Андрей рассмеялся.

– Тебе бы, мама, в следователи. – Чтобы успокоить, добавил серьезным тоном: – Ты права, мама, тут асы сработали. Куда нам, дуракам.

Утром Анна Сергеевна проводила в школу Валерку. Когда вернулась, Андрей начал осторожно выпрашивать насчет судьи Щукиной. То, что рассказала мать, было любопытно. Оказывается, Зинаида Гордеевна сменила мебель, купила импортный гарнитур. А на субботние карточные игры стала приходить со своим коньяком.

– И ты веришь, что она выиграла «москвич»? – спросил Андрей.

– А откуда такие деньги? – удивленно проговорила мать.

– Она показала лотерейный билет?

– Принесла билет, тиражную таблицу. Она чуть не рехнулась от счастья!

– Все ясно, – сказал Андрей.

– Что тебе ясно?

– Уж больно вы простые.

– Что ты хочешь сказать? – спросила мать. – Думаешь, билет ей подарили?

Андрей молчал.

– Не надо так о людях думать, – укоризненно произнесла мать. – Зинаида Гордеевна тебя отстояла. А ты даже не за-

шел, не поблагодарил.

Андрей вспыхнул.

– Мама, как ты это себе представляешь? Я прихожу и говорю: спасибо вам, Зинаида Гордеевна, что не дали засадить меня за решетку?

– А почему не сказать? – мягко спросила мать. – Неужели так трудно? Что тебе мешает? Нельзя терять дружбу с таким человеком. Мало ли что в жизни может случиться.

Они говорили еще долго. Около двенадцати дня раздался звонок в дверь. Пришел из школы Валерка. Открыв ему дверь, Анна Сергеевна с ужасом воскликнула:

– Боже мой! Что с тобой?

Андрей вылетел в прихожую. Валерка стоял в слезах, держа портфель под мышкой. Ручка была оторвана.

– Кто это сделал? – возмутилась мать.

Слезы у Валерки текли ручьем.

– Слободские. Говорят, давай деньги за то, что ходишь в школу. Я говорю: откуда у меня? Говорят: если завтра не заплатишь, отберем портфель. Они ко всем пристают.

– Где они? – спросил Андрей.

– Возле школы.

Вымогатели были совсем еще малыцы, лет двенадцати, не больше. Появление Андрея их ничуть не испугало. «Мы теперь такие тертые ребята, а нас ни во что не ставят, обидно», – подумал Андрей.

Это были пешки, тупые исполнители. Они тут же пока-

зали Андрею, что у них есть поддержка. В сквере напротив ювелирного сидели развалиясь ребята постарше. Держа Валерку за руку, Андрей подошел к ним.

– Кто тут у вас за главного?

Один из них снял темные очки. Это был... Волдырь. Он очень похудел, у него была белая, как картофельные ростки, кожа.

– Что, Корень, не узнал?

– Это мой братан, – сказал Андрей, показывая на Валерку. Волдырь скривил рот.

– Ну и что?

– Не трогайте его!

Волдырь встал со скамейки, подошел вплотную и сказал, дыша нездоровыми зубами:

– А ты отшей его, и мы отстанем. Кто не хочет платить, должен отшиться. У тебя, говорят, бабки завелись. Вот и выкупи брательничка. Сколько дашь?

– Сколько надо? – спросил Андрей.

Волдырь почесал в голове.

– За одного платить будешь или за двоих? У тебя ж два брательника.

«Вот сволочь!» – подумал Андрей.

– Ну, предположим, за двоих.

– Не за троих? – издевательски уточнил Волдырь.

– Кто третий-то?

– Новенькая ваша. Кадра твоя, Алечка. А то ведь мы с нее

другую плату возьмем. Ха-ха-ха! – заржал Волдырь.

Андрей чуть не взвыл от злости и бессилия. А Волдырь продолжал, захлебываясь слюной:

– В рот компот! Вам было сказано: каждый месяц по рублю с рыла. С апреля прошло четыре месяца. Где бабки? Вам было сказано: кто вовремя не сдает, того – на счетчик. Ты че думал, мы шутки шутим? Ты че думал, мы уже не выйдем на свободу?

Андрей чувствовал, как младший брат сжимает его руку. Малец перебирал ногами. Он мог описать от страха.

– Иди домой, – сказал Андрей.

Валерка убежал. Волдырь лениво хлопал ресницами, ждал ответа.

– Я рассчитаюсь за все сразу, – сказал Андрей, не разжимая зубов.

– Да? – с подозрением спросил Волдырь, почувствовав в тоне двойной смысл.

– Да, – с вызовом ответил Андрей.

Надо было обсудить ситуацию с друзьями. Андрей подошел к Мишкиному дому и свистнул. Мишка вышел во двор. Солнце пекло в сентябре, как в августе. Они пошли к киоску, взяли газированной воды. К ним подошла в дугу пьяная Жанка. Она сегодня не работала.

– Слышь меня, Корень, поговорить надо.

– Говори, – коротко ответил Андрей.

– Надоело! – Жанка громко икнула. – Устала я.

– Что тебе надоело?

– Туловище свое раздаривать.

Андрей брезгливо молчал, ждал, что скажет дальше.

– Я уже отвыкла, а им по фигу. Говорят, изголодались.

Кучей, силком сняли, без всякой любви в глазах. Но я не про то хочу сказать. Базар слышала. Альку твою кое-кто хочет личной сделать. И Катька у них в плане. Ее думают на хор поставить.

– Кто хочет личной сделать? – спросил Андрей.

– Сам соображай... – Жанка снова икнула. – Я и так много сказала. Катьке, сучке, так и надо. Не будет с чехами путаться. А эту Альку жалко. Не захочет личной быть – огуляют колхозом. Сам понимаешь, какие последствия. Поимеют и еще слух пустят, что она бляха. Как со мной было. В общую превратят. А вот и она, легка на помине.

К ним, со страхом оглядываясь, шла Аля. Андрей не сразу ее узнал, она была в школьной форме, с другой прической.

– Андрей, что происходит? – испуганно спросила Аля. – Ты можешь им сказать, чтобы отстали?

Из-за угла дома вывернули слободские. Волдырь отделился от кучи и, пританцовывая, подошел вплотную.

– Ну ты че испугалась? – с блатной интонацией спросил он Алю. – Кто тебе чего плохого сделал?

Он посмотрел на Андрея и продолжал наседавать на Алю.

– Ты че думаешь, тебя Корень отмажет? Посмотри на него, какой из него боец? Он себя еле таскает.

Мишка растерянно смотрел на Андрея. Аля плакала. Жанка пьяно улыбалась. Андрея колотило. Он чувствовал, как поднимается к горлу дикая злость. Но он держал себя в руках. Он понимал, что отвечать на такую наездку нужно не кулаками. Кулаками эту дикую шпану не остановить.

– Пошли, – сказал он Але и Мишке.

– Учти, Корень, – прогундел вслед Волдырь, – счетчик включен. Не считаешься, мармеладка будет наша.

Они сели на скамейку возле дома.

– Что думаешь делать? – спросил Мишка.

– Придется платить.

– Сколько ни дашь, все будет мало. Будут требовать все больше и больше, – сказал Мишка.

Он был прав.

– Тогда вся надежда на Геныча, – сказал Андрей.

– Геныч теперь под наблюдением, – сказал Мишка. – Но даже если он сделает пушку, что это даст? Думаешь, слободские испугаются? Будет только хуже.

– Что ты предлагаешь? – спросил Андрей.

– Пусть Аля скажет отцу.

– А братья моим что делать?

– У вас соседка – судья.

Андрей вскипел.

– Мишаня, мне этот совет уже давали.

– Кто?

– Жорик.

– Давай решим, что делать с нашим барахлом, и я уйду, – обиженно отозвался Мишка.

– Сегодня ночью решим, – сказал Андрей. – В час ночи устраивает?

– Устраивает, – согласился Мишка.

– Что теперь будет? – спросила Аля, когда Мишка ушел.

– Мишаня прав: тебе надо рассказать отцу.

– Слободские меня предупредили, – сказала Аля. – Если кому пожалуюсь – будет хуже.

– Все-таки отец у тебя – офицер.

Аля покачала головой.

– Я не хочу его просить.

– Почему? – удивился Андрей.

– По кочану. Значит, причина есть. Все тебе расскажи.

– Он тебе не родной, что ли?

– Не твое дело!

Андрей никогда еще не видел Алю такой раздраженной.

Помолчали.

– Если надумаешь уехать, возьмешь меня с собой? – спросила Аля.

Ее губы подрагивали. Пальцы нервно сжимали ручку портфеля.

– И ты туда же, – пробормотал Андрей.

– Боишься?

– Чего боюсь?

– Жизни.

– Может, и так, – согласился Андрей

– Все будет по-другому, надо только уехать, – сказала Аля.

Она смотрела на Андрея глазами взрослой женщины. Ее взгляд говорил: ты парень или кто? Где твоя решительность? Андрей это понял.

– Как ты это себе представляешь? – озадаченно спросил он. – Где мы будем жить?

– В общежитии.

– И куда ты собираешься?

– На целину.

– Мы и так на целине.

– В другой город Казахстана.

– Ты еще несовершеннолетняя. Тебя будут искать. Найдут и отправят к маме.

Глаза Али наполнились слезами.

– Что же делать? Я боюсь слободских.

Андрей нервно закурил.

– Меня бесит, что им все сходит с рук.

Аля помолчала и сказала решительно:

– Но я им так просто не дамся.

– Что ты задумала? – насторожился Андрей.

– Это уж мое дело.

У Андрея из головы не выходили слова Жанки о Кате: «на хор поставят». Он поднялся со скамейки и запальчиво сказал Але:

– Слушай, какого черта ты едешь мне по нервам? Тебе

еще никто ничего не сделал, а ты уже гонишь волну. Утомись. Дай сообразить, что делать. Ладно, пока. У меня дела.

– Ты к ней? – спросила Аля.

– К ней, – сказал Андрей. – У нее дела похуже.

Катя была удивлена и смущена. Она была уверена, что Андрей никогда уже не придет. Они сели на скамейку во дворе больницы. Андрей передал слова Жанки. Катя выслушала с обреченным видом.

– Тебе может помочь только Адам, – сказал Андрей.

– Я не могу к нему обратиться, – тихо ответила Катя.

– Почему?

– Он женится.

– На чеченке?

– На ком же еще.

– Он полностью от тебя отказался?

– Да.

– Как он это объясняет?

– Говорит, что родственники невесты могут стать его врагами.

– Врет.

– Конечно, врет, – согласилась Катя. И добавила, чуть помедлив: – Тебе я бы тоже рано или поздно надоела. Редко какой мужчина может любить одну женщину.

– Все-то ты про меня знаешь... – Андрею не понравилось, что Катя пытается оправдать Адама.

– Тебя спрашивал Петр Палыч, – сказала Катя, меня те-

му. – Зайдешь к нему?

– Как он?

– Ему не дают очухаться. Ходят разные. Не палата, а кабинет для совещаний. Кардиолог недоволен. А вообще Палыч – хороший дядька. К тебе хорошо относится.

«Может, мне что-нибудь посоветует», – подумал Андрей.

И спросил:

– А тебе подружка не может помочь? Все-таки дочь судьи.

– Зоя очень изменилась.

– Ну должен же быть какой-то выход...

– Выход один – уехать.

Андрей смотрел на Катю. У него ныло сердце. Его продолжала терзать обида. Как она могла предпочесть его Адаму? И вообще, неужели не знала, как относятся чеченцы к женщинам других наций и другой веры? Конечно, она жила с ним как женщина, это у нее на лице написано. Она сильно изменилась. Выглядит как взрослая женщина. Он с отвращением повторял про себя это слово – женщина. У него уже не было к Кате прежнего трепета. Была только тревога за нее, жалость к ней, стремление помочь. Конечно, он ей поможет. Надо только придумать, как это лучше сделать.

– Я сейчас. – Андрей поспешил к Петру Палычу.

Майор сидел в холле в кругу больных, играл в шахматы. Не закончив партию, он повел Андрея к себе в палату. Они встали у окна, закурили.

– Что-то случилось? – спросил Петр Палыч.

Андрей коротко сказал о том, что грозит Але и Кате. Майор помолчал, покашлял, повздыхал и, наконец, ответил:

– Это не просто криминал, это террор. А правоохранительная система буксует.

– В общем, спасайся, кто может? – уточнил Андрей.

Майор пожал плечами.

– Девчонки не могут постоять за себя, – взволнованно говорил Андрей. – И родители им не помогут. У Кати их вообще нет. Аля не хочет обращаться к отцу. И я им не защитник.

– Пусть все же попробуют обратиться в милицию, – сказал майор.

– Вы же только что сами сказали, что милиция бессильна.

– А вдруг...

«Ему теперь плевать на все, он занят своим здоровьем», – подумал Андрей. Вслух сказал:

– До свидания, Петр Палыч.

– Ты куда? Мы ж толком не поговорили, – пробормотал майор.

– До свидания, я спешу, – повторил Андрей.

– Спасибо тебе, – сказал майор.

Андрей смотрел непонимающим взглядом.

– Ты, наверно, меня презираешь? – спросил Петр Палыч.

– Нет, – подумав, ответил Андрей.

– А себя?

– Злось иногда.

Катя ждала там же, на скамейке. Она сидела неподвижно,

с закрытыми глазами и как-то жалко улыбалась.

– Катя, ты чего? – удивленно спросил Андрей.

– Все в порядке. Иди куда-нибудь, не мешай, ладно?

Андрей посмотрел по сторонам. Он боялся, что кто-нибудь из врачей или медсестер увидит Катю в таком странном состоянии. Но больничный двор был пуст. Персонал занимался своими делами в ординаторских и палатах.

– Ты боишься за меня? – спросила Катя.

Андрей молча кивнул.

– Прости, – сказала Катя. – Я знала, что так все кончится, но ничего не могла с собой поделать.

Андрей сел рядом.

– Давай уедем.

Катя слабо улыбнулась.

– Ты потом об этом пожалеешь.

Андрей обнял Катю.

– Мы можем поехать, куда захотим. У меня есть деньги. Ты будешь иметь все.

Катя насмешливо взглянула.

– Сколько у тебя денег?

– Много. Я не считал.

– Даже так? И откуда они у тебя?

Андрей скорчил гримасу: мол, так тебе все и скажи.

– Ты не мог столько заработать.

Андрей молчал.

Катя сказала:

– Такие деньги быстро кончаются. А потом тебе снова захочется много денег. И чем больше ты возьмешь, тем больше срок тебе дадут.

– А тебя не интересовало, где берет деньги Адам? – спросил Андрей.

– Представь себе, нет. Мне было как-то все равно.

– А где я беру деньги, не все равно?

Не отвечая, Катя взглянула на себя в зеркальце, поправила прическу и решительно встала со скамейки.

– Мне пора. Думай прежде всего о себе. Обо мне не беспокойся. У меня все будет хорошо.

Она как-то странно посмотрела на Андрея и, прежде чем уйти, сказала:

– Мы будем помнить друг друга всю жизнь. До самой старости у нас будет щемить сердце.

Около полуночи, когда родители уснули, Андрей вылез из квартиры через окно и спустился по пожарной лестнице. Внизу его ждали друзья. Стараясь не попасть под редкие уличные фонари, они пошли к недостроенному зданию, где были спрятаны драгоценности. Ребята боялись попасться кому-нибудь на глаза. А еще их мучил страх: вдруг собака все же взяла след и милиция нашла их клад? Вдруг кто-нибудь случайно видел, как они прятали в стену драгоценности?

Генка посветил фонариком. Мишка достал из тайника сумку. Вот теперь им стало по-настоящему страшно. А вдруг на обратном пути встретится шпана? Слободские или цен-

тровые – без разницы – все равно отберут. А вдруг загребет милицейский патруль?

Они возвращались в Новостройку долго и осторожно. Пробирались, как партизаны по оккупированной территории. Им и сейчас повезло: никому не попались на глаза.

Забрались на чердак. Генка включил фонарик. Открыли сумку. Драгоценные украшения лежали, как в магазине. В коробочках.

– Как будем делить? – спросил Генка.

– Сначала разделим золото, потом серебро, – предложил Мишка.

– Но золотые вещи тоже стоят по-разному, – сказал Генка.

– Значит, разделим поровну по ценам.

Мишка вынул из кармана блокнот и карандаш. И начал делать опись. Генка светил фонариком. Скоро кончилась батарейка, Мишка молча протянул Генке новую, еще не распечатанную.

Наконец, опись была окончена. Перед каждым лежало больше десятка коробочек. На долю каждого пришлось драгоценностей на сумму больше ста тысяч рублей.

– Как же теперь превращать это в деньги? – спросил Генка.

– Всему свое время, – туманно произнес Мишка.

Генка возмутился.

– А яснее не можешь?

– Это добро надо сбывать через ювелирный магазин, – сказал Мишка. – Только так. Иначе сразу попадемся.

– Но второго ювелирного в городе нет, – возразил Генка.

– Значит, надо ехать в другой город.

Генка начал рассуждать:

– Ну ладно, приехал я другой город. Прихожу к директору ювелирного. Говорю, так и так. Давай-ка, провернем такое дельце. Думаешь, директор согласится? Скорее всего, скажет, что ему надо подумать, а сам позвонит в милицию. Прихожу в следующий раз, а меня цап-царап.

Слушая, Мишка согласно кивал, а когда Генка остановился, сказал:

– Геныч, сбыт – моя забота. Я найду директора-еврея. Нам легче будет договориться. А если не договоримся, он меня никогда не сдаст.

Генка скривился.

– Выходит, мы без тебя теперь – никуда?

Мишка спросил с обидой:

– Я тебе надоел? Без меня тебе будет лучше?

– Мне надоел этот город, – сказал Генка.

– Всем надоел, – согласился Мишка. – Но я не могу сейчас уехать. Вот мама помрет – тогда. Ей остались считанные дни. Ей уже не помогает ни одно лекарство.

Они долго молчали. Потом Генка решительным тоном сказал:

– Короче, готовимся к отъезду? Выбираем город, пакуем чемоданы.

– По-моему, нам должно быть все равно, куда ехать, но

я бы подался в Алма-Ату. Мы были там на соревнованиях. Классный город. Тепло, кругом сады и горы. И шашлыки – пальчики оближешь, – размышлял Андрей.

– Я – за, люблю где тепло, – поддержал Мишка.

– Годится, – сказал Генка.

Город неподалеку от границы отвечал его планам.

Утром, когда родители ушли на работу, Андрей начал собираться. Сборы были недолгими. Вещи уместились в небольшом спортивном чемоданчике, который почему-то назывался балеткой.

Позвонил Димка, поделился последней новостью. В город съезжаются блатные. Селятся в гостинице, сидят в ресторане и встречают каждого нового кореша громкими возгласами.

– Что-то назревает, – подытожил Димка.

Андрей сказал, что ему теперь все по барабану. Он уезжает. Димка сказал, что это надо обсудить. Через две минуты Андрей был у него. Они сели в кресла, закурили.

– Куда едете? – спросил Димка.

– В Алма-Ату.

– К кому?

– Ни к кому.

– Мальчуган, – сказал Димка. – Нельзя ехать в никуда.

Нужно заранее иметь место, где можно провести хотя бы первую ночь. И когда ты едешь один, то отвечаешь только за себя. А с тобой, как я понимаю, едет Аля?

– С чего ты взял? – удивился Андрей.

– Я так понял с ее слов. Она не пришла сегодня на урок. Звоню – говорит, уезжает.

– Я ей этого не обещал, – растерянно произнес Андрей. – Вообще не понимаю... У нее какие-то какие проблемы с родителями?

– С отчимом, – уточнил Димка. – По-моему, он к ней неровно дышит. Но это не значит, что ты должен брать ее с собой.

Андрей взорвался:

– На кой она мне сдалась? У меня своих проблем по горло. Я почти инвалид.

– Поэтому бесишься?

– Да, это меня бесит.

В дверях кто-то кашлянул. Ребята обернулись. Это была Аля. Она сказала:

– У вас дверь открыта.

– Проходи, садись. Хочешь чаю? – предложил Димка.

– Угу! – Аля присела на краешек софы, стараясь не смотреть на Андрея.

Димка принес чайник, чашки и поднос с печеньем.

– А мы как раз говорили...

– Я слышала, – сказала Аля. – Все ясно. Меня не берут.

Ну и ладно. Обойдемся.

Она ожесточенно ела печенье, не запивая чаем. Зависла пауза. Димка делал Андрею какие-то знаки. Андрей как бы не видел. Нервно курил.

Димка встал.

– Ладно, ребята, вы тут разберитесь без меня. А я пойду приму душ.

Когда он вышел, Аля спросила:

– Как твоя Катя? Она едет с тобой?

– Нет, – ответил Андрей.

– Что так?

– Это наши дела. Она приедет потом, – соврал Андрей.

Губы у Али дрогнули в усмешке.

– Рада за вас. А у меня тоже все тип-топ... Зван от меня без ума. Между прочим, чувак что надо.

– Я тоже рад за вас, – отозвался Андрей.

– Мы сегодня идем в парк, на танцы, – сообщила Аля.

– Не советую, – процедил Андрей.

– Зван сказал, что сегодня будет интересно.

«Не иначе, что-то затевает», – подумал Андрей.

– Поглядим.

– Придешь? – спросила Аля.

– А чего не прийти?

Аля поднялась.

– Тогда я пошла. Надо причесон сделать, перышки почи- стить, анаши покурить.

– Смотри, без хвоста не останься, – проворчал Андрей. –

И прекрати следить за мной.

Аля фыркнула.

– Очень надо. Я просто случайно увидела, что ты сюда

топаешь.

– Ага, случайно.

– Много о себе воображаешь. Индюк!

Аля громко хлопнула дверью.

Андрей пришел в парк с Генкой. Мишка был теперь с матерью неотлучно.

Музыканты уже сидели на эстраде. Настраивали свои погремухи. Танцплощадка, огороженная высокой сеткой, напоминала цирковую клетку для аттракциона с дрессированными зверями. Билетерши начали впускать самых нетерпеливых. Это были совсем молоденькие козочки. Они прошмыгивали в клетку и нетерпеливо перебирали ножками, стреляя глазками по сторонам, высматривая мальчиков.

Следом за ними потянулась центровая шелуха. Ребяшня только пробовала танцевать. А в основном задирали незваных чужаков, особенно приезжих студентов, стилиг в узеньких брючках. Стоило стилиге поддаться на провокацию и послать мальцов куда подальше, расплата была мгновенной. Как из-под земли появлялись ребятки постарше, и стилига либо выскакивал как ошпаренный из клетки, либо его, крепко побитого, выводили под руки дяди степы.

За пять минут до начала танцев клетка была набита до отказа. Появился Алихан в сопровождении своих мордovorотов. Не глядя на заискивающе улыбающихся билетерш, направился к своему месту. Подошел к оркестрантам (они поприветствовали его теми же угодливыми улыбками, что и

билетерши) и уселся на эстраду прямо перед ними. Слева и справа от него сели мордовороты. Теперь можно было начинать.

Оркестр заиграл первый вальс.

Андрею хотелось танцевать. Но он был еще слишком слаб. Поэтому не пошел в клетку, стоял снаружи, смотрел, как танцует Генка с какой-то козочкой, и искал глазами Алю. Ее не было, как не было и Звана.

Андрей был не единственным зрителем. Кругом стояло немало других. Неожиданно все стали оглядываться на какой-то шум. Андрей тоже обернулся. По аллее шла большая ватага блатных. Их было не меньше полусотни. И почти все – взросляки. Не моложе двадцати пяти.

Разрисованные, фиксатые, со шрамами на мордах, они чем-то напоминали Крюка. Но что всего интересней (нет, Андрею не привиделось), впереди этой кучи шел сам Крюк. Бывший основной центровых самодовольно улыбался. Он шел с надежным щитом.

Блатные вошли в клетку и направились, рассекая толпу танцующих, прямо к эстраде. Следом за ними входили слободские, все, как один, в одинаковых спортивных костюмах. Их было много, не меньше сотни. Оркестр начал фальшивить и умолк. Танец прекратился. Все повернули головы к эстраде и замерли в ожидании: что же будет дальше?

Чеченцы сбились в кучу вокруг Алихана и что-то возбужденно говорили друг другу. Сам основной центровых даже

не шевельнулся. Он с улыбкой смотрел на приближающегося Крюка и лузгал семечки.

Андрей не мог слышать, что сказал Крюк, когда подошел к своему кровному брату вплотную. И что ответил Алихан. Он только видел, как Крюк подпрыгнул и уселся на край эстрады рядом с чеченцем, слева от него. Они сидели и что-то говорили друг другу, улыбаясь, как после долгой разлуки. Толпа танцующих застыла. Неужели обойдется? Неужели не будет кровавой резни?

Продолжая улыбаться, Крюк сказал Алихану еще что-то. Тот злобно ощерился. В его правой руке что-то блеснуло. Это был нож. Алихан ударил Крюка в грудь. Крюк кулем свалился с эстрады вниз головой.

Толпа ахнула. Подошли четверо милиционеров, перевернули Крюка вверх лицом. Глаза его были широко открыты и смотрели удивленно. Рукоятка ножа торчала точно в том месте, где у человека сердце. Молодой блатарь Ленька Крюков был мертв.

Двое милиционеров подошли к Алихану. Чеченец сидел неподвижно. Он не собирался убегать. Сипло сказал:

– Приятно убить шакала.

Слез с эстрады и пошел в сопровождении милиционеров к выходу. Толпа молча расступалась. Следом из клетки вышли все чеченцы. Их было немного, человек тридцать.

Неожиданно появился Зван. Он подошел к музыкантам и потребовал:

– Школьный вальс!

Оркестранты заиграли, но мелодия оборвалась на первых нотах. Оправившись от шока, толпа бросилась к выходу. Началась давка, послышался визг. Кто-то из стилиг со страху полез через сетку. Спустя несколько минут на танцплощадке остались одни блатные и слободские.

Приехали «скорая» и милицейский «газик». Кокарды осмотрели Крюка и место убийства. Медики принесли носилки, уложили тело и накрыли белой простыней. Толпа, обступившая танцплощадку, жадно наблюдала.

Раздался женский крик:

– За что убили Ленчика?

Андрей увидел в толпе Райку Самохину. Она стояла рядом с Анжелой. Нет, это кричала не она. Сестры плакали молча.

Медики понесли носилки с телом Крюка. Раздался тот же женский вопль:

– За что убили русского пацана? Когда это кончится?

Послышался глухой ропот толпы. Большинство молодежи было настроено одинаково: чеченцы обнаглели, режут русских, дальше терпеть это нельзя. Никто даже не догадывался, что убийство – всего лишь спектакль, только с настоящей смертью. А Ленка Крюков, сыгравший главную роль, даже не подозревал, чем может кончиться для него выход на сцену.

Андрей поймал себя на том, что ему тоже жаль Крюка. Он

тоже был возмущен зверством Алихана. Что же говорить о тех, кто знал Леньку Крюкова только в лицо и кому он не сделал ничего плохого?

Зван подошел к русским центровым, что-то сказал им. Потом пожал руку одному, другому... За ним подошла куча слободских, смешалась с центровыми. Парни обменивались рукопожатиями. Те, кто раньше корешили а потом вынуждены были враждовать, от избытка чувств обнимались.

Зван повернулся к тем, кто обступил танцплощадку, и крикнул:

– Теперь мы вместе!

Толпа восторженно заревела.

Генка подошел к Андрею.

– А ты чего не радуешься?

– Пошли домой, – сказал Андрей.

– Пошли.

– Альку не видел? – спросил Андрей.

– Нет.

«Значит, соврала, что придет со Званом», – подумал Андрей.

Они направились к выходу, обсуждая случившееся.

Вокруг парка стояло оцепление. Милиционеры обыскивали всех подряд. Пройдя обыск, ребята увидели знакомый «москвич». Джага стоял, прислонившись к капоту. Он окликнул Андрея. Тот подошел.

– Зван просил подождать, – лениво сообщил Джага.

– Мне некогда, – ответил Андрей.

– У тебя что-то со слухом? – удивился Джага. – Повторяю для глухих: тебя просил подождать Зван. Просил, понимаешь? А кент твой пусть пока идет.

– Иди, Геныч, – сказал Андрей.

Зван появился нескоро, после того как стоявшие в оцеплении милиционеры обыскали всех слободских и приезжих блатных. Он сел в «москвич» справа от Джаги и, не здороваясь, обратился к Андрею, который сидел на заднем сиденье.

– Мы прошлый раз не договорили. Сколько прошло? Почти четыре месяца.

Андрей не ответил.

Зван велел Джаге ехать в Слободку. А сам развалился на сиденье и продолжал:

– Ситуация, как видишь, меняется. Чехам хана. Скоро весь город будет под нами. Только Новостройка не охвачена. Это непорядок.

– Ну почему не охвачена? – возразил Андрей. – Волдырь, по-моему, уже распускает щупальца.

– Волдырь – чмо, – сказал Зван.

– А Жгучий?

– И Жгучий – чмо. Из-за этих двух беспредельщиков пришлось париться четыре месяца. Они годятся только для грубой работы. А у нас все должно быть культурно. – Зван повернулся к Андрею и доверительно добавил: – У меня большие планы, Корень. Но мне нужны люди, которым я смогу

верить, как себе. Вот Джаге я верю. И тебе верю. А ты мне веришь?

Андрей пожал плечами.

– Я тебя не знаю.

– Правильно, – похвалил Зван. – Ты меня не знаешь. К тому же ты ожегся на Крюке. Но справедливость, как видишь, восторжествовала. Крюка нет, и мы с тобой здесь ни при чем. Чисто сработано, правда? А ведь я что сделал? Я сказал Крюку, что он будет с нами, если при всех предъявит Алихану ультиматум. Этот урод всегда страдал несварением головы. Если бы у него мозга работала, этот сучий потрох никогда бы не стал работать на Досанова. И никогда не стал бы сдавать такого пацана, как ты. Ты пострадал от этого уroda. Но зато всем нам помог. Клянусь, даже если откажешься со мной работать, я велю тебя не трогать. Ты это заслужил. Но ты не откажешься, правда?

– Еще не знаю, – сказал Андрей.

– Я тебя не тороплю, – продолжал Зван. – Ты слушай и думай. Думай и слушай. А я буду говорить. Я знаю, ты не любишь чехов. И я их не люблю. Но у них есть чему поучиться. У них – организация. Вот и у нас с тобой будет организация. Чехи не злоупотребляют алкоголем, наркотиками. А у нас вообще будет сухой закон. У них ни один человек не остается без защиты, когда попадает на зону. У нас будет аналогично. Они выкупают своих. И мы будем выкупать. У них всюду свои люди. И у нас будут. Уже есть. Но чечены – на

чужой земле. А мы – на своей. Поэтому не они будут здесь рулить, а мы. Алихан, тут и к бабке не ходи, сядет за Крюка. А Адам привык наблюдать за боем из своего белого унитаза. – Зван расхохотался. – Ты заметил: его белая «Волга» похожа на унитаз? Мы соберем силы и погасим Гусинку раз и навсегда. Они должны ответить за Слободку, и они ответят.

Зван предложил Андрею сигарету, чиркнул спичкой, дал прикурить, зажег свою сигарету и продолжал:

– Я понимаю, между нами стоит Костик. Ты считаешь, что я виноват. Знаешь, не буду отрицать. Я был им недоволен. Он меня предал. Он шел у нас сразу за мной, под вторым номером. А потом ему вдруг разонравилась наша жизнь. Согласен, Жгучий и Волдырь допускали перегибы. Но Костик шил нам все, что было и чего не было. Кому-то он надоел, у кого-то не выдержали нервы. Но я здесь ни при чем.

– Ты сам говоришь, что был недоволен Костиком. Вот кто-то и решил тебе угодить, а ты не остановил, – сказал Андрей.

– И так могло быть, – согласился Зван, хотя его голос прозвучал раздраженно. – Ну и что? Что ты хочешь сказать? Говори прямо.

– Ты убрал Костика. Убереешь и меня, если вдруг что не так.

– А ты не делай не так. Не выскакивай, если заскочил. У нас не проходной двор: зашел, поглядел, не понравилось – вышел.

– Вот почему я и думаю: может, лучше не заходить? – ска-

зал Андрей.

Зван нехорошо усмехнулся.

– Ну, ты брахмапутра, блин! У тебя ж другого выхода нет. Ты о брательниках своих думаешь? У тебя мармеладка Алечка. Кто за нее платить будет? Или с нее натурой брать? К этому вынуждаешь? Я почему с тобой так ласково? Не хочу тащить тебя в дело на аркане. Мне нужно, чтобы ты сам горел. Чтобы нам всем весело было.

Они подъехали к недавно отремонтированному Дунькиному клубу. Джага вышел из машины. Зван повернулся к Андрею.

– Знаю, о чем думаешь: мол, вот, блин, попал в закрутку. Угадал? Угадал! Я ведь тоже еще молодой. – Зван выдержал паузу, вздохнул. – Эх, Корень, мне бы твои трудности.

Подошел Джага, прошептал что-то Звану на ухо. Нельзя сказать, что тот обрадовался сообщению. Кивком Зван велел Андрею выйти из машины и вышел сам. Джага сел в «москвич» и умчался.

Зван жестом приказал Андрею идти вперед. Они вошли в клуб. В знакомой комнате стоял накрытый стол.

– Пожевать не хочешь? – спросил Зван.

– Нет, – ответил Андрей, хотя на самом деле есть хотел зверски.

Зван вошел в комнату с табличкой на двери «Заведующий клубом». Сел за письменный стол, закурил, что-то напряженно обдумывая. Потом вспомнил о существовании Ан-

дрея.

– Садись, кури. Сейчас приедет Алмаз. Джага говорил, вы знакомы.

– Чуть-чуть, – сказал Андрей.

Зван усмехнулся частью лица.

– Не повезло старику. Только откинулся, снова загребли.

Но вроде обошлось. Выскочил. А чего ему от тебя надо?

Андрей пожал плечами.

– Я так и не понял.

Зван подозрительно прищурился, хотел что-то сказать, но промолчал.

На нескольких такси из парка приехали блатные. Они сели за стол, но не прикасались ни к еде, ни к спиртному. Еще не появился Алмаз. Как можно начинать застолье без него?

Наконец под окном остановился знакомый «москвич». В комнату вошел Алмаз. Блатные по очереди подходили к нему, жали руку, обнимали, поздравляли с выходом на свободу. Последним подошел Зван.

– Прости, Алмаз, что так получилось, – сказал он. И пояснил присутствующим: – Алмаз должен был выскочить еще в мае. Но мы сами устроились: я, Жгучий, Волдырь... Джага один решал проблему...

– Ладно, мы это еще перетрем. – Алмаз отвечал Звану, не глядя на него. – Давайте за стол.

Зван усадил Андрея рядом и поднялся, чтобы сказать тост. Он говорил серьезно, как на важном собрании:

– Прежде всего, хочу поблагодарить Алмаза, что он пригласил в наш город таких больших людей. Ваше, люди, присутствие сегодня в парке показало чехам, что наша солидарность сильнее их солидарности. Город теперь целиком на нашей стороне: вокзальные, затонские, абаевские...

Зван ни слова не сказал о Крюке. Жгучему это не понравилось. Он вставил:

– Светлая память Лене Крюку!

– Хотя Ленчик заблуждался относительно чехов и долгое время был не с нами, – дипломатично заметил Зван, – мы похороним его как своего боевого товарища, под «Школьный вальс», позаботимся о его родичах. Уверен, что проводить его в последний путь выйдет весь город.

– Гладко говоришь, Зван, но долго. – В голосе Алмаза звучало раздражение.

Зван растерянно прокашлялся.

– Не понял, за что пьем-то? – со смешком любопытствовал Алмаз.

– За тебя, Алмаз, и за наших дорогих гостей. Пусть вам всем сопутствует удача. И пусть все, что поставлено вами, никто никогда не ломает, – проникновенно произнес Зван.

Блатное общество выпило и принялось закусывать. Стол был накрыт не хуже, чем в ресторане. Любаша обходила всех, подкладывая в тарелки. Андрей чувствовал на себе злобные взгляды Жгучего и Волдыря. «За что они меня так ненавидят?» – думал он. Ему кусок не лез в горло.

Зван попросил гостей налить себе в рюмки и предоставил слово Алмазу.

– Я хочу сказать за нашу молодежь, – сказал Алмаз. – Зван правильно отметил: хорошо показал себя в последнее время Джага. Никогда этого не забуду. В трудную минуту мне помог и Корень, золотой пацан, с чистой душой. Здесь мало кто знает: Корень незаслуженно пострадал от Крюка и от некоторых из присутствующих, но не затаил обиду на всех нас. Короче, я рад, что вижу его здесь, среди нашей семьи.

Жгучий, криво усмехаясь, ковырял вилкой скатерть.

– Дружок, ты чем-то недоволен? – спросил его Алмаз.

Жгучий встрепенулся.

– Нет, почему? Все хорошо. Только я бы задал Корню один вопрос.

– Ну, – сказал Алмаз.

– Пусть скажет, кто подломил ювелирный.

Андрей почувствовал, как земля уходит из-под ног. Произошло то, чего он боялся больше всего. Правда, было непонятно, каким образом его вычислили. «Может быть, Жгучий просто берет на понт? Нет, не похоже. В его глазах уверенность. Что же делать? Если признаться, драгоценности придется отдать», – лихорадочно соображал он.

– Что скажешь, дружок? – спросил Алмаз.

Андрей пожал плечами.

– А что тут говорить? Жгучий просто сводит со мной счеты. Хотя что я ему сделал плохого?

За Андрея неожиданно вступился Зван.

– Что-то я не врублюсь. Даже если Корень подломил ювелирный, что тут такого? Молодца.

Жгучий скривился.

– Зван, ты кое-чего не знаешь.

– Факты? – неожиданно потребовал Алмаз, обращаясь к Жгучему. – У тебя есть факты?

– Есть, – спокойно ответил Жгучий.

– Ну давай, давай, не тяни резину.

– Сейчас.

Жгучий вышел из комнаты и через несколько секунд вернулся с Жориком.

– Они вертелись в тот день возле ювелирного, – сказал Жорик.

– Кто они? – спросил Алмаз.

– Корень и его кенты.

– Что значит вертелись?

– Около двух часов зашли в подъезд. Примерно через час вышли.

– В какой подъезд они зашли?

– В первый.

– А ювелирный в каком?

– В третьем.

– Кто-нибудь из них в третий подъезд входил?

– Нет.

– Выходил?

– Нет.

– Тогда с чего ты взял, что это их работа?

– Корень вышел минут через пять, а те двое, я ж говорю, вышли почти через час. И двинули в сторону «Ударника». Я – за ними. Но Корень задержал меня разговором. А его кенты в это время смылись. Больше я их в тот день не видел.

– Все? – спросил Алмаз.

– Я вернулся к ювелирному, а там уже шухер, – сказал Жорик.

– Еще раз спрашиваю: с чего ты взял, что это их работа? – тихо повторил свой вопрос Алмаз.

– Кроме них, в это время никого возле дома не было. В подъезды входили и выходили только жильцы.

– Ладно, иди, – сказал Алмаз.

Жорик вышел. Алмаз перевел взгляд на Андрея.

– Что скажешь, Корень?

Андрей пожал плечами.

– А что говорить? То мусора что-то шьют, то Жорик.

Его голос звучал неубедительно. И мимика не соответствовала. Это было видно невооруженным глазом.

– По-моему, Корень всегда в несознанке – натура такая, – сказал Зван.

Алмаз скомандовал Жгучему:

– Кентов его сюда, быстро! Только по-тихому.

Жгучий и Волдырь повыскакивали из-за стола и скрылись за дверью.

Алмаз выпил, хрустнул соленым огурцом, с интересом посмотрел на Андрея, будто видел его впервые.

– Корень, сколько взяли?

Андрей молчал. Он понял, что закираться бессмысленно. Признание все равно вышибут. Он чувствовал, что ломается. Но почему-то не испытывал по этому поводу недовольства собой.

– Сейчас привезут кентов, вместе с ними исповедается, – сказал Зван. – А пока, господа бродяги, откушаем окрошки. Девоньки! – Он призывно хлопнул в ладоши.

В дверях показалась Любаша и еще две телки, помладше. В их руках были подносы с окрошкой.

Генку и Мишку привезли минут через сорок. Они стояли перед блатными бледные, растерянные. Андрей поднялся со стула и встал рядом с ними.

Алмаз подошел к ребятам вплотную, посмотрел каждому в глаза. Он знал, что его взгляд подавляет. И это действительно было так.

– На вас вины нет, – тихо сказал Алмаз. – Вы не знали, что берете не свое. Лично к вам ничего не имею. Сейчас поедете и привезете. Отчитаетесь за каждую золотую вещь. Ваша доля – десять процентов. Это по справедливости. И для вас же лучше. Будете сбывать – как пить дать спалитесь. А теперь давайте как на духу: откуда узнали, что плита дырявая?

Голос Алмаза звучал гипнотически. Сопротивляться этой магии не было сил.

– Потолок простукали, – сказал Андрей.

– Алмаз, я скажу пару слов? – спросил один из блатных.

Звали его Сысоич. Это был уже старик, беззубый, сморщенный, но очень авторитетный.

– Выскажись, Сысоич, – разрешил Алмаз.

Старик встал, подошел к пацанам, сказал с пафосом:

– Они хоть и фраера, а сработали чисто. Мы должны радоваться, что в нашу семью вливается такая молодежь.

Сысоич налил пацанам по рюмке водки и чокнулся с каждым. Остальное собрание просто подняло рюмки. Андрей и Генка выпили махом до дна, Мишка – в два приема.

Жорик стоял в дверях, опасно поглядывая на блатное общество. Ему никто не предложил выпить.

Под конвоем Жгучего, Волдыря и Джаги ребята поехали за драгоценностями. Все было спрятано прямо на чердаке в одной спортивной сумке. Это очень удивило слободских. Когда вернулись в клуб, Джага сказал об этом собранию. Повисла минутная тишина. Блатные переглядывались, ухмылялись.

Жгучий вывалил из сумки коробочки с драгоценностями. Алмаз удовлетворенно хмыкнул.

– Ну если столько взяли, то можете оставить себе больше.

– Не надо больше, – сказал Андрей.

– Гордый, – презрительно процедил Жгучий. – Интеллигенция.

– Интеллигенция, – согласился Алмаз и спросил камари-

лю: – А нам нужны интеллигенты?

Все озадаченно молчали.

– На хрен они нужны, – выругался Жгучий.

– Ну кто в магазин залезал, понятно... – сказал Алмаз, насмешливо глядя на Мишку. – А кто арматуру пилил?

Ребята переглянулись и промолчали.

– А пушку кто сделал? – совсем весело спросил Алмаз.

Этот вопрос также остался без ответа.

– Они верят только друг другу, – объяснил Зван.

– И правильно делают! – поддержал Алмаз. – Садитесь, огольцы, в ногах правды нет. Чувствуйте себя как дома. Пейте, кушайте все, что на вас глядит.

Алмаз выглядел простым и добродушным. Но Андрей видел, что это всего лишь маска. Он также понимал, что так просто стать своим в этом обществе ему не удастся. Кажется, это понимали и ребята. Генка вяло ел. Мишка не притрагивался к еде. Но они пока что были просто расстроены, что пришлось расстаться с украденным. Все их планы летели к чертовой матери.

Алмаз сказал что-то на ухо Джаге. Тот взял сумку с драгоценностями и вынес из комнаты. Жорик проводил его странным взглядом и вопросительно посмотрел на Жгучего. Тот едва заметно пожал плечами. Андрей начал понимать, что они хотели сказать друг другу. Жорик сдал его не просто так. Он почти наверняка оговорил себе вознаграждение. Может, даже какую-то часть от украденного в ювелирном. И Жгучий

пообещал. Жгучий что угодно мог пообещать, лишь бы напакостить Андрею. На самом деле это было не в его власти – вознаграждать стукача.

И вот теперь Жорик стоял с таким выражением лица, будто его только что накормили дерьмом. Он мешал Любаше носить угощения. Официанта шикнула на него, и он стерся, исчез за дверью.

Алмаз

Андрей жадно рассматривал блатных. Многие годились ему в отцы. Или просто выглядели старше своих лет. Сказывались долгие годы, проведенные за решеткой, тюремная жеванина, карцеры, голодовки, наркотики.

Блатные сидели, не сняв кепочек с короткими козырьками. Разрисованные татуировками руки резко выделялись на фоне белоснежной скатерти. Они чувствовали себя не в своей тарелке. Любаша постаралась: стол был накрыт по высшему разряду. Нужно было красиво есть и пить. А они не были этому обучены.

Зван легонько толкнул Андрея плечом.

– Ты хоть понимаешь, с какими людьми сидишь?

Жгучий, который сидел рядом и ловил каждое слово, тут же отреагировал:

– Хрена бы он понимал. У него чехи – кенты. Нас не было – он с ними взасос жил. Для всех хочет быть хорошим.

Зван отпил из бокала пиво, облизнул с губ пену и с удивлением посмотрел на Жгучего.

– Откуда такие сведения?

– А по чьей натырке Ленчику эшафот устроили? – спросил Жгучий.

Зван ответил спокойно:

– По-моему, Корень тут особо ни при чем. Чехи давно не

доверяли Крюку.

– «По-моему!» – передразнил Жгучий, и прямо-таки взвился: – Как это ни при чем? А кто Ленчика в Иртыш кидал? Спроси Прыща, он своими глазами видел.

Блатные недовольно переглядывались. Им не хотелось говорить на эту тему. Сысоич сказал:

– Жгучий, Крюк был падла, это все знают. И ты знаешь. Пей, закусывай. Тебе надо отъедаться.

Жгучий запальчиво ответил:

– Ленчик отказался идти с чехами бить Слободку. И других центровых русаков не дал впутать в это дело. Вот чехи и соорудили вокруг него обвинение.

Зван презрительно скривился.

– Еще бы он пошел резать Слободку. А что ты там про обвинение? Ты что имеешь в виду?

– Что имею, то и введу, – грубо ответил Жгучий. – Ты будто не знаешь, что шили Ленчику.

– Будто он работал на Досанова? Считаешь, этого не было? – спросил Зван.

Это был коварный вопрос. Если бы Жгучий ответил утвердительно, он бы взял посмертную репутацию Крюка под свою защиту. И мог потерять на этом собственную репутацию.

– Я не могу дать сто процентов, было или не было, – буркнул Жгучий. – Просто не верю этому фраерюге.

– Давайте послушаем Корня, – предложил Алмаз. – Пояс-

ни нам, Корень, по порядку, как все было.

– Я не буду при всех говорить, – сказал Андрей.

Блатные переглянулись. Жгучий сделал жест: мол, я же говорил, что Корень – наглый фраер.

Алмаз мягко посмотрел на Андрея.

– Давай по порядку.

Андрей не стал рассказывать всего, что связывало его с Крюком. Вспомнил только два случая. Как по натырке Крюка выкрали деньги из продмага. Как центровые русаки во главе с Фуриком чуть не раздели их. И как потом эти два случая странным образом стали известны капитану Досанову. Про горону Андрей умолчал.

Жгучий вскочил.

– Братва, что он нам втирает? Как Ленчик мог сдать этих фраеров? А если бы они в ответ сдали его?

Зван перебил Жгучего:

– Значит, Ленчик был в них уверен. Или ему было по хрену, сдадут они его или не сдадут. Знал, что Досанов его отмажет. Фурик сейчас в СИЗО. С ними говорили люди. Он подтвердил, Ленчик действительно велел раздеть пацанов. А потом велел пришить Корня прямо в больничке. Чего ради он так преследовал Корня? И кто, в конце концов, Корня порезал? Сам Крюк!

– Откуда это тебе известно? – спросил Жгучий.

– От Прыща. Я сам с ним говорил.

Жгучему нечем было крыть. На него смотрели, как на

клоуна. Он это почувствовал.

– Братва, кому вы верите? Мне вас жаль.

В повисшей паузе веско прозвучал негромкий голос Алмаза:

– Не тебе, дружок, делать выводы, кому верить, кому не верить. То, что Крюк терся у лампасов, это факт. За что и получил свое. Нельзя кому-то не верить только потому, что он фраер. Корень и его кенты как раз хорошо себя показали. А за Ленчика нам всем должно быть стыдно. Это не чехи, это мы должны были вырвать ему жало. Он давно не заслуживал жизни.

– Получается, я не имею права кому-то не верить? – дерзко спросил Жгучий.

Сысоич прикрикнул на него:

– Ты угомонишься сегодня?!

Алмаз сделал успокаивающий знак рукой:

– Молодежь может обращаться за разъяснениями. А мы обязаны пояснять. Каждый имеет право кому-то не верить. Но зачем шуметь? Жгучий, держи свое недоверие при себе. Не порти людям аппетита.

Все рассмеялись. Жгучий побагровел.

– Я все же испорчу вам аппетит. Пусть фраер скажет, где он жил с апреля, когда ушел из дома. И кто его вытащил из СИЗО.

У Андрея внутри все оборвалось. Он предчувствовал, что дружба с Петром Палычем рано или поздно выйдет ему бо-

ком. Но не мог предположить, что это произойдет при таких обстоятельствах.

– Договаривай, – сказал Алмаз Жгучему.

– Корень жил в одной квартире с мусором, – объявил Жгучий.

Кто-то из блатных присвистнул, кто-то многозначительно кашлянул. Над столом повисло напряжение.

– Это он? – спросил Алмаз, глядя в глаза Андрею.

– Он, – сказал Андрей.

Все поняли, что Алмаз знает, о каком мусоре идет речь, и замерли, ожидая продолжения разговора.

– Интересно, – задумчиво произнес Алмаз. – А сейчас где живешь?

– Дома.

– А чего раньше не жилось?

– С отцом поругался.

– А сейчас как отношения?

– Пока трудно сказать.

– Майор в больнице?

Андрей кивнул.

– Как он?

– По-моему, лучше.

– Давай-ка вместе его проведем, – предложил Алмаз.

Андрей пожал плечами: мол, как скажете.

Напряжение спало. Зван попросил присутствующих наполнить рюмки, поднялся и сказал:

– Братва, раньше я смотрел на мусора и думал: перегрызть бы тебе глотку. А теперь гляжу и прикидываю: за сколько тебя, легавого, можно купить? Это я к тому, что времена меняются. Нужно прямо сказать, в этом деле чехи нас опередили. Они показали, что купить можно кого хочешь. Вопрос только в цене вопроса. А если кого нельзя купить, то можно запугать. Страх сильнее жажды денег. Если кто согласен со мной, прошу за это выпить.

Сысоич заметил со смешком:

– Ты ж объявил в Слободке сухой закон.

– Объявил, – невозмутимо ответил Зван. – И наркоту запретил. Много на этой почве беспредела, ненужных напрягов с мусорами. Жизнь у нас и без того непростая, зачем лишние хлопоты? Но нам-то по случаю такой встречи нарушить можно?

Все смотрели на Алмаза, ждали его слова.

Алмаз сказал коротко:

– Расслабляемся.

С каждой минутой застолье становилось все более шумным. На ребят перестали обращать внимание. Теперь они могли поесть и потихоньку выяснить отношения.

Генка зашипел на Андрея:

– Ну ты, мля, даешь! У них были доказательства? Они приперли тебя к стенке? Они тебя пытали?

Андрей поморщился.

– Ты бы не сказал?

– Никогда в жизни!

– Тебе жалко денег? Да тьфу на них! – Андрей сплюнул.

– А мне не тьфу, – сказал Генка. – Как я теперь дерну из страны? Я снова нищий.

Мишка молчал, никак не показывая, на чьей он стороне. Потом поднял на Генку выпуклые глаза и горячо зашептал:

– Знаешь, Геныч, мне тоже жалко. Мы могли бы хорошо пожить. Но ты поставь себя на место Алмаза. Ты готовил операцию, а в последний момент кто-то уводит у тебя добычу из-под носа. Как бы ты поступил с Андрюхой, если бы тот не признался?

Генка молчал. Кажется, помаленьку втыкался.

– Если бы Андрюха не признался, его бы точно начали пытаться, – продолжал Мишка. – И нас с тобой заодно. Я сейчас знаете о чем думаю? Милиция на ушах будет стоять, пока не найдет. Рано или поздно кто-нибудь с этими кольцами-браслетами спалится. Поэтому давайте договоримся, как будем себя вести, если нас снова возьмут за одно место.

– У мусоров нет против нас ничего. Ничего, понимаешь? – нервно проговорил Генка.

– Есть. На сумке и коробочках остались отпечатки наших пальцев, – сказал Мишка.

– Ничего там не осталось, – сказал Андрей. – Когда вы ушли, я все протер влажной тряпкой.

Мишка просиял.

– Ну, Андрюха, ты молоток. Тогда нам на все плевать.

– Да нет, не на все, – сказал Андрей. – Ты забыл про Жорика. Теперь я уверен: если бы не Жорик, Костик был бы жив. Это то, что мы знаем. А чего не знаем? Интересно, куда исчез стукачок.

Андрей хотел еще что-то сказать, но его отвлек Алмаз. Блатной дал знак, что пора ехать.

Джага в считанные минуты домчал их до больницы. Дежурила Катя. Андрей спросил, нет ли кого у Петра Палыча. Девушка сказала, что майор один, с недоумением посмотрела на Алмаза, но пропустила его без вопросов.

Петр Палыч сидел над шахматной доской, разбирал партию. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он даже не прекратил своего занятия.

– Никогда не знаешь, что принесет поздний вечер, – театрально произнес Алмаз, выглядывая в открытое окно и делая знак Джаге: мол, все в порядке. – Как здоровье, начальник?

– Не знаю даже, чем тебя порадовать, – буркнул майор, двигая фигурой.

– Не можешь и не надо, – бросил Алмаз. – Живи на здоровье. Думаешь, мне для тебя жизни жалко? Умирать надо только в крайнем случае.

– Ты, я смотрю, философом стал, – проворчал майор.

– Скорее, моралистом, – поправил Алмаз. – Можешь не верить, но во мне растет отвращение к пороку.

Майор усмехнулся.

– На фоне потребности в пороке?

Алмаз смерил его холодным взглядом.

– У меня никогда не было этой потребности. Ты это придумал. Для оправдания своей ненависти мы всегда что-нибудь надумываем.

Петр Палыч посмотрел на него как-то странно, будто узнавал заново, и ничего не сказал.

– Ну и что дает тебе эта игра в шашки с самим собой? – спросил Алмаз.

– Пытаюсь понять, что у тебя в голове, – ответил Петр Палыч, отвлекаясь от шахматной доски.

– Знаешь, – сказал Алмаз, опираясь на подоконник, – я ведь к тебе не ругаться пришел. Можем же мы хоть раз по-человечески поговорить.

Петр Палыч удивленно поднял брови.

– Мама дорогая! Что с тобой, Алмаз? Мусор, он ведь и на пенсии мусор. Как можно с ним по-человечески?

Алмаз пожал плечами:

– Не хочешь – я могу уйти.

– Зачем? Коли потянуло, давай поговорим, – сказал Петр Палыч, отодвигая от себя шахматную доску. – Я тебе, кажется, задал вопрос: над чем сейчас работает твоя криминальная мысль? Как сбить золотишко и не залететь? Угадал?

Алмаз ядовито рассмеялся.

– Ну что за манеры, начальник? Ты ведь не на допросе. Почему ты уверен, что у меня в голове одни криминальные мысли? А может, на меня воспоминания нахлынули?

Майор хмыкнул.

– Знакомая песня. Я был чистый оголец, ангельская душа, нечаянно угодил в тюрьму, и проклятые тюремщики меня испортили.

Андрей стоял, прислонившись к стене, и пытался понять, что, собственно, происходит: для чего этот разговор и чем он может кончиться?

Алмаз открыл пачку «Казбека», взял папиросу, угостил Андрея, подумал и протянул пачку майору. Тот покачал головой.

– Спасибо, у меня свои.

Он достал из кармана пижамы «Приму».

Алмаз прикурил папиросу, сделал затяжку и укоризненно произнес:

– Служил ты власти верой-правдой, и как же она тебя отблагодарила? Куришь копеечную отраву... – Вздохнув, продолжал: – А ведь у меня и правда душа была чистая. Помню, не мог воровать, даже когда из детдома сбежал, когда жрать было нечего. Ходил, просил хлеба. Где-то подавали, а где-то говорили: «Пусть тебе Сталин подаст». Как в воду глядели. Хороший закон придумал великий вождь: велел судить с двенадцати лет. Тогда-то мы с тобой и встретились.

– Мы встретились, когда тебе было четырнадцать лет, – поправил майор.

Алмаз прошелся по палате, припадая на левую ногу, и продолжал:

– Как сейчас вижу, пришел наш этап, а ты ходишь перед нами гоголем и вкручиваешь: мол, держите меня в курсе всех наших дел, в этом ваше исправление. Мы заржали, а ты скрипнул зубами и с того дня начал закручивать гаечки по самые гланды. За что только не били нас твои псы-активисты! За плохо пришитую пуговицу, за дырку в робе, за плохо начищенные сапоги, за курение в неположенном месте. Делали «московский телефон» – били ладонями сразу по обоим ушам. Видишь, каким ухом я к тебе все время стою? Другое не слышит. Хоть сейчас скажи, чего ты добивался? Чтобы мы твоих псов резали и получали новые сроки? Если так, то ты своего добился – раскрутил меня...

Алмаз стряхнул пепел и спросил:

– А через сколько лет мы снова встретились, помнишь? Через пять?

– Через четыре года, – уточнил Петр Палыч. – Ты был уже законником, карьеру сделал. И пришел на штрафняк «Чум».

– Точно, – согласился Алмаз. – Но и ты карьеру сделал. Ты был на «Чуме» главным кумом. Прямо с этапа по старому знакомству отправил меня в трюм. Хотел, чтобы я работал. А мне закон не позволял. И ты начал меня гнуть, морил голодом и холодом. Ты хоть помнишь, сколько меня гнул?

– Помню, что мало, – со смешком отозвался майор.

– Ты держал меня в трюме два года. Это был рекорд. Но так ничего и не добился. И выпустил на зону, решил другим вариантом взять. К тому времени ты придумал разложенче-

скую работу. Слово-то какое! Помнишь, ты сказал мне при людях: «Что-то давно ко мне не заходишь, Алмаз, заглядывай, чайку попьем». Бить тебя было себе дороже, припаяли бы еще как минимум червонец. Поэтому я просто плюнул тебе в глаза. И ты еще два года морил меня в трюме. Думал, я там сдохну от тэбэцэ. Но я тебя обманул. Я сказал, что пойду в тайгу. И ты обрадовался. Ты думал, я возьму в руки топор. И я действительно взял. Только не для того, чтобы рубить лес и выполнять для тебя план. Я отрубил себе половину ступни, и меня определили в отряд для инвалидов. Так я выжил и даже освободился по звонку. Ведь ты не дал бы мне освободиться, ты бы что-нибудь придумал, правда?

Петр Палыч развел руками.

– А что делать? Это в Америке директор тюрьмы может продлить срок заключенному, если видит, что тот не исправился. А у нас такого закона, к сожалению, нет.

Алмаз поднял указательный палец.

– Скажу тебе как на духу: не сманивал я Вилену, не настраивал против тебя. Вот те крест, – Алмаз перекрестился, – не было этого. Вилен сам до всего дошел. Даже твой сын понял, что ты вытворял с людьми. А то, что со мной уехал, когда у меня срок кончился... Ему просто надо было за кого-то зацепиться. Он видел, что со мной не пропадет. Я спас его от тебя. И тебя – от него. А ты меня грохнуть хочешь.

Петр Палыч процедил:

– А скольких ты приговорил? Наверно, со счета сбился.

А скольких молодых ребят по твоему слову опустили? Кто вообще придумал это опускание? Ты!

Алмаз отцедил в ответ:

– Ты вербовал себе агентов. Я их вычислял. Это было не так уж трудно. Ты выдавал им премиальные: чай, теофедрин, анашу. Даже поощряя своих псов, ты нарушал закон. Ты вообще с годами переставал понимать, что такое низость.

– А ты появляешься в жизни пацанов, кому не повезло с отцами, как черт из табакерки, – парировал майор.

Алмаз скорчил презрительную гримасу.

– Да ладно тебе. Я разговариваю с пацанами по-простому, ничего из себя не корчу, учу правильно жить. И ничего не навязываю. Если Корень скажет мне, что у него другой путь, я ему отвечу: бог тебе навстречу. И больше он меня не увидит.

– Врешь, – тихо сказал Петр Палыч. – Но пацана оставь в покое, или я тебя точно грохну.

Алмаз смерил майора холодным взглядом.

– Нечем тебе грохать.

Алмаз направился к дверям. У порога обернулся и вопросительно посмотрел на Андрея: мол, ты со мной или остаешься? На лице майора был написан тот же немой вопрос.

– Поправляйтесь, Петр Палыч, – сказал Андрей.

– Может, на прощанье партийку? – спросил майор.

Андрей взглянул на Алмаза. Тот благодушно усмехнулся. Расставили фигуры, разыграли цвета, Андрею достались

черные, пустили часы. Петр Палыч даже не закурил. Не хотел отвлекаться, терять на затяжках доли секунд. Но и Андрей собрался в кулак. Он тоже никак не мог проиграть.

Алмаз наблюдал с интересом, не проронив ни слова. Спустя десять минут все было кончено. Петр Палыч остановил часы. На доске был мат. Мат белым.

Алмаз рассмеялся.

– Что-то тебе, начальник, последнее время не везет. А у меня наоборот – пруха. Ха-ха!

Катя проводила их до дверей.

– Это она? – спросил Алмаз, когда вышли во двор.

– Она, – сказал Андрей.

– Жаль, не тому досталась. Это надо исправить. Что ей больше всего надо?

Андрей ответил после короткого раздумья:

– Она хотела поступить в медицинский в Семипалатинске.

– Что-то помешало?

– Недобрала один балл.

– Странно, – сказал Алмаз. – Если медсестрой работает, значит, закончила медучилище. Таких в первую очередь принимают. Ладно, Витька Крюгер разберется, семипалатинский смотрящий. Поможет ей, как немец немке. Но тогда она уедет. Тебе это надо?

Андрей пожал плечами.

– Пусть едет.

– Она будет жить в другом городе, Андрей.

– Пусть живет.

– Вообще-то ей должен был Адам помочь, – сказал Алмаз. – Он кого хочешь купит. Но ему, как видно, надо, чтобы она здесь жила, а не где-то. Так, Андрей? Я буду звать тебя не Корнем, а по имени, Андреем. Ты не против?

– Зовите, – равнодушно отозвался Андрей.

Алмаз поморщился.

– Опять выкаешь. Ну что, на брудершафт с тобой пить, что ли?

– А почему у вас все на «ты»? – спросил Андрей.

– Потому что мы все – братва, то есть братья.

– Жгучий мне не брат. И Волдырь не брат, – сказал Андрей.

Они подошли к машине, где сидел Джага.

– Джага будет тебе братом. – Алмаз круто поменял тему разговора. Сказал то, что было на уме: – Надо бы тебе встретиться с Адамом. Попытайся понять, что они готовят, какой у них настрой. Воздух надо понюхать, понимаешь?

– Ясно, – кивнул Андрей.

– Справишься?

– Постараюсь

Невозмутимый Джага улыбался глазами. Ему нравился Андрей.

– Через неделю твоя немочка будет в Семипалатинске, – пообещал Алмаз. – А ты не хочешь прокатиться? На море?

Со своими ребятами?

– Мишаня не сможет. У него мать при смерти, – сказал Андрей.

– Похороним, и поедете, – сказал Алмаз.

– Страшно кое-кого оставлять, – осторожно проговорил Андрей. – Жгучий и Волдырь беспредельничают.

– За кого боишься?

Чувствовалось по тону, что Алмаз задал этот вопрос больше для того, чтобы скрыть, что он и сам знает, за кого боится Андрей.

– За братьев и за одну девчонку. Поеду или не поеду, но если эти твари хоть пальцем их тронут, им не жить, – твердо произнес Андрей.

– Пока я здесь – не тронут, – сказал Алмаз. – Но когда вернетесь, мне придется уехать. Вот тогда Жгучий с Волдырем могут распоясаться. Они даже Звана не празднуют. Но если я узнаю, что ты не выполнил свою угрозу, то очень меня разочаруешь.

Андрей твердо ответил:

– Я вас... тебя не разочарую.

– Почему не спрашиваешь: куда ехать, что делать?

– Куда надо, туда и поедем. Что надо, то и сделаем.

– То есть без вопросов?

– Есть вопрос, – подумав, сказал Андрей. – Кто будет знать, куда мы едем?

– Вот, Джага. И больше никто. А кого ты опасешься?

Андрей сказал в двух словах, что он думает о Жорике. Выслушав, Алмаз неожиданно встревожился и велел Джаге наддать газу.

Жгучий и Волдырь встретили их возле Дунькиного клуба. Они едва стояли на ногах. Алмаз брезгливо поморщился.

– А где ваш Жорик?

– Домой поскакал, – икнул Жгучий.

– Давно?

– Давно.

Алмаз вошел в комнату, где сидели блатные, и сказал, что с минуты на минуту может нагрянуть милиция.

Началась легкая паника. Никому не хотелось сбрасывать наркотики и ножи. Те, у кого были стволы, занервничали особенно сильно.

Алмаз выглянул в окно, посмотрел по сторонам и приказал:

– Уходим кто куда! – Повернулся к Андрею: – Бери своих ребят и сквозите отсюда. Только огородами. Огородами! Быстро!

Подходя к Новостройке, ребята увидели, как в сторону Слободки пронесли несколько легавок. В одной из них мелькнуло лицо капитана Досанова.

Андрей не ошибся в своих догадках. Жорик не просто так сдал их блатным. Жгучий пообещал ему за информацию долю с драгоценностей, а потом послал подальше. Тогда разобиженный Жорик побежал звонить Досанову. Капитан от-

реагировал молниеносно. Но его опять ждала неудача. Блатные ушли вместе с драгоценностями из-под самого носа.

Надо было выполнять поручение Алмаза. На следующий день Андрей выбрал момент и как бы случайно столкнулся возле юридического с Русланом. Школьный товарищ обрадовался Андрею, но, вопреки обыкновению, был чем-то озабочен и неожиданно предложил пройтись до Гусинки.

Они подошли к дому Куцуевых.

Еще издали стал слышен странный гул, похожий на воркованье сотен голубей.

– Залезь на дерево, глянь, – сказал Руслан.

Андрей забрался на старую развесистую иву. И прибалдел. По большому двору Куцуевых носились по кругу в затылок друг другу десятки молодых чеченцев, а пожилые, в папахах, ритмично хлопали в ладоши.

– Никогда не видел? – спросил Руслан, глаза его горели. – Это зикр, ритуальный танец. Танцующие впадают в транс и после этого не знают жалости, не чувствуют боли, не боятся смерти. Один может драться против десятерых. А знаешь, сколько в городе чеченских дворов, где тоже танцуют зикр? Пройшей ночью проводили пробный боевой сбор. Пришло больше тысячи молодых мужчин. Для них война – естественное состояние. А кого бросят в бой блатные? Совсем молодых парней. Мне их жаль. Их будут резать, как баранов.

– Зачем ты привел меня сюда? – спросил Андрей. Зикр произвел на него сильное впечатление.

– Зачем? – повторил Руслан. – Говорят, ты сейчасazole блатных трешься. Ты им подскажи: еще одна провокация с их стороны – и в городе начнется настоящая война. Под горячую руку попадут невинные люди. Надо все-таки хоть немного о последствиях думать. Ведь это уже политика.

– Я могу, конечно, сказать. Только кто меня послушает? – пробормотал Андрей.

– Твое дело сказать. Пусть шевелят мозгами, – с заметным раздражением сказал Руслан. Он переживал за своих.

Хотя главное они уже обсудили, Руслан продолжал разглагольствовать. Было видно, что он просто повторяет речи взрослых.

– Мы вас, русских, не понимаем. У вас такая культура, а через слово мат. Вы можете полаяться и разойтись, не подравшись. Или взять блатных. Разрисовались, как дикари, и думают, что это красиво. А ты видел хоть одного чеченца с татуировкой? Нам нравится быть выше вас. Все равно в чем. Превосходство над другими у нас вообще в крови. С этим рождаемся, с этим и умираем. А вы указываете, как нам жить. За это вы всегда будете перед нами виноваты.

Андрей передал разговор с Русланом слово в слово. Алмаз выслушал спокойно, почти равнодушно. На самом деле внутри у него бушевала буря. Он хотел взять чехов на испуг, думал, на этот раз прогнутся. Десант блатных был всего лишь эффектной демонстрацией силы. Но, как видно, номер не прошел. Алмаз понимал, что его подвело долгое сидение

под замком. Оторвался от реальной жизни. Сказалась и привычка блефовать, играя в карты. Нужно было давать событиям обратный ход. Но как сделать это, не теряя лица?

– Может быть, вам... тебе еще раз встретиться с Адамом? – осторожно спросил Андрей. – Руслан может свести.

– Договаривайся, – как бы нехотя согласился Алмаз.

Выслушав Андрея, Адам выдвинул свое условие. Не надо никакой встречи. Пусть Алмаз подарит ему пистолет. Это будет означать, что примирение состоялось.

По сути, чеченец предлагал блатному самоубийство. Вместе со стволом Алмаз терял все: репутацию, положение в уголовном мире и даже жизнь. Свои же, блатные, не простили бы ему этой слабости.

– Что ж, будем поднимать город, – решил Алмаз. – Мы им устроим второй Аркалык. Чему быть, того не миновать.

Андрей озадаченно молчал. Перед его мысленным взором пронеслись чеченцы, танцевавшие зикр. Вспоминалась бойня в Слободке. Нет, нужно было что-то придумать. Иначе – труба. Он слышал, что в Аркалыке было много жертв с обеих сторон. Здесь будет не меньше. Нужно было придумать что-то такое, что не задевало бы самолюбие Алмаза.

– Что еще говорили чехи? – допытывался Алмаз.

Наверно, он тоже, несмотря на всю свою решительность, искал мирный выход из положения

– Руслан сказал, что им, если пострадают невинные люди, могут пришить политику. Это значит, первыми они не нач-

нут. Но ведь политику могут приписать и тебе.

Дослушав Андрея, Алмаз хмыкнул.

– Политика нам ни к чему.

На другой день братва собралась за городом, в небольшом лесочке. Вокруг на все четыре стороны простиралась степь. Никто не мог подойти незамеченным. И все же блатные сложили свои ножи подальше от места заседания. Этого требовала не только осторожность, но и обычай. В сходке должны участвовать только безоружные. Мало ли как накалятся страсти.

Жгучему и Волдырю разрешили присутствовать. Они были стремящиеся. Разрешили и Андрею. В нем видели стремящегося. Это был как бы расширенный пленум.

Алмаз начал с главного. Он сказал, что чехи хотят перевести конфликт в область политики. Мол, Берия со Сталиным вывезли их из Чечни, а блатные хотят выжить из города. Поэтому они будут вынуждены защищаться и не гарантируют, что не пострадают невинные люди.

– Нам могут пришить политику, – сказал Алмаз. – Можем мы пойти на это?

Вопрос отдавал лукавством. Все блатные знали, что их закон не разрешает им быть осужденными по политической статье.

Постановили ответить на хитрость хитростью. Ответственным за разработку дальнейших действий назначили Звана. Никто не переживал, что кровавая разборка отклады-

валась на неопределенное время. Зачем лишние неприятности?

Только Зван выглядел расстроенным. В случае замирения «Ударник» оставался в руках центровых, считай чеченцев. А вместе с кинотеатром – ресторан. Единственной надеждой была стремительно растущая Новостройка и система поборов, уже опробованная на Слободке.

Начиная со второго пункта повестки дня, сходка напоминала семинар по обмену опытом. Алмаз предоставил слово Звану. И тот начал с конкретного примера:

– Тут присутствует Корень. Его не допустили к экзаменам в десятом классе. Считай, оставили на второй год. Если бы Корень был с нами, все было по-другому. Мы бы пришли к директору и предупредили: если ты так сделаешь, то очень об этом пожалеешь. А если бы наша система распространялась на Новостройку, у директора даже мысли бы не возникло серьезно наказать кого-то без нашего ведома.

Зван оглядел присутствующих, пытаясь уяснить, поняли ли они что-нибудь. Увидев, что не поняли, продолжал, играя четками:

– Как известно, одни пацаны могут позволить себе хорошо одеваться, иметь карманные деньги. Другие этого лишены. Это справедливо? Нет, это не справедливо. Как это исправить? Очень просто. Каждый пацан ежемесячно делает взносы в общую кассу. Если он с нами мотается, участвует в общих делах, он получает на одежду, на карманные расходы.

Он ни в чем не нуждается. Если его порезали, ему идет помощь. Если посадили, идут передачи. Если серьезно пострадал, помощь получают родители.

Наша система действует уже год. За это время никто не сел. За что садиться? Ведь никто не ворует. Зачем воровать, если без этого есть деньги? Не так много, но есть. Пацанам на жизнь хватает. Естественно, кому-то больше перепадает бабок, кому-то меньше. Кто-то вообще ничего не имеет. Мы говорим каждому прямо: все зависит от тебя самого. Хочешь что-то иметь – будь с нами. Не хочешь – будешь своими взносами только откупаться. Ты платишь, мы закрываем глаза на то, что ты не с нами.

– Девки тоже платят? – спросил кто-то из блатных.

– Платят все, начиная с первого класса, – пояснил Зван. – А в седьмом классе телочке говорят: теперь можешь и не платить. Можно по-другому участвовать в нашей жизни. Небось уже чешется? Вот и хорошо. Нашим пацанам тоже невтерпеж. Короче, давай к нам. От этого опять-таки только польза. Пацаны шкурку не гоняют, здоровье берегут.

Блатные заржали. Алмаз не поддержал общего оживления. Он бросил Звану:

– Давай о главном.

– Сейчас все больше появляется людей с нетрудовыми доходами. Так их в газетах называют. Но мы-то можем прямо сказать: это люди, которые втихаря воруют у других. Обвешивают, обсчитывают и так далее. Справедливо это? Нет. А

кто должен бороться с этой несправедливостью?

– Мы! – весело выкрикнул Волдырь.

Зван продолжал:

– Правильно, мы приходим к такому бобру и говорим: вот, на тебя есть такие-то сведения. Либо нам начинаешь отстегивать, либо здесь работать не будешь. Выбирай.

Те, кто помоложе, слушали с интересом. Те, кто постарше, смотрели осуждающе.

– Система интересная, не исключено, что у нее большое будущее, – сухо произнес Алмаз. – Но в ней сокрыта скверна. Мы все пешком ходим, а ты, как король, на машине катаешься. А вдруг в нее кто-нибудь врежется? Вдруг сам аварию совершишь? Придется давать показания. То ли на других, то ли на себя. А давать показания – значит, сотрудничать с органами. И как быть с растущими аппетитами? Сегодня у тебя «москвич», а завтра тебе захочется «Волгу». А послезавтра заведешь себе сберкнижку.

Зван слушал, опустив глаза. Он ждал подобных претензий. И отвечал, как по писаному:

– Братва, не мне вам говорить! С одной стороны, мусора борзеют. Сидеть стало тяжело. С другой стороны, в стране начинается коррозия. Главным в жизни становятся не идеи, а деньги. Жирные коты воруют миллионы, и это сходит им с рук. А мы должны садиться за копейки? Лично я считаю, нужно идти в ногу с жизнью. Нельзя отставать.

Слово попросил Сысоич:

– У нас были понятия. Обмани, но не насилуй. Отними, но не убивай. И так далее. Мы гордились своим благородством. А тут что будет? Вы отдайте нам ваши деньги, мы будем на них красиво жить. Не отдадите, будем вас мучить. А где же квалификация? Я ж себя уважал за то, что умел украсть. Бывало, потерпевший у меня даже не щекотнется. Душа от восторга замирала, когда в карман лез. А иногда замирала и от страха: ведь годами свободной жизни рисковал. А тут какой риск? Обложили данью первоклассников, и они несут свои копейки. Нет у тебя, девочка, копеек, плати натурой. Тьфу! Ты, Алмаз, как знаешь, а я не хочу больше слушать.

Сысоич поднялся с пня, отошел в сторону и сел под деревом.

Алмаз попал в сложное положение. Он должен был показать, чьи взгляды ему ближе: воров старой закваски вроде Сысоича или братвы нового поколения в лице Звана.

Но он не торопился со своим словом. Давал высказаться другим.

Как ни странно, правильный вор Сысоич оказался в меньшинстве. Почти все говорили, что нужно исходить из воровского кодекса, который разрешает отступление перед натиском мусоров путем их обмана. Вспомнили, что одно время было разрешен даже фиктивный письменный отказ от воровского звания. Чем сильнее борьба с преступным миром, тем больше этот мир получает оправданий для своего самосохранения.

Пока Алмаз и Сысоич сидели последний срок, у их преемников на воле произошел сдвиг сознания. И с этим нельзя было не считаться. Соотношение сил было не в пользу ветеранов.

Зван снова взял слово. Он был краток.

– Власть сама пишет и переписывает правила жизни. А мы – тоже власть. Власть сама берет все, что хочет. Значит, и мы можем брать все, что хотим. Я думаю, Сысоич просто не вник. Пройдет немного времени, и он поймет, что молодежь бывает права.

Алмаз сказал, что окончательные выводы делать преждевременно. Нужно встречаться и советоваться с другими авторитетными людьми. И объявил сходняк закрытым.

На железнодорожном вокзале и в аэропорту слонялись милиционеры в штатском. Следили, как уезжали блатные, и не скрывали облегчения. Терлись, не скрывая злорадства, и чеченские шнурки.

Алмаз лично провожал Сысоича. Довел старика до купе в вагоне СВ, там они поговорили о чем-то без свидетелей. С Алмаза не спускал глаз рыжий Гасан. Чеченцы до последней минуты не верили, что блатные разъезжаются. За Гасаном присматривал Джага.

Андрей сидел со Званом в «москвиче» и пытался объяснить себе, что же происходит. Пока что ясно было только одно: если раньше он сам принимал решения, то теперь все решают за него. К примеру, где ему быть и что делать. Алмаз

велел лишний раз не светиться. Вот и приходится сидеть в машине. А потом они куда-то поедут. Куда – непонятно. О чем будут говорить, что делать – тоже непонятно. Это опять-таки будет решать Алмаз. А что же он, Андрей Корнев? Получается, он уже не принадлежит самому себе. И это было противно.

– Сегодня вечером устроим небольшой бордель, – сказал Зван. – Специально для тебя и твоих кентов. Лучшие слободские телочки обслужат – премия от Алмаза. За хорошо проделанную работу в ювелирном.

– У Мишани мать умерла, – сказал Андрей.

Он узнал об этом утром, от Генки.

– Умерла – какие проблемы? Похороним, – отозвался Зван.

– Жгучий с Волдырем будут? – спросил Андрей.

– Будут. На атасе стоять.

– Они Костика продырявили? – вырвалось у Андрея.

Зван смерил его тяжелым взглядом.

– Никогда не задавай таких вопросов.

– У меня никогда больше не будет такого друга, – сказал Андрей.

Зван завелся:

– Ну какого хрена ты меня отталкиваешь? Нам с тобой надо во всем быть вместе. Алмаз здесь долго не задержится. Как только свалит, Жгучий с Волдырем тут же попытаются меня смять. Если у них выгорит, тебе тоже хана.

– Не нравится мне твоя система, – откровенно сказал Андрей.

– Знаешь, мне тоже мало радости слушать эти «Школьные вальсы», – неожиданно сказал Зван. – Но не все плохо в этой системе. Понимаешь, она – как банк. С первого по седьмой класс ты делаешь вклады. А потом начинаешь получать с процентами. Одних система угнетает, а других спасает. У наших ребят нет проблем ни с родителями, ни с учителями. И те и другие знают: ребят обижать нельзя! Многие живут без отцов. С таких мы берем меньше, а даем больше. Помогаем с первого класса.

Зван перевел дыхание и продолжал:

– Вот, у кента твоего мать умерла. Кто ему, кроме нас, поможет? Вам директор школы, можно сказать, жизнь сломал. Кто его накажет? Опять-таки мы. На днях поедете в командировку. Не знаю, какое у вас задание. Наверное, серьезное. Дай вам бог удачи, но вдруг сорвется? Кто вам поможет? Мы. На какие деньги? В основном на эти самые. Так что не спеши с выводами, Корень.

Андрей слушал Звана внимательно и думал про себя: умеет, гад, убеждать.

На третий день после похорон Зван выдал ребятам командировочные. Каждому по пачке новеньких сторублевок в банковской упаковке. У всех троих глаза на лоб полезли.

– Куда столько? – вырвалось у Андрея.

Зван усмехнулся:

– Бери, пока дают. Еще мало будет. А теперь слушайте внимательно. Вы – спортсмены. Футболисты сборной города. Едете на соревнования. Тренер с командой уехали раньше, вы догоняете. Купите себе одинаковые спортивные костюмы. Чтобы вас за версту было видно, что вы спортсмены. Билеты на самолет получите в день вылета. В аэропорту прибытия вас будет встречать человек. Он сам подойдет к вам и все объяснит: где будете жить и что надо делать.

– А если этот человек не придет? Обратно лететь, что ли? – спросил Андрей.

– А что с ним случится?

– Ну мало ли...

Зван озадаченно молчал.

– А почему Алмаз сам не скажет, что и как делать? – поинтересовался Андрей.

Зван ответил, не глядя в глаза, с легкой усмешкой в голове:

– Алмаз ничего не делает просто так. И чего-то не делает тоже не просто так.

Андрей пришел в больницу попрощаться с Катей. Вдруг вернется, а ее уже не будет в городе. Но ему сказали, что Катя больше здесь не работает.

Андрей поехал в Слободку, нашел дом, где квартировала Катя. Ему повезло. Она еще не уехала.

Катя была в великолепном настроении. Поделилась радостью: ей позвонили из института и сказали, что она зачисле-

на на первый курс.

– Представляешь, обнаружили ошибку. Оказалось, у меня проходной балл.

– Я рад за тебя.

– Сегодня у меня последний рабочий день. Даже не верится.

– Здорово!

– Все-таки мечты сбываются.

– Кто-нибудь еще рад за тебя? – спросил Андрей.

– Я все время разговариваю с мамой. Я чувствую, как она счастлива. А у тебя как дела? Ты какой-то важный.

– Устроился в одно место. Работа денежная, правда, связанная с командировками.

– Да? Какая же?

– Секрет.

Глаза у Кати стали серьезными. Она изучающе смотрела на Андрея.

– Ты уезжаешь, и я уезжаю, – сказал Андрей. – Могу к тебе в Семипалатинск на обратном пути завернуть.

Катя тяжело вздохнула.

– Ой, я отстала на две недели, придется догонять. Боюсь, совсем не будет времени.

– Ну он-то к тебе, наверное, придет? – спросил Андрей, имея в виду Адама.

Катя покачала головой.

– У нас все кончено.

Андрей смотрел недоверчиво.

– У нас с ним все кончено, – повторила Катя.

«А у нас с тобой?» – чуть не вырвалось у Андрея, но он промолчал. Его внутренний голос кричал: «Какого черта я тебе навязываюсь? Когда у меня найдутся силы, чтобы порвать с тобой раз и навсегда?»

Катя вздохнула:

– Не хватало нам на прощанье поссориться.

Андрею показалось, что она смотрит на него с нежностью. Он весь напрягся в ожидании. Если бы она взяла его за руку... Если бы обняла... Если бы, хотя он об этом даже не мечтал, поцеловала его... Он бы... Он бы все бросил и поехал с ней. И не было бы на свете человека более счастливее, чем он.

Но Катя просто протянула руку.

Андрею вспомнилось где-то прочитанное: «Была без радости любовь, разлука будет без печали».

Он коснулся руки Кати и коротко сказал:

– Пока.

Андрей уходил, чувствуя на спине взгляд Кати. Он был очень доволен собой, что не оглянулся.

Андрей пошел к Димке. Ему хотелось знать, как относится старший товарищ к путешествиям неизвестно куда.

– Мальчуган, смена обстановки – дело хорошее, – сказал Димка. – И вообще в твоём возрасте вырваться из дома – это воспоминание на всю жизнь. Но я бы ни за какие коврижки

не поехал. Я не романтик. Я всего боюсь и никому не верю. Что-то подсказывает мне, что вас просто хотят использовать. А это опасно, очень опасно. Ты это понимаешь?

– Конечно, понимаю.

– Тогда зачем идешь на эту авантюру?

– А чем еще заниматься?

Димка сказал тоном пророка:

– Еще год, нет, полгода – и в тебе должно что-то проснуться. Ты резко повзрослеешь.

– Ну вот. Значит, надо это время как-то проболтаться.

Димка поднял указательный палец:

– И – нигде не влипнуть.

– И – не влипнуть, – повторил Андрей.

– Выпьем за это, – торжественно произнес Димка, наливая в рюмки коньяк.

Они выпили и закурили. Димка взглянул на часы.

– Что-то моя ученица опаздывает. Ты с ней попрощался?

– Еще нет.

– Странно, – сказал Димка, снова наливая в рюмки, – мы гоняемся за теми, кто к нам равнодушен, и равнодушны к тем, кто гоняется за нами. На несправедливость к себе отвечаем несправедливостью к другим.

Они выпили еще по одной, Димка расчувствовался.

– Жаль, что уезжаешь. С тобой хорошо разговаривать. В тебе нет цинизма. А к Альке присмотришься. Ты кое-чего в ней не видишь.

«Чего не вижу?» – хотел спросить Андрей, но промолчал.

– Возвращайся скорее. Не оставляй ее надолго, – предупредил Димка.

Он хотел еще что-то сказать, но только вздохнул и стал перебирать ноты.

– Договаривай, – сказал Андрей.

– Аля, по-моему, шла в кино. К ней пристали Жгучий и Волдырь, не давали проходу. Но тут подкатила белая «Волга». Первым выскочил Гасан, потом вышел Адам в своем белом костюме. Сказал слободским пару ласковых. Те поджали хвосты и слиняли. Адам что-то говорил Але, предлагал сесть в машину.

– А она? – вырвалось у Андрея.

– Она не села. Но заступничество, по-моему, оценила.

– Считаешь, Адам положил на нее глаз? – спокойно спросил Андрей, хотя внутри у него все закипело.

– Сто процентов, – сказал Димка.

Андрей встал и нервно прошелся по комнате.

Димка поднял рюмку с коньяком.

– Ты должен поскорее вернуться!

От Димки Андрей напрямик пошел к Але. Не терпелось посмотреть ей в глаза. Почему-то стало страшно потерять ее. Если она посмотрит на него равнодушно, значит, он совсем никому не нужен. Это конец. Тогда он окончательно сойдет с катушек.

Дверь открыла мать Али. Андрей поразился их сходству.

Одно лицо. Он не успел сказать, кто ему нужен. Женщина поняла без вопроса.

– Аля у отца в ДОСААФе.

Андрей нашел Алю в тире. Она стреляла из пистолета Марголина. Незнакомый моложавый брюнет смотрел на мишень в трубу и давал советы:

– Алечка, торопиться. Кучности нет. Нажимай на курок плавно, задерживай дыхание.

«Так вот он какой, ее отчим, – подумал Андрей. – Еще не старый. Но какого черта она тут с ним?»

В хранилище оружия знакомая женщина, инструктор по стрельбе, читала книгу. Андрей сказал, что он член общества, и попросил малокалиберную винтовку. Женщина не потребовала удостоверения. В то время все молодые люди были членами общества ДОСААФ.

– Заходи, выбирай винтовку сам, – сказала женщина и снова уткнулась в книгу.

Андрей осмотрелся. Мама дорогая, чего только нет! Даже автоматы. И такая охрана. Ну чего стоит связать эту женщину и вывезти половину арсенала!

Он взял первую попавшуюся под руку винтовку, десяток патронов и пошел в тир.

Аля вела себя странно. С нервным смехом что-то говорила отчиму. Слов было не разобрать. Потом неожиданно приставила длинное дуло пистолета к своей голове. Андрей замер: что она задумала? В следующий миг Аля приставила

дуло к голове отчима. Нет, она не просто дурачилась. Похоже, у нее была истерика, а отчим пытался ее успокоить.

Аля действительно быстро угомонилась. Она сказала, глядя на Андрея:

– Давай посмотрим, как стреляет этот мальчуган.

– Давай, – поспешно согласился отчим.

Андрей поднял винтовку и понял, что стрелять не может. Трясутся руки.

Где-то в глубине помещения зазвонил телефон.

– Мне звонят! – воскликнул отчим и скрылся за дверью.

Аля и Андрей остались одни.

– Что ж ты не стреляешь? – спросила Аля.

– Я вижу, не он к тебе пристает, а ты.

Аля подошла вплотную и с ненавистью проговорила:

– По-моему, ты сказал гадость.

Андрей покосился на ее пистолет и издевательски произнес:

– Ах, извините, извините!

– Ты зачем сюда приперся? – прошипела Аля.

– Хочу проститься.

Выражение лица у Али резко изменилось, стало жалким.

– Ты уезжаешь? – выдохнула она.

Андрей кивнул.

Лицо у Али приняло прежнее выражение.

– Скатертью дорога.

Андрей примирительно улыбнулся. Он не мог долго сер-

диться на эту матрешку.

– Не радуйся раньше времени. Я вернусь.

Слезы у Али потекли, будто открылся краник. Андрей обнял девочку, погладил по голове, понюхал волосы. Запах был самый лучший – чистоты и свежести.

– Я обязательно вернусь, – повторил он.

В дверях появился отчим. В его темных глазах кипела злость.

– Это что такое?! – с возмущением воскликнул он.

Андрей смотрел исподлобья. Аля сделала знак рукой: мол, отвяжись. Брюнет отступил на шаг и хлопнул дверью.

С этой минуты они не могли оторваться друг от друга. Пошли к Димке. Тот посмотрел на них и объявил, что сегодня у одного из лабухов день рождения. Вечеринка наверняка затянется. А ночью он боится ходить по городу. Поэтому ночевать домой не придет. Было видно, что врет, и понятно, зачем врет. Аля и Андрей смотрели на него с восхищением. Их переполняла благодарность.

Димка привел себя в порядок, показал Андрею, где лежит чистое постельное белье, и ушел.

Позвонил Генка и сказал, что встретил Джагу. Тот передал приказ Алмаза быть завтра в аэропорту в восемь утра.

Андрей пошел домой за собранным чемоданом. Как только за ним закрылась дверь, Аля позвонила матери и сказала, чтобы за нее не тревожились. Она рядом, но ночевать не придет.

Андрей объявил матери, что уезжает. Анна Сергеевна, естественно, была против.

– Мало ли что ты решил. Отец тебя не пустит.

Долго объясняться было некогда. Андрей взял чемодан и выскользнул за дверь.

Аля не отходила от окна. Она увидела его идущим по двору. И через минуту встретила в дверях. Они бросились друг другу в объятия. Аля плакала. Андрей понимал, что это означает. Он сам едва сдерживал слезы. Он не мог ни о чем думать. Но что-то подсказывало ему: парень, это и есть счастье. Ты держишь в руках свое счастье и можешь делать с ним все, что хочешь, но не будь скотиной, не пользуйся доверчивостью этой девочки. Это единственное в твоей жизни, что еще осталось чистым. Не торопи события: если это твое, оно останется твоим.

– Скажи только «да», и я буду твоей, – благодарно шептала Аля.

– Нет, – ответил Андрей. – Не сейчас.

...Они заснули только под утро. Их разбудил звонок. Это был Генка. Он сказал, что Мишка внизу, во дворе, а Джага уже подъехал и ждет их.

Через полтора часа ребята сидели в самолете. До сих пор никому из них не приходилось летать. Настроение было приподнятое, лихорадочное. Стюардесса дала леденцы и велела пристегнуться. Ил-14 вырулил на полосу и, взревев моторами, пошел на взлет. Город с высоты казался еще меньше, чем

был на самом деле. И скоро совсем исчез. Самолет вошел в облака, его начало трясти. Стало немного страшно. Но стюардесса спокойно улыбалась.

– Вы кто, мальчишки? Спортсмены, что ли?

– Спортсмены, – бодро отозвался Генка.

– А куда летите?

– В Крым, – сказал Андрей.

Ему казалось, что они летят в сказку.

Гастроль

В Омске ребята пересели на другой самолет и долетели до Москвы. Там их ждала еще одна пересадка – на Симферополь. В Крым они прилетели поздно вечером. Никто их не встречал. Ни у трапа самолета, ни у входа в аэропорт.

Ребята перекусили в буфете и сели на скамейке в зале ожидания. Настроение было испорчено. Особенно переживал Андрей. Он чувствовал себя виноватым.

Неожиданно к ним подсел шустрый старикан в соломенной шляпе. Ребята не верили глазам. Это был Сысоич.

– Думали, уже не свидимся? А ну давайте за мной!

Сначала ехали ночным автобусом до Ялты. Потом шли пешком по городу, избегая освещенных улиц. Свежий ветер приносил запахи моря и шум прибоя. Вышли на берег. У кромки залива, среди скал лепились домишки.

– Пришли, – объявил Сысоич, открывая калитку и впуская ребят в маленький дворик.

Он включил свет. Ребята огляделись. Белые стены мазанки были увиты виноградной лозой. Огромные гроздья висели повсюду.

– Ешьте, огольцы. От пуза ешьте, – ворковал Сысоич.

Посреди двора стоял стол, вокруг – скамейки. Чуть в стороне под навесом – три кровати.

– Спите здесь, в доме душно, – сказал Сысоич. – А я пойду

к своей Дусе-продавщице. Приду утром. – Предупредил не очень строго: – Если рано встанете, отсюда – только на море, больше – никуда.

Старикан исчез за калиткой.

Вдали мерцали в черном воздухе гирлянды огоньков. Это стояли на рейде корабли. Зрелище было непривычное. Ребята не могли оторвать глаз. Начало было классным. Если так и дальше пойдет, чего еще желать от жизни?

Утром ребята купались в море и азартно ловили крабов. Когда вернулись, Сысоич сидел во дворе за грубо сколоченным столом и пил кефир. С ним был парень лет двадцати. Лицо его кого-то напоминало.

– Вилен, – буркнул парень, не протягивая руки.

Это был сын Петра Палыча. «Сказать или не сказать, что знаю его отца?» – подумал Андрей. И решил, что не стоит торопиться.

Вилен держался высокомерно. Просто сопли пузырем. Хотя особых данных не имел. Вертел тонкой шеей с ямкой на затылке. Смотрел неприятным взглядом. Глаза были странные, с огромными зрачками. Говорил писклявым голосом.

– Будете ходить за мной и делать, что скажу.

– А конкретно? – спросил Андрей.

Вилен достал из старой спортивной сумки тонкую резиновую трубку и бутылку с керосином.

Ребята переглянулись. Стало примерно ясно, какая им отводится роль. Но хотелось большей определенности.

– Кого поджигать будем? – спросил Андрей.

– Опасных людей, – сказал Вилен.

Андрей посмотрел вопросительно на Сысоича. Тот сидел за столом и курил, не поднимая глаз. Всем видом показывал, что его дело маленькое. Это было странно. Кто тут главнее? Он, старый авторитетный блатной, или этот худосочный Вилен, сынок мусора?

– Поясни, что и как делать, – сонно произнес Сысоич.

Вилен рассказал. Технология была простая. Минутное дело – и квартира в огне.

Ребята озадаченно молчали. Андрей вспомнил, что в их городе вскоре после ареста слободских загорелись две квартиры. Теперь можно было догадаться, что там жили свидетели или потерпевшие, на которых нужно было нагнать жути и заставить отказаться от показаний.

– Я не буду это делать, – твердо сказал Мишка.

Андрей повернулся к Сысоичу.

– Неужели нас для этого сюда послали?

Сысоич укоризненно посмотрел на Мишку.

– Раньше, сынок, надо было отказываться.

– А мне не говорили, что надо делать, – возразил Мишка.

– Зачем тогда подписался? У нас, сынок, так: если поехал, значит, готов на любую работу.

– На любую – не готов, – еще тверже сказал Мишка. – А если в квартире кто-нибудь есть?

– Предварительно позвонишь или постучишь в дверь, убе-

дишься, что никого, тогда и делай, – сказал Вилен.

Мишка покачал головой.

– Все равно – нет.

Вилен перевел взгляд на Андрея и Генку.

– Вы тоже – нет?

– Тоже, – сказал Андрей. – Что угодно, только не это.

– Хоть бы спросили, что започем. Ведь работа хорошо оплачивается, – укоризненно произнес Сысоич.

Андрей, Генка и Мишка стояли на своем. Это у них на лицах было написано.

Вилен обратился к Сысоичу:

– Ну и что делать? У нас заказ. Не выполним, всем плохо будет.

– Почему не выполним? Выполним. Сам все сделаешь, – тихо сказал Сысоич.

– Я? – ткнул себя в грудь Вилен.

– А кто ж еще? Кому еще можно доверить?

Вилен кивком показал на ребят:

– А этих зачем прислали?

– У них еще одно задание, – сказал Сысоич. – От него не откажутся.

– Какое задание? – спросил Андрей.

Сысоич выдержал многозначительную паузу и сказал:

– Возьмете ювелирный. По той же схеме. Через подвал.

Ребята переглянулись. Вот это да!

– В принципе можно, – согласился Андрей. – Но надо изу-

читать все подходы и отходы.

– Ну вот и ладошки, – сказал Сысоич.

Деловой разговор закончился.

– Все! Больше не могу. Давай! – неожиданно потребовал Вилен.

Сысоич сходил в дом, принес шприц, наполненный мутной жидкостью.

Дрожащими руками Вилен снял с брюк ремень, перетянул согнутую в локте руку, поработал пальцами, ловко вонзил иглу в едва показавшуюся вену, откинулся на спинку скамейки и закрыл глаза.

Ребята переглянулись. Такого кино они еще не видели.

Вилен остался, а Сысоич с ребятами пошли в город. Старикан – чуть впереди, они – следом. Совсем по-летнему пекло солнце. По улицам дефилировали отдыхающие, в основном немолодые женщины, лет тридцати. Ребята ловили на себе игривые взгляды. Генка извелся.

– Ну куда мы торопимся?

– Любовь потом, сначала – дело, – добродушно проворчал Сысоич.

Он остановился возле нового дома, точь-в-точь такого же, как в Новостройке. И магазин с вывеской «Изумруд» находился в той же правой стороне. Они обошли дом и спустились в подвал. Перед их глазами была знакомая железная дверь бомбоубежища с таким же огромным замком. Даже не верилось.

Сысоич усмехнулся.

– У коммуняк все под копирку делается.

Ребята изучили обстановку. По одному зашли в магазин. Генка рассеянно осмотрел замок на двери бомбоубежища и сказал, что откроет в шесть секунд. Его мысли были заняты другим. Он торопился на пляж. Его тянуло к женщинам, которые сами предлагали себя.

– Геныч, соберись, – сказал ему Андрей.

– Успеете оттянуться, – проскрипел Сысоич.

– Кстати, а наша доля? – спросил Андрей.

Сысоич смотрел с недоумением.

– Разве Алмаз ничего не сказал?

– Ничего. Мы еще за тот ювелирный ничего не получили.

– Да у вас полные карманы денег! – воскликнул Сысоич.

– Это и есть расчет за то дело? – удивился Андрей.

Сысоич хитро улыбнулся.

– А чего ты хотел, Корень? Сразу большие бабки огребать? Сначала пошустрить надо.

– Пошестерить?

Добродушная улыбка сошла с лица Сысоича.

– Можно малость и пошестерить. Чего тут такого? Все мы через это прошли. А у вас какой-то другой вариант есть? Может, хотите сами по себе крутить варганку? Нет, милок, такого не будет.

Андрей смолчал. Боялся, что сорвется и наговорит этому нафталину лишнего.

– Гуляйте, – сказал Сысоич, когда закончили разведку, – но имейте в виду: в вашем распоряжении неделя! – И пошел своей дорогой.

Мишка сказал, глядя ему в спину:

– Умных преступников нет.

Генка смотрел с явным несогласием. Он себя дураком не считал.

– Умный все предусмотрит. А все предусмотреть невозможно, – пояснил Мишка.

Генка наверстывал упущенное: каждую ночь – новая женщина. У него сошли прыщи, но запали глаза. Он был счастлив, как мартовский кот.

А Мишка хандрил. Расшевелить его не удавалось. Хотя Генка нашел женщину и для него. Это была пышнотелая блондинка. Она лишила Мишку невинности, но не вывела из хандры.

Не находил себе места и Андрей. Хотя все вокруг было как в раю. Тело покрывалось непривычным загаром, фрукты стоили копейки, ешь – не хочу, дешевое местное вино лилось рекой, местная шпана особо не цеплялась, новые телки бросали призывные взгляды. Но все было не в радость. Хотелось вернуться в свой город, где была Алька. Алечка...

По вечерам Андрей сидел в дворике с Сысоичем. Слушал звуки прибоя и рассказы про блатную жизнь. Сначала было интересно. Но потом нафталин стал повторяться. Говорил о разных случаях, а казалось, что об одном и том же. Андрею

надоело слушать все подряд. И он стал выуживать то, что помогло бы ему ориентироваться в отношениях с Алмазом и слободскими.

Старик сказал, что Зван спровоцировал Алихана на убийство Крюка. И это ему даром не пройдет.

– Он не жилец, – коротко сказал старик.

– А кто встанет на место Звана, если его убьют? – спросил Андрей.

Сысоич пожевал губами.

– Думаю, твой лучший друг Жгучий. Правда, он молодой еще. Но ведь и Зван молодой. Сейчас время такое. Молодежь прет, расталкивает стариков. А вот ты выше козырного фрера, извини, не подынешься. Ты сядешь, отпыхтишь срок и завяжешь. И кенты твои такие же.

– Я знаю, мы у вас для разового пользования, – дерзко сказал Андрей.

– Ну почему для разового? – лениво отозвался Сысоич. – Все от вас самих зависит. Как себя поставите. Но особых шансов я у вас не вижу. Вон Вилен, как ни пыжился, ничего не вышло. Нет духа. Дух особый должен быть. Жаль, у нас с Алмазом силы уже не те. Я, правда, постарше его буду. Мне теперь только кости греть на здешних югах. А Алмаз еще поедит по стране. Ты даже не представляешь, какая это голова, сколько у него людей. Ему бы министром быть.

– А вот с чехами у него, по-моему, ничего не выходит, – осторожно заметил Андрей.

– Чехи – особый разговор, – согласился Сысоич. – Как только их собирается на зоне человек пятьдесят, так начинают забирать власть. Если им по ушам не дать, на голову сядут.

– Они сильнее, у них на уличные бои взрослые выходят, – сказал Андрей.

Сысоич назидательно поднял палец:

– Вот на этом они в Аркалыке и споткнулись.

В детали он вдаваться не стал. А выпытывать Андрей поостерегся. Он и без того узнал больше, чем хотел.

Через два дня по Ялте прошел слух, что кто-то поджег две квартиры. В одной сгорел заживо парализованный старик.

Вилен издергался.

– Что теперь делать?

– Утопись, – посоветовал Сысоич.

– Я – серьезно! – истерически заорал Вилен.

– А я, думаешь, шучу?

Ребята с отвращением смотрели на Вилена.

– Расслабься, – сказал Сысоич. – Подумаешь, старик. Ему, может, давно пора было в крематорий. Тебе не старика, тебе себя жалко.

Зрачки у Вилена стали огромными.

– А вдруг меня найдут?

– Чего ради? – тьякнул старикан.

– Меня видели соседи. Мусора могут найти по словесному портрету.

Сысоич тяжело посмотрел на Вилену.

– Сиди здесь и не высовывайся.

– Дай ширнуться, – заканючил Вилен.

Старик пошел в дом. Его не было минут десять. Он появился с большим шприцем, наполненным все той же мутной жидкостью.

– Куда столько? – со страхом спросил Вилен.

– Ты не в себе. Обычная доза тебя не возьмет, – сказал Сысоич.

Вилен смотрел то на шприц, то на старика. В нем боролись желание насладиться и страх умереть от передозировки.

– Я не настаиваю, – равнодушно бросил Сысоич.

Он сел в тени и углубился в газету.

Вилен ввел себе наркотик и с блаженной улыбкой вытянулся на скамейке. Ребята следили за каждым его движением. Через несколько минут Вилен был в полном беспамятстве, лицо у него приняло зеленоватый оттенок, изо рта пошла зеленая пена.

– Он кончается, – с ужасом прошептал Мишка.

Сысоич прикрыл глаза газетой и сказал:

– Сходите, ребятки, к морю. Посмотрите, куда его можно выкинуть.

– Сам! – со злостью сказал ему Андрей. – Сам смотри, сам выкидывай, понял?

– Понял, – сказал из-под газетки старик.

Ребята не могли больше оставаться в Ялте ни одного лиш-

него часа.

Через два дня у них все было готово и опробовано: ключ к замку, ножницы по металлу. И все разведано: когда продавцы уходят на обед, когда приходят и насколько легко открываются засовы железных дверей. Распределились и роли. Генка и Мишка настояли на том, чтобы Андрей, как и в прошлый раз, обеспечивал им отход. Для них это было важно психологически. Прежде чем совать голову в петлю, нужно быть уверенным, что кто-то поможет тебе ее вытащить обратно.

В определенной степени предстоящая операция была проще предыдущей. Местная милиция не знала ребят. Не надо было обеспечивать себе алиби. И все же ребята решили подстраховаться. За полчаса до ограбления пришли на пляж, разделись, попросили соседей присмотреть за одеждой и пошли купаться. Искупались, надели приготовленную в другом месте одежду и рванули к магазину.

На выходе с пляжа их остановила цыганка. Предложила погадать. Согласился один Мишка.

– Только давайте по-быстрому, – поторопил Андрей.

Гадалка посмотрела Мишкину ладонь и поджала губы.

– Ничего не буду говорить.

– Почему?

– Не буду и все. Давайте лучше вам погадаю, – сказала

Андрею и Генке.

– Некогда, – отказался Андрей.

Часы показывали 14.00. Продавцы вышли из магазина. Генка и Мишка скрылись в бомбоубежище. Андрей запер за ними замок и встал на стреме.

День был по-летнему жаркий. Народу на улице полно. Андрей купил пломбир. Мороженое текло по пальцам. Пришлось в два приема отправить его в рот. Пальцы слипались. Андрей вытер их носовым платком. Но это не помогло. Андрей чертыхнулся. Это его раздражало. Ему вообще почему-то стало вдруг не по себе. Руки похолодели. И только через несколько мгновений он осознал причину беспокойства. В его ушах звенел звонок. Это был не обычный звон в ушах, а именно звонок. И звенел он, как начал догадываться Андрей, внутри ювелирного магазина.

Андрей огляделся. Люди шли, как шли. Никто не обращал на звонок никакого внимания. «Может, мне только кажется?» – подумал он и подошел к ювелирному поближе. И с каждым шагом убеждался все больше и больше, что звонок действительно звенит.

Он бросился ко входу в бомбоубежище, открыл замок и железную дверь. Теперь звонок был совсем рядом, он бил по ушам и приводил в оцепенение. «Где же ребята? Почему они не бегут?» – думал Андрей. «А вдруг внутри была засада? – мелькнуло у него. – Нет, не может такого быть! Тогда бы меня тоже уже взяли».

Он поднялся на площадку первого этажа и вышел из подъезда. У магазина стояла «раковая шейка». Милиционеры за-

глядывали в окна магазина. Они не могли войти внутрь. У них не было ключей. Андрей взглянул на часы: 13.22. До прихода продавцов оставалось больше получаса. Если, конечно, они не были где-то поблизости.

Возвращаться в бомбоубежище было страшно. Ноги отказывались идти. И все же Андрей пересилил себя, вошел в подвал и крикнул ребятам, что он здесь, можно выбираться. Из темноты показался Генка, а за ним Мишка с сумкой через плечо. Они поднялись все трое на чердак и вышли из дома через другой подъезд.

А продавцы уже открывали дверь магазина. Милиционеры ворвались внутрь и увидели в полу огромную дыру. Все подъезды дома были тут же заблокированы. Милиционеры обшарили бомбоубежище и пришли в ярость. Воры ушли из-под самого носа.

Ребята пришли на пляж, разделись и окунулись в море. Потом с ленивым видом пришли на то место, где оставили одежду. Соседи были те же, пожилая пара. Мишка познакомился с ними, узнал на всякий случай, из какого они санатория. Хотя было ясно, что алиби вряд ли понадобится.

Теперь нужно было где-то уединиться. Ребята ушли в дальний конец пляжа, сели среди скал и дали волю эмоциям.

– Все! С меня хватит! – орал Мишка.

– Ты что, не заметил, что витрина под сигнализацией? – нервно спрашивал Генка.

– Она что? На виду? Она скрыта! Как я мог ее увидеть?! –

Мишку трясло.

Конечно, тут не он один был виноват. Все дали маху. Не учли, что под сигнализацией может быть не только входная дверь.

– Ладно вам, – сказал Андрей. – Хорошо хоть ноги унесли. А что вы сразу к выходу не побежали?

– Так ведь он не спускался! – с возмущением сказал Генка. – Сигнализация звенит, а он там копошится.

Андрей перевел взгляд на Мишку.

– Мишаня, что ты там делал?

– Вот, – сказал Мишка, открывая сумку, до половины наполненную знакомыми коробочками.

Андрей и Генка просто обалдели. Их восторг перешел в нервный хохот.

– Ну, Мишаня, ты даешь! – воскликнул Андрей.

– А я догадывался! Я догадывался, что он не уйдет ни с чем! – восторженно орал Генка.

Они устроили дикий танец и бросились в море.

Когда вышли из воды, Генка спросил:

– Ну и что теперь? Отдавать это Сысоичу?

– Жалко все отдавать, – сказал Мишка. – И глупо. Нас снова кинут.

– Давайте скажем, что не успели ничего взять, – предложил Генка.

Мишка возразил:

– Все равно всплывет, что грабители ушли не с пустыми

руками. Нам головы отвернут. Давайте возьмем половину.

– А сколько это будет по деньгам? – спросил Андрей.

Мишка начал пересчитывать ценники. Андрей и Генка посматривали по сторонам. Все было спокойно. Никто к ним даже не приближался.

– Тысяч по двенадцать будет, – сказал, наконец, Мишка.

– А блатным сколько оставил? – спросил Генка.

– Блатным – почти шестьдесят.

– Давайте отдадим шестьдесят шесть. А себе оставим по десять, – предложил Андрей.

– Широкая у тебя душа, Андрюха, – заметил Мишка.

– Я просто не хочу лишних претензий, – сказал Андрей.

– У них все равно будут претензии. Как же, без них поделили, – сказал Генка. – Я думаю, им за глаза хватит и пятидесяти тысяч.

Он немного помолчал и добавил:

– Лично мне мало радости дарить лишнее. Я обратно не еду. Мне на запад надо, а не на восток.

Мишка виновато посмотрел на Андрея.

– Андрюха, я тоже остаюсь. В Одессу поеду, у меня там родственники. Там легче обменять рыжье на деньги. Если хочешь, и вам обменяю.

Андрей подавил тяжелый вздох. Он оставался один. Это круто меняло его жизнь. Черт возьми, туго же ему придется. Кольнула обида. Неужели им не будет плохо без него? Наверное, будет. Но они видно, решили отбросить эту лирику.

От этого и было особенно обидно. Они знают, что им нужно. А что нужно ему? Этого он не знал. Он смотрел на коробочки с драгоценностями и ловил себя на том, что не испытывает никакой радости. Больше того, на душе было противно. Противно, и все тут.

– Надо сегодня посидеть, – сказал Генка. – Может, никогда больше не увидимся.

– Точно, – подхватил Мишка. – Только не у Сысоича. Давайте купим вина и устроим пир у моря.

– Но сначала надо отчитаться, – сказал Андрей.

Они поднялись, чтобы пойти к Сысоичу, и обомлели: старик сам шел к ним, и не один, а в сопровождении двух местных блатных. Один бугай с воловьей шеей, другой хищного вида стручок.

Сысоич как-то странно улыбался.

– А мы вас обыскались. Хоп – и куда-то пропали.

Он сел рядом с ними среди валунов, отер со лба пот. Блатные остались стоять.

– Ну что, огольцы, вляпались? – сказал Сысоич, закуривая сигарету.

– Чуть не вляпались, – уточнил Андрей.

– Да нет, – протянул Сысоич, – вляпались. Ну а с чем ушли? Показывайте.

Ребята понуро молчали. Все их планы рушились, как картонный домик.

Андрей придвинул старику сумку. Сысоич заглянул в нее,

озадаченно помолчал, потом тихо спросил:

– А где остальное?

– Какое остальное? – удивился Андрей.

– Корень, не пудри мне мозги. Вы всю витрину выгребли, а тут сколько?

– Тут все, что мы взяли, – сказал Андрей.

– Ты знаешь, что за такие фокусы бывает? – спросил старик.

– С чего вы взяли, что мы выгребли всю витрину?! – воскликнул Андрей.

Генка и Мишка вступили в разговор. Они стали уверять, что тут какая-то ошибка. То, что в сумке, – действительно все, что они вынесли из магазина. Глаза Сысоича и блатных становились все злее. Они не верили.

«Они просто не хотят верить», – подумал Андрей, начиная догадываться, с какой целью их прищемили в этом безлюдном месте. В глазах Мишки и Генки тоже читалось беспокойство. Они тоже понимали, что этот разговор может кончиться для них плохо.

– Хватит! – твякнул Сысоич. – Хватит полоскать мне мозги.

От его старческой немощи и добродушия не осталось и следа. Он сказал, что у него свои источники информации, и он им верит. Ему сказали, что витрина обчищена полностью. Значит, драгоценностей должна быть полная сумка, а не половина.

Андрей погрузил руки в песок и нащупал крупную гальку. Генка, который следил за каждым его движением, сделал то же самое. А Мишка, кажется, даже не думал, что ему вот-вот придется себя защищать. Он сидел с поникшей головой.

Обращаясь к блатным, Сысоич бушевал, брызгая слюной.

– На это дело ушло столько бабок. Плиту надо было сделать, привезти, установить в нужном месте. А какие-то тухлые фраера устраивают нам кидалово. За кого они нас держат?

– Может, продавцы сговорились с мусорами? – спросил Андрей, думая при этом: «Если он не согласится, что такое возможно, значит, у него одна цель – разделаться с нами».

– Это вы сговорились, – тихо ответил Сысоич.

Блатные переглянулись, на их мордах проступила нехорошая решимость. Похоже, они ждали от нафталина какого-то сигнала. Пора было выпутываться. И прежде всего спасти Мишку.

– Мишаня, сходи за одеждой, – сказал Андрей.

Мишка сделал движение, чтобы встать, но его остановил визг Сысоича:

– Никуда он не пойдет!

Андрей выложил последний аргумент:

– Сысоич, нас послал сюда Алмаз. Перед ним я и отчитаюсь.

– Ну, конечно, отчитаешься. – Старик переглянулся с блатными и после короткой паузы добавил с расстановкой: –

Жаль мне вас, ребятаки.

Последние слова были сигналом. Блатные вытащили ножи. Но при этом почему-то медлили. Было видно, что они распределили роли. Бугай должен был завалить Андрея, а стручок – Генку. Но бугай наступал неуверенно. Его смущал рост Андрея и его длинные маховики. Стручок был одной комплекции с Генкой и тоже не вполне уверен в себе. К тому же им, похоже, еще не приходилось убивать по заказу.

– Ну что вы сиськи тянете, мочите их! – крикнул Сысоич.

Бугай сделал выпад, но Андрей увернулся. Лезвие пролетело в сантиметрах от левого бока. В ответ Андрей сыпанул ему в глаза пригоршню песка. Кажется, попал, но бугай проморгался и с диким ревом бросился на Андрея. Но тот снова увернулся и врезал блатному ногой в промежность. Бугай скрючился, и Андрей со всего маху опустил ему на голову округлую гальку. Блатной упал на колени и выронил нож.

Андрей обернулся. Генка сидел верхом на стручке и остервенело втирал ему в глаза и рот пригоршни песка. Стручок истерически орал.

– Козлы! – завизжал Сысоич.

Он схватил сумку с рыжьем, собираясь убежать. Но Мишка уцепился за сумку с другой стороны. Старик прошипел и сделал выпад. В его руке что-то блеснуло. Мишка охнул, выпустил из рук сумку и начал оседать на песок. А нафталин шустро полез по небольшой скале.

– А ну назад! – с дикой злобой заорал Генка.

Старик упорно карабкался вверх. Генка догнал его в два прыжка. То ли от немоги, то ли от страха нафталин упал. Генка вырвал сумку и вмазал ему кулаком в лицо. Старик замахал руками, но не удержал равновесия и свалился со скалы. Когда Андрей подошел к нему, он уже обмяк. От него шла вонь.

Стручок пополз к морю, чтобы промыть глаза. Генка подбежал к нему и пинками отогнал от воды. Андрей вернулся к бугаю и, хотя тот лежал без движения, на всякий случай еще раз пнул его в промежность.

Мишка с белым лицом, жалко улыбаясь, держался за правый бок. Его трясло. Андрей подбежал к нему.

– Мишаня, он тебя порезал?

Мишка оторвал руку от живота. Из раны выступало что-то желтое.

Андрей крикнул Генке:

– Давай сюда!

Генка подбежал. Они подхватили Мишку, закинули его руки себе на плечи и почти бегом потащили к пляжу. Метров через сто решили передохнуть и опустили Мишку на песок.

– Он не дышит, – сказал Генка.

– С чего ты взял? – спросил Андрей.

– Посмотри, какие у него глаза, – с ужасом произнес Генка.

Точно. Глаза были необычные, невидящие. И челюсть у Мишки чуть отпала.

– Мишаня! – на всякий случай потормошил его Андрей.

– Слушай, он умер... – с удивлением и ужасом произнес

Генка.

– Надо вызвать «скорую», – сказал Андрей.

– Надо сваливать, – сказал Генка.

– Я вызову «скорую», – повторил Андрей. Ему не хотелось верить, что Мишке уже ничто не поможет.

– Мы вызовем «скорую», но сейчас надо сваливать, – повторил Генка. – Или это повесят на нас.

С ближайшего телефона-автомата Андрей позвонил в «скорую». И потом они наблюдали за тем, что происходило, со стороны. Санитары уносили на носилках Мишку, укрытого белой простыней с головой. Подъехали милиционеры и пошли по следам крови до того места, где произошла кровавая разборка. Потом провели бугая и стручка. А санитары пронесли еще одни носилки – с телом Сысоича.

Пляж гудел.

– Паспорта! – спохватился Генка.

Они побежали к домику, где их держал Сысоич, убедились, что паспорта на месте, похватили свои вещи и бросились на автовокзал, чтобы сесть в автобус на Симферополь. Но у самого вокзала Андрей остановился.

– Стоп!

– Ты чего? – спросил Генка.

– Назад, – сказал Андрей. – Нельзя на вокзал. Там могут обыскать.

– Точно, – согласился Генка. – Нужно взять частника. Андрей покачал головой.

– И на частнике нельзя.

– Тогда как?

– Никак. Отсидеться надо. Или где-то закопать это проклятое рыжье. Или выбросить.

– Не забудь показать, где выбросишь, – пошутил Генка.

– Мне ничего уже не надо, – упавшим голосом проронил Андрей.

Они пошли к морю. Генке пришла в голову неплохая идея – украсть шлюпку. Он открыл замок толстой проволокой, освободил от цепи весла. И они поплыли вдоль берега на восток.

– Провожу тебя и поплыву в Турцию, – сказал Генка, загребая веслами.

– Ага, прямо в лапы к пограничникам. И загремишь лет на десять. Счастливого пути! – отозвался с кормы Андрей.

Раньше он считал мечты Генки о побеге из страны пустыми бреднями. Но приятель стоял на своем. И эта глупость злила. Андрей сказал:

– Геныч, отец у тебя, как я понимаю, был шишкой? Только шишки получают журнал «Америка».

Генка нахмурился.

– Батя нормальный мужик. Просто хотел нормально, по-человечески жить. Но у нас же ненормальная страна, ты это понимаешь? Когда отец говорил мне это, я тоже не понимал.

– Где он? – спросил Андрей.

– Сидит.

– А мать?

– А мать вышла за другого.

– За что посадили-то? – спросил Андрей.

Генка объяснил, постепенно повышая голос:

– Понимаешь, батя в снабжении работал. Организовал подпольный цех. Говорят, первый в стране. Шили разный дефицит, в основном рубашки. Понимаешь, он ничего не украл. Он просто коммерсант, от бога. В Америке он стал бы миллионером. А в СССР он преступник и зэк. Почему я должен любить эту страну?

– Мне тоже многое не нравится, – поддержал его Андрей. – То нельзя, другое нельзя. И наоборот: ты и это должен делать, и это. С какой стати? Почему за меня кто-то решает?

Генка оживился.

– Плывем, Андрюха, в Турцию. А оттуда можно – куда хочешь.

Андрей подумал и сказал:

– Слушай, надо позвонить Димону: как там?

Генка скривился.

– Соскучился?

Андрей вздохнул.

– Соскучился. И вообще ни на что уже не способен. Надо прийти в себя. Мишаня все время перед глазами.

Они доплыли до Алушты. Пришло время поделить драгоценности. Андрей с мрачным видом подвинул Генке сумку.

– Дели сам.

– Андрюха, приди в себя, – спросил Генка. – Мы не можем так распрощаться.

– Тебе заграница, мне – хана, не ясно, что ли? – сказал Андрей. – Что я предъявлю Алмазу? Свою долю? Он мне скажет: а где остальное?

– Он, как Сысоич, спросит с тебя всю витрину, – сказал Генка.

– А я скажу ему, что это неправда. И он должен мне поверить. Если он видит цвет моей печени. Но если я скажу, что половину отдал тебе, мне хана. Мы не имеем права делить сами. Мы – только исполнители. А условия для нас создавали его люди. Значит, только Алмаз может решать, кому сколько.

– Но он может спросить за Сысоича, – заметил Генка. – Старик хотел удрать с рыжьем, убил Мишку. Мы должны были спокойно смотреть?

Генка долго сидел молча, смотрел в море, вздыхал. Потом спрыгнул со шлюпки, поплавал, влез обратно и сказал:

– Какая на хрен Турция? Какой Запад? Я знаешь о чем сейчас подумал? Если мы провезем золото через полстраны, Алмаз это оценит

Кончита

Они отправились в Пензу. Там пересели на поезд, идущий в Казахстан. И потом тряслись еще двое суток. Боялись соседей по купе, двух взрослых мужиков с татуировками. И в особенности милиционеров, которые ходили по вагонам и всматривались в лица пассажиров.

Они не доехали до своего города километров восемь. И пошли пешком, по шпалам, с наслаждением вдыхая привычный степной воздух.

Осторожность не была лишней. К тому времени Досанов уже знал из всесоюзной оперативной сводки, что в Ялте произошла кража в ювелирном. Со слов Жорика капитан знал также, что Корнев, Сорокин и Левитин исчезли из города. Связав эти два факта, Досанов доложил о своих соображениях начальству. И теперь на железнодорожном вокзале и в аэропорту дежурили милиционеры с фотографиями ребят, о чем они, естественно, не знали.

До сумерек они просидели в рощице на окраине города, потом закопали сумку с драгоценностями и направились к Димке. Новостройка сияла огнями. Но странное дело: обычно до одиннадцати вечера во дворах было полно ребят. А сегодня в десять все словно вымерло.

Открыв дверь, Димка по виду ребят сразу определил, что они устали и хотят есть. Андрей и Генка по очереди прини-

мали душ, а он готовил на кухне яичницу.

– Мальчуганы, здесь такое творится! Не знаю даже, с чего начать.

Димка усадил ребят за стол, поставил перед ними тарелки с яичницей и плеснул в рюмки коньяк.

– Ну, за ваше возвращение. Я так рад. Господи, зачем я уехал из Маньчжурии!

– Давай, Димыч, по порядку, – тоном взрослого сказал Андрей, стараясь откусывать больше хлеба, потому что яичница быстро исчезала с тарелки.

Димка покачал головой.

– Легко сказать – по порядку. Когда блатные разъехались, чехи устроили свой слет: собрались со всего Казахстана. Мы играли одну лезгинку и смотрели зикр. Они танцевали эту дикость в ресторане! Это надо было видеть! Ну, короче, чехи со всего Казахстана требуют освободить Алихана, считают, что Крюк его спровоцировал, обозвал козлом. Мол, по их законам, Алихан ответил на оскорбление как мужчина – ударом ножа. В общем, дают на суд. Сами понимаете, этот номер у них не пройдет, никто Алихана не освободит, но срок могут дать по минимуму. Власти боятся побоища, как в Аркалыке. И чехи на этом играют. Требуют, чтобы Алмаза и Звана либо посадили, либо убрали из города. А слободские боятся, что чехи устроят им еще одну бойню, и поднимают другие районы. Слободку-то били взрослые чечены, теперь и со стороны русских в конфликт втягиваются молодые мужи-

ки. Милиция прямо на ушах стоит: сводит Адама то с Алмазом, то со Званом, пытается их помирить. Но, говорят, ничего не получается.

– Вот почему во дворе пусто, – заметил Генка.

– Люди боятся даже днем ходить по улицам, – со страхом проговорил Димка. – Слободские срывают зло на новостроевских. Опять пристают с поборами. Давайте я лучше Алю позову. Она больше меня может рассказать.

Димка набрал номер. Андрей выхватил у него трубку и услышал голос Али.

– Это я – сказал Андрей. – Мы приехали.

В ответ послышался почти крик:

– Я сейчас!

Андрей положил трубку. Рука его дрожала.

– А вы изменились. Как-то неудобно звать вас мальчуганами. У вас-то как дела? – спросил Димка.

– Нормально – сказал Андрей.

– Джага как-то раз интересовался, – вспомнил Димка.

– Алмаз беспокоится, – усмехнулся Генка.

– Погодите, а где Мишаня? – спохватился Димка. – Он что, не приехал?

– Нет, – коротко ответил Андрей. Он не хотел раньше времени расстраивать чувствительного Димку.

Но тот уловил неладное.

– Постой, по-моему, вы чего-то недоговариваете? Что с Мишаней?

– Мишани нет, – сказал Генка и часто заморгал.

– Как нет? – замер Димка.

Андрей тихо спросил:

– Можно, мы переночуем у тебя?

– Какой разговор? Но, может, ты все-таки скажешь, где Мишаня?

– Димыч, сыграй «Школьный вальс», – попросил Андрей.

Теперь Димка все понял окончательно. Он налил в рюмки коньяк, поставил четвертую рюмку, наполнил и ее. У него тряслись руки и беззвучно шевелились губы. Похоже, он ругался.

Они выпили не чокаясь. Димка сел за фортепьяно и медленно прошелся пальцами по клавишам. Сегодня «Школьный вальс» звучал особенно горько. В горле застревал комок. Генка сделал вид, что дым от сигареты попал ему в глаза. Андрей глядел в одну точку.

Аля уже примчалась. Она стояла в дверях и пыталась понять, что происходит. Первым ее увидел Андрей. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Потом Андрей встал, вышел в коридор и обнял девушку. Алю била мелкая дрожь. Они прошли на кухню. Аля попросила сигарету.

– Ты начала курить? – удивился Андрей.

– Я брошу, – сказала Аля.

Наконец она успокоилась и рассказала, что происходит в Новостройке. Звана не видно, а Жгучий с Волдырем совсем обнаглели. Требуют со школьников за каждый вход в шко-

ду. Тех, кто отказывается платить, бьют по графику, в одно и то же время. Занимаются прикидкой: подходят и требуют отдать что приглядели из одежды. Чтобы рассчитаться с вымогателями, новостроевские тащат из дома деньги и книги, сдают их в скупку. Родители поняли, что милиция то ли бессильна, то ли не видит серьезности положения, и установили возле школы дежурство. Но слободские зверски избili родительский патруль.

– А самое страшное, – сказала Аля, – подходят к девчонке, хватают за руку: пойдешь со мной. Куда? Зачем? Куда скажу, туда и пойдешь. Что скажу, то и будешь делать. Ах, ты честная? Неси справку.

– К тебе приставали? – спросил Андрей.

– Они чуть не затолкали меня в свой «москвич», Жгучий и Волдырь. Если бы не отчим, они бы увезли меня. Они его избили.

– погоди, ведь он офицер. Разве он не носит оружие?

– Теперь носит. Но эти скоты получили по заслугам. Чечены так их отделали!

– Жгучего и Волдыря?

– Угу. Зубы им повыбивали. И пригрозили, что кастрируют.

«Черт! Это плохо. Хуже просто некуда», – подумал Андрей.

– Ну вы что? Я тоже хочу послушать! – На пороге кухни появился Генка.

– Давайте все сюда! – крикнул из комнаты Димка.

...Они сидели в гостиной. Аля и Димка, перебивая друг друга, рассказывали о положении в городе. Андрей слушал внимательно, успевая размышлять. Если Алмаз в городе, то почему так ведут себя Жгучий и Волдырь? Выходит, блатной не держит своего слова. Неужели круто изменил свое отношение к нему, Андрею? Похоже на то. Но почему? В чем причина? Скорее всего, был звонок из Ялты. Кто-то сообщил, что там произошло. И Алмаз решил, что они сбежали вместе с драгоценностями.

«Если так, то ничего страшного, – думал Андрей. – Я принесу Алмазу сумку с рыжьем, и он успокоится. Куда хуже другое: что нам-то с Генычем делать? Документов при Мишане не было. Но все равно, рано или поздно милиция узнает, кто он и откуда. И тогда нас возьмут. И мы уже не отвертимся».

Андрей чувствовал, что для сопротивления милиции у него не осталось сил. Он устал, ему опротивело все до чертиков. Ему хотелось, чтобы все кончилось. Он только не знал, как остановиться, где поставить точку.

Неожиданно Генка склонился к уху Али и сказал ей что-то. Потом точно так же, шепотом, сказал Димке. Потом все трое, заговорщически улыбаясь, окружили Андрея и принялись драть его за уши. И он вспомнил: мама дорогая, у него ж сегодня день рождения. Восемнадцать лет! Совершеннолетие!

Димка открыл шампанское. Аля достала из серванта старинные фужеры на невероятно длинных ножках. Генка наполнил фужеры.

Димка сделал дирижерское движение рукой, и они спели втроем:

– «...В жизни раз бывает восемнадцать лет...»

Андрей счастливо улыбался. Ему никогда еще не было так хорошо.

Аля посмотрела на него как-то странно, пошла в прихожую и вернулась со своей сумочкой.

– Хочу кое-что тебе подарить. Только не насовсем, – сказала она Андрею.

Все с интересом ждали, что будет дальше.

Аля открыла сумочку и вынула из нее пистолет Марголина.

Парни смотрели онемело. Первым пришел в себя Димка.

– Это что, настоящий?

Аля вынула обойму, полную малокалиберных патронов, и вставила ее обратно.

– Александра, ты в своем уме? – строго спросил Димка.

Девушка сказала Андрею:

– Только не убивай никого. Просто пригрози. Скажи, чтобы отстали от всей Новостройки, не только от нас.

Димка с возмущением вытаращился на нее:

– Ну ты – детский сад, честное слово! Ты думаешь, что говоришь? Когда это слободские боялись чых-то угроз?

– Чеченцев они испугались, я видела, – сказала Аля.

– Ладно, буду чеченцем, – шутливо произнес Андрей, принимая пистолет.

– Что за система? – живо спросил Генка. Глаза у него блестяли.

– Это «марго», – сказала Аля. – Десятизарядный пистолет Марголина.

– Учти, Андрюха, тебе уже восемнадцать. Если кого-нибудь грохнешь, получишь вышку, – предупредил Димка.

Утром в квартиру позвонили. Димка открыл дверь. На пороге стоял Джага.

Калмык был рад видеть Андрея. И не скрывал, что в общих чертах знает все, что произошло в Ялте.

– Мы привезли все, что взяли, – сказал Андрей.

Джага кивнул.

– Алмаз тебе верит.

– А как насчет Сысоича?

– Сысоич – старая гнида. Не бери в голову, Алмаз тебе верит, – повторил Джага. – Но ему не нравится Зван. Зван присвоил то золото и хочет сдать Алмаза чехам. Чехи пасут их обоих по всему городу.

– Какие у Алмаза основания подозревать Звана?

– Золото было в тайнике. А где был тайник – кроме Алмаза, знал только Зван. Теперь золота нет, исчезло. А где рыжье, которое вы привезли?

Они поехали в рощицу, Андрей откопал сумку и отдал ее

Джаге. С таким грузом нельзя ехать по городу. Джага сказал, что доберется до Слободки степной дорогой.

Высадив Андрея на окраине, он напомнил:

– Алмаз ждет тебя сегодня в десять вечера у дома Любаши. Только об этом – никому!

Калмык похлопал ладонью по сумке и спросил:

– Здесь все, что взяли?

– Все, – сказал Андрей. – Мы себе за щечку ничего не положили.

– А добирались сколько?

– Почти неделю.

– Через полстраны провезли, – с уважением сказал Джага. – Ну ладно, до вечера!

Андрей вернулся к Димке и стал ждать Алю. Они договорились, что она зайдет сразу после школы. Чтобы скоротать время, начал готовиться к вечернему походу в Слободку. У «марго» длинный ствол. Не засунешь ни в один карман. Пришлось распороть подкладку кожаной куртки. Теперь пушку можно было достать из-за пазухи одним движением.

Генка валялся в постели. Димка ходил по своим делам и вернулся полный впечатлений. На подступах к Гусинке много эмвэдэшников. Проводили в домах чеченцев обыски, искали оружие, а нашли раба.

– Самого настоящего раба. Представляете, русский мужик сидел в подвале на цепи. Чехов спросили: зачем вы это сделали? А они говорят: русская скотина должна ухаживать за

чеченской скотиной. У них же во дворах и коровы и овцы. А теперь догадайтесь, в чьем доме нашли раба? – спросил Димка.

– У Адама? – сказал Андрей.

– Точно!

Они долго еще обсуждали это событие. Андрей посматривал на часы. Потом попросил Димку позвонить Алиной матери. Мать сказала, что начала тревожиться, звонила в школу, там сказали, что занятия давно закончились, а Али все нет.

– Может быть, она пошла в ДОСААФ? – по подсказке Андрея спросил Димка.

– Я звонила, ее там нет, – сказала мать.

Андрей пошел к вешалке.

– Пойду поищу.

Генка быстро оделся, и они отправились вместе.

Они обошли всю Новостройку. Странно, но все вокруг выглядело чужим. И мимо окон своего дома Андрей прошел почему-то спокойно. Только вздохнул с облегчением, что его никто не заметил из домашних.

Они опросили всех ребят, кто встретился на их пути. Никто не видел Алю.

Вернувшись к Димке, снова позвонили Алиной матери.

– Нужно заявить в милицию, – сказал ей Димка.

– Уже заявили, – ответила женщина.

Часы показывали девять вечера, когда Андрей и Генка по-

шли в Слободку. У дома Любаши Генка нырнул в кусты.

Джага встретил Андрея у калитки и повел в огород, где стояла банька.

Алмаз сидел на пороге. Он только что попарился и теперь попивал пиво. Протянув Андрею руку, спросил:

– Как сон? Как аппетит?

– Не жалуюсь, – сказал Андрей.

– Ну и ладушки, – мягко отозвался Алмаз. – А мне последнее время что-то плохо спится. Снится измена и все тут. Наверно, возрастное. – И неожиданно спросил: – Ты Сысоча завалил или твои кенты?

– Он сам со скалы свалился, – сказал Андрей.

– Сам или кто помог?

– Он прихватил золото, хотел убежать, Мишку убил.

– Большие деньги – большой соблазн, – сказал Алмаз. –

А вы чего не рванули?

– Нам ни к чему, – сказал Андрей.

– Ну как ни к чему? До конца жизни хватило бы. Просто умеете просчитывать последствия. Я бы вас хоть где нашел. А у нас тут такие события – голова дымится, – пожаловался Алмаз. – Чехи снова войнушку готовят. Сдается мне, не без помощи мусорков. Любят мусорки сталкивать нас лбами. Но я обожду своего часа. У бога дней много, так и у меня. Устроим и мы хаволям такую баньку, всю жизнь будут помнить. Но пока то да се, может, вы бы еще одно дельце провернули. Как? Возьмешься?

– Что нужно сделать? – спросил Андрей.

– Надо бы шлепнуть одного человечка. У вас теперь это как бы не впервой получится.

– Какого человечка? – просто так спросил Андрей, думая про себя, что никого убивать не будет.

– Не догадываешься?

– Это уж тебе решать, – сказал Андрей, зная уже, как отвечать блатному, чтобы тому нравилось.

Ответ действительно понравился Алмазу.

– У тебя к этому человечку давние счеты. Он немочку твою увел и к новой молодайке клинья бьет. И ее уведет, неужели позволишь? Я бы не просил тебя, – вкрадчиво продолжал Алмаз. – Это бы Джага сделал. Но чехи его близко не подпустят. А тебя они не опасаются.

– Меня тоже не подпустят, – сказал Андрей.

– А и не надо. Ты ж не резать его будешь. Джага тебе пушку даст. «Тэтэшник» мусорка. – Алмаз сделал паузу и добавил: – Кончишь Адама – все рыжье твое.

Андрей сыграл алчность.

– Потом не скажешь, что пошутил?

– Не скажу. Вот Джага свидетель.

Андрей еще подумал и согласился:

– Ладно, попробую.

– Ты не пробовать должен, а сделать, – нажал Алмаз.

По его знаку Джага протянул Андрею знакомый «тэтэшник».

На прощанье Алмаз сказал:

– Зван сейчас где-то прячется. Чует кошка, чье мясо съела. Если вдруг встретитесь, не верь ни одному его слову. Фраер он оказался. Кровь подвела: папашка-то у него артист. Но ты, Андрюха, из другого теста сделан, душа у тебя чистая. А ему в хороших и правильных уже не быть. Ему вообще не быть.

– Я тоже фраер, – сказал Андрей.

– Ты – козырный фраер, – уточнил Алмаз.

– Я все сделаю, – сказал Андрей. – Только где Аля?

– Молодайка твоя? А что? Куда пропала? – деланно удивился Алмаз.

– Пропала, – сказал Андрей.

Алмаз сказал со смехом:

– Ну если пропала, то найдем. Куда она денется? Мы кого хочешь из-под земли достанем. Даже не сомневайся. Кончаешь Адама – получаешь свою Алю. Договорились?

– Договорились, – выдавил Андрей.

Андрей пошел к тому месту, где прятался Генка. Мысли путались. Голова шла кругом. Непонятно было, что делать дальше. Ясно только, что Аля в руках Алмаза и нужно срочно узнать, где он ее прячет.

Сзади слышались осторожные шаги. Андрей прижался к забору, вытащил «марго», убрал предохранитель и положил палец на курок.

Из темноты прозвучал насмешливый голос Звана:

– Корень, не вздумай шмальнуть.

– С чего ты взял? – спросил Андрей.

– Я все-таки у себя дома. Слышал ваш разговор. Не делай этого, Корень. Даже если убьешь Адама, чехи тебя живым не выпустят, на кусочки порежут.

– Знаю, – буркнул Андрей.

– На кой хрен тогда подписался?

– Ты бы лучше о себе подумал, – сказал Андрей. – Твое положение ничем не лучше.

Зван нервно рассмеялся.

– Мое похуже будет. Сначала чехи приговорили, потом свои. Но я еще могу напоследок почудить. Дай мне пушку, Корень. Ты знаешь, я не сделал тебе ничего плохого. Наоборот, всегда был на твоей стороне. Я хотел с тобой работать. Дай мне пушку. Я кончу его прямо сейчас, он как раз во всем чистом.

– Ага, и Джага скажет всем, что это моя работа! – отозвался Андрей.

– У тебя есть другие варианты? – спросил Зван. – Нет других вариантов! Все дело в Алмазе. Не будет его, не будет и проблем с чехами. А слободские тебя не тронут. Алмаз в авторитете только у Жгучего и Волдыря. Но я и с этими козлами разберусь. Я не кину тебя, Корень.

Зван стоял совсем близко. Его голос дрожал. Чувствовалось, что он на пределе.

– Геныч! – позвал Андрей.

Генка выбрался из кустов.

– Ну вы отчаянные ребята! – подивился Зван.

– Где Аля? – спросил его Андрей.

Зван засмеялся. Понятно, смех был нервный. Но все равно неуместный, противно было слушать.

– Скажешь, где Аля, дам пушку, – пообещал Андрей.

– Не буду врать, не знаю, – сказал Зван. И неожиданно завелся: – Не отвлекай меня. Дай мне пушку, по-хорошему прошу, дай!

Андрей тоже завелся:

– Ну подумай, где Алька может быть! Ты же знаешь Слободку как свои пять пальцев!

– Мы узнаем, где твоя девчонка, у самого Алмаза, – сказал Зван.

Похоже, он был прав. Нужно преодолеть животный страх перед Алмазом и вернуться.

– Оставайся здесь, – сказал Андрей Генке.

Тот попытался протестовать.

– Оставайся, – повторил Андрей

Генка не настаивал.

Андрей протянул Звану «тэтэшник».

– Эх, была не была! – пробормотал Зван.

Зван подвел Андрея к баньке огородами. Алмаз и Джага сидели возле порога и о чем-то тихо говорили. Услышав шорох, Джага встревоженно вскочил.

– Побудь здесь, – шепнул Зван Андрею и пошел к баньке.

Андрей вынул из-за пазухи «марго» и снял его с предохранителя.

– Я ж говорю, никогда не знаешь, кого принесет поздний вечер, – с усмешкой произнес Алмаз, увидев Звана. – Где шастаешь, красавец? Соскучились мы тут без тебя.

Зван молчал. Он остановился напротив Алмаза в пяти шагах и молчал, тяжело дыша.

Алмаз поднялся и подошел к нему вплотную.

– А ты вроде не в себе? Что с тобой?

– Сука! – выдохнул Зван. Непонятно, зачем он начал с этого ругательства. Наверно, хотел подзавести себя.

– Что? – спокойно спросил Алмаз. – Что ты сказал, сынок?

А ну, повтори!

– «Сынок!» – передразнил Зван.

«Чего он тянет? – мелькнуло у Андрея. – Почему не стреляет?»

Но в руке Звана что-то блеснуло. Он наконец-то наставил пушку на Алмаза.

– Н-да, плох тот ученик, который не предал своего учителя, – враспяжку произнес Алмаз.

– Ты ж сам всегда говорил, что предательство – вещь естественная, – напомнил Зван, голос его дрожал. – Ты много чего говорил, я все помню, каждое твое слово. Ты всегда требовал преданности от своих сынков, а потом, в самую трудную минуту, предавал их.

– Сынок, не уверен – не предавай, – со смехом сказал Ал-

маз.

– Ты не заслуживаешь жизни, – с ненавистью прошептал Зван.

– Тогда стреляй! – истерически прошептал в ответ Алмаз. – Ну давай, давай, давай! – Его голос сорвался на визг.

«Не выстрелит, – мелькнуло у Андрея. – Он под гипнозом».

В темноте послышалась возня. Кажется, Алмаз пытался отобрать у Звана пистолет. Донесся сдавленный крик старого блатного:

– Джага, какого хрена стоишь? Помоги!

Раздался выстрел. Алмаз пробормотал:

– Е-мое! Выстрелил!

– Еще? – спросил Зван. Его голос набрал уверенности.

– Е-мое! – простонал Алмаз.

Зван выстрелил еще раз. Андрей видел, как Алмаз упал навзничь и затих.

Вдали послышались голоса. На грохот выстрелов соседи повыскакивали из домов.

Андрей и Зван подошли к баньке. Джага смотрел на них как-то странно. Будто хотел что-то сказать и не решался.

– Где девчонка? – спросил Зван.

– Здесь, – глухо ответил Джага.

– Где здесь?

Джага показал на баньку. Андрей рванулся к двери.

– Осторожно! – крикнул Джага.

Но Зван опередил Андрея и рванул на себя дверь. Изнутри раздался ружейный выстрел. Зван медленно осел на пороге. «Тэтэшник» с глухим стуком выпал из его руки.

Андрей разрядил в темень дверного проема почти всю обойму «марго». Послышались вопли и ругательства.

Андрей повернулся к Джаге:

– Где тут свет?

Джага вошел в баньку и включил свет. На полу корчились Жгучий и Волдырь. Но, кроме них, никого не было.

Оставалась парилка... Андрей с ужасом смотрел на дверь парилки. Его трясло. Прибежал Генка.

– Думаешь, она там?

Андрей рывком распахнул дверь парилки. Аля лежала совершенно голая, вся в кровоподтеках и судорожно кашляла. Видимо, ей долго сдавливали рот и шею, чтобы не кричала.

Генка взял у Андрея пистолет, шагнул к Жгучему и Волдырю и разрядил в них оставшуюся часть обоймы.

Аля продолжала кашлять. Андрей вынес ее из парилки, положил на скамейку и начал искать глазами одежду. Заорал:

– Где ее платье?

В руках Джаги появилось изодранное платье.

– Ты тварь, – сказал ему Андрей.

– Наверно, так, – согласился Джага.

Зван сидел на полу, держался за плечо и морщился от боли. Из темноты возникла Любаша и стала его перевязывать какой-то тряпкой.

– Через десять минут тут будут мусора. Надо драпать, – сказал Зван.

– Надо договориться. Ты не знаешь, кто мог грохнуть этих тварей? – сказал Андрей.

– Разве разберешь? Темно было, – ответил Зван. – Ты слышал, Джага? Мы подбежали к баньке на звуки выстрелов.

– Я понял, – ответил Джага.

– Где машина? – спросил у него Генка.

Джага шагнул к двери.

– Сейчас подгоню.

Генка положил ему руку на плечо.

– Только со мной.

Они исчезли в темноте.

Андрей положил Алю на заднее сиденье и сел рядом. Генка сказал Джаге, что поведет сам. Джага уступил руль и вышел из машины. Подошел Зван.

– Может, еще свидимся.

– Все может быть! – Андрей ответил на рукопожатие. И спросил: – Хоть сейчас скажи, кто убил Костика?

– Они в баньке лежат.

Поехали в Новостройку. Алю трясло. Андрей прижимал ее к себе и гладил по голове. Аля рыдала.

– Все будет хорошо, все будет хорошо, – шептал Андрей.

– Я не хочу жить. Я не могу, – рыдала Аля.

– Все пройдет, – шептал Андрей.

– Куда мы едем? Я не хочу домой. Я не могу, – рыдала

Аля.

Генка въехал в Новостройку окружным путем и остановился возле Димкиного дома. Андрей внес Алю в квартиру на руках.

Димка быстро набрал в ванную воды и вышел. Андрей внес Алю и сел на пол, отвернувшись к двери.

– Как хочешь, но я не выйду.

Он боялся, как бы она что-нибудь с собой не сделала.

Аля лежала в теплой воде и плакала. Заплакал и Андрей. Он плакал взхлеб, даже не пытаясь сдерживать слезы. У него тряслись плечи. Аля положила руку ему на голову. Она перестала плакать и гладила его по голове, а он никак не мог остановиться.

– А где Мишаня? – вдруг спросила Аля.

Плечи у Андрея затряслись еще сильнее.

– Я чувствовала, что если что-нибудь случится, он будет первым, а я – второй, – сказала Аля.

– Теперь все будет хорошо, – успокаивал ее Андрей.

– Тебя не расстреляют?

– Посмотрим.

– Что значит посмотрим?

– Ну мне самому интересно.

– А что будет со мной? – спросила Аля.

– Ты будешь меня ждать, – сказал Андрей.

– Несмотря ни на что?

– Несмотря ни на что.

Зазвонил телефон. Димка постучал в дверь ванной.

– Андрей, это Алина мама. Что сказать?

– Скажем, когда придет, – отозвался Андрей.

Он поднялся и, не оборачиваясь, сказал Але:

– Сейчас придет твоя мама, мне лучше выйти.

Аля молча кивнула. Андрей на всякий случай взял с полочки Димкин бритвенный станок и вышел из ванны.

Алина мама с отчимом пришли минут через десять. С ними был Петр Палыч. Они прошли в гостиную, где сидели Димка и Генка.

Петр Палыч и Андрей вышли на кухню, закурили.

– Это ты – Алмаза? – спросил майор.

Андрей протянул майору «тэтэшник».

– Я ничего не буду говорить. Ни вам, никому.

– Так нельзя, – мягко произнес Петр Палыч. – У тебя и без того тяжелое положение.

Андрей согласно кивнул.

– Тебе надо сдать, – сказал майор.

– Я тоже так считаю, – согласился Андрей. – Проводите меня?

Петр Палыч подумал и предложил:

– Надо на всякий случай написать заявление и положить в карман.

– Какое заявление?

– Что ты решил сдать властям.

Андрей попросил у Димки лист бумаги, ручку и написал

«Иду сдаваться».

Потом вышел из кухни и отдал «марго» Алиному отчиму.

Потом сказал Генке, что идет в милицию.

– погоди, дай сообразить. Мне ж тоже надо что-то делать, – заволновался Генка.

– Думаю, тебе надо сделать то же самое, – сказал Андрей. – А там будь что будет.

– А драгоценности кому достанутся? – спросил Генка.

– Все равно.

Генка печально улыбнулся.

– Мне тоже все равно.

Андрей вынул из кармана листок бумаги, зачеркнул слово «иду» и написал сверху «идем».

Андрей не стал прощаться с Алей. Это было выше его сил.

Уже в дверях Димка пожал ему руку:

– Мы еще сыграем в твою честь.

Петр Палыч, Андрей и Генка вышли из подъезда. На скамейке сидел Жорик. «Наверно, уже позвонил Досанову. Странно, что капитана до сих пор нет», – подумал Андрей.

Они шли мимо дома, где жил Андрей.

– Зайди, попрощайся, – посоветовал Петр Палыч.

Андрей взобрался на пожарную лестницу и заглянул в окно. Отец играл со Славиком в шахматы. Мать читала с Валеркой книжку. «Им хорошо без меня», – подумал Андрей и слез с лестницы.

К подъезду подъехала «Волга», из нее вышла судья Щуки-

на в норковой накидке. Не глядя по сторонам, пошла в дом.

– Скорее всего, судить вас будет она, – сказал Петр Палыч.

Андрей усмехнулся.

– И даст высшую меру. По знакомству.

Они вошли в горотдел милиции. Туда только что привезли Адама. Чеченец был в своем обычном белоснежном костюме. Как всегда, уверенный в себе, он громко говорил тем, кто его привел:

– Нас, Куцуевых, много. За всеми не уследишь. Я не знаю, кто посадил в подвал этого русского.

Увидев Андрея, воскликнул:

– О, Корень! А тебя за что?

Андрей смерил чеченца с ног до головы: «Рабовладелец хренов».

Петр Палыч подошел к дежурному и начал что-то ему втолковывать. А со второго этажа стремительно спускались Досанов и еще двое милиционеров. Кажется, они собирались куда-то ехать. Может быть, даже брать Андрея и Генку по звонку Жорика. Увидев парней, Досанов оторопел.

– А вы что тут делаете?

Андрей подал капитану заявление. Подошел Петр Палыч.

– Твоя идея? – спросил его Досанов.

– Да нет, – сказал майор. – Ребята сами решили.

Капитан повернулся к парням.

– Ну что, щенки, доигрались? Сколько я вас пытался остановить!

Парни смотрели друг на друга. Что они могли сказать? Они просто жили, как умели. Жили играючи, это точно. Но в этой игре было еще и какое-то особое помешательство, которое обычно не учитывается судом. Будущее, как и прежде, оставалось для них неопределенным и страшным. Но они смотрели друг на друга и улыбались. Ну не плакать же, в самом деле.